

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

О.Н. Меренкова, И.Ю. Котин

**БАНГЛАДЕШЦЫ В ЛОНДОНЕ:
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА
В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МЕГАПОЛИСЕ**

Санкт-Петербург
2016

УДК
ББК
М

Меренкова О.Н., Котин И.Ю.

М Бангладешцы в Лондоне: Этноконфессиональная группа в мультикультурном мегаполисе. СПб.: МАЭ РАН, 2016. — 244 с. (Kunstkamera Petropolitana).

ISBN 978-5-

В монографии исследуется история формирования бангладешской общины в Лондоне. Анализ особенностей социо-культурной адаптации бангладешцев проводится в контексте новейшей истории Великобритании. Портрет бангладешской общины Лондона дается на фоне мульти-культурной Британии. Современный Лондон уже трудно представить без шумного, пестрого, гостеприимного «Банглатауна» — «Бенгальского города», где живет более 80 тысяч бангладешцев. Книга будет полезна этнографам, историкам, востоковедам, исламоведам и всем интересующимся историей Южной Азии и Великобритании.

Summary

Olga N. Merenkova and Igor Y. Kotin in their book analyse the history and present state of the Bangladeshi community in London. Special attention is paid to the formation and existence of the Bangladeshi inclave in the Tower Hamlets in inner London. The book will be of interest to historians, ethnographers, social anthropologists and general readers interested in the UK history, sociology, racial relations and Islam.

**УДК
ББК**

ISBN 978-5-

© О.Н. Меренкова, И.Ю. Котин, 2016
© Оформление серии. В. Яковлев, 2016
© МАЭ РАН, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Лондон — мультикультурный мегаполис	
1.1. Британский опыт мультикультурализма	11
1.2. Лондон — город многих культур и религий.	30
1.3. Основные группы населения Лондона.	41
Глава 2. Бангладешцы в Великобритании	
2.1. Формирование этноконфессиональной общности бенгальцев-мусульман в Восточной Бенгалии.	44
2.2. Очерк бенгальской миграции в Великобританию до 1971 г.	56
2.3. Общественные организации британских бангладешцев и Война за независимость Бангладеш 1971 г.	68
2.4. Бангладешская миграция в Великобританию: 1971—2011 гг.	70
Глава 3. Лондонский Банглатаун	
3.1. Формирование Банглатауна и связь с бангладешским предпринимательством.	78
3.2. Банглатаун и бангладешский бизнес	81
3.3. Лондонский Банглатаун глазами писателей и журналистов	89
Глава 4. Бангладешцы Лондона в британской политике	
4.1. Политизация лондонских бангладешцев.	106
4.2. Роль общественных организаций как агентов социализации бангладешцев. Бангладешские социальные организации в Лондоне	119
4.3. Молодежные общества и представительство бангладешцев в политических организациях и муниципальных учреждениях Великобритании.	122

Глава 5. Проблемы самоидентификации и социокультурной адаптации бангладешцев в Великобритании	
5.1. Проблемы самоидентификации бангладешцев в Великобритании	126
5.2. Соотношение национального и конфессионального фактора в самоидентификации мигрантов и их потомков.	132
5.3. Обряды жизненного цикла: традиционные черты и новые тенденции как попытка интеграции бангладешцев в инокультурное общество.	136
5.3.1. Обряды, связанные с рождением.	137
5.3.2. Детское образование	141
5.3.3. Изменение стратегии выбора брачных партнеров и свадебная обрядность	146
5.3.4. Погребение умерших.	156
5.4. Интеграция бангладешцев в британское общество (по материалам анализа биографических справочников)	159
Заключение.	166
Источники	168
Библиография	170
Приложение	181

ВВЕДЕНИЕ

По результатам последней переписи населения Великобритании (2011 г.) так называемые «белые британцы» в Лондоне составили меньшинство. Это напомнило и исследователям и общественности о том, что Лондон уже давно стал мультикультурным мегаполисом, в котором многочисленные общины выходцев из бывших британских колоний представлены достаточно широко. Большинство этих общин вполне «видимы». Их религиозные и культурные центры в Лондоне, такие как мечеть в Риджентс-парк, Большая сикхская Гурдвара в Саутолле или индусский храм Шри Свами Нараян в районе Нисден уже стали важными туристическими достопримечательностями наряду с лондонским Тауэром, Британским музеем, Национальной галереей и Музеем мадам Тюссо. Кстати, многие музеи Лондона, такие как Британский музей, музей Виктории и Альберта, Коллекция Уоллеса славятся своими собраниями произведений восточных мастеров, так что смешение культур заметно в британской столице везде. Вслед за колониальными трофеями и колониальными товарами в британской столице появились и люди из колоний: сперва — бывшие колониальные служащие, за ними — рабочие и служащие из числа выходцев из колоний — вест-индцы, индийцы, пакистанцы, позднее — африканцы, бангладешцы. Как торговый и финансовый центр, а также относительно спокойный город, Лондон привлекал арабов, греков, турок, русских, представителей других народов мира. Вероятно, Лондон — самый космополитичный из всех европейских столиц. Неслучайно 7 мая 2016 г. в мультикультурном центре при храме в Саутворке принял присягу первый мэр Лондона — пакистанец, первый глава города — мусульманин Садик Хан [Guardian 7 May 2016]. В Лондоне и за его пределами, в крупных английских городах возникают этнические анклав, где большинство населения или его значительную часть составляют представители той или иной этнической или политонимной группы. Таким этническим анклавом в Лондоне признан в 2011 г. и район Тауэр-Хэмлетс, где самую большую группу населения составили бангладешцы.

В Великобритании, согласно предварительным оценкам, проведенным исследователями Бюро национальной статистики Великобритании (Office for National Statistics) в 2011 г., проживает более 400 тыс. бангладешцев. При этом многие из них поддерживают тесные контакты с оставшимися родственниками в Бангладеш и укрепляют связи внутри своей общины в Великобритании. Более половины британских бангладешцев проживает в Лондоне. Лидирующее место по количеству живущих в нем бангладешцев принадлежит упомянутому лондонскому району Тауэр-Хэмлетс (81 тыс. чел. на 2011 г.).

Интерес исследователей к положению бангладешцев в Соединенном Королевстве связан не только с постоянным ростом численности бангладешской общины в Великобритании, но и с возрастающим влиянием ее представителей на различные аспекты жизни страны. Бангладешская община — одно из беднейших этнических меньшинств Великобритании. Тем не менее, многие бангладешцы достигли успехов в разных областях жизни британского общества, в британской и бангладешской политике, особенно в торгово-предпринимательской среде и в сфере услуг, связанных с жизнеобеспечением собственной общины. Ими созданы многочисленные социальные, культурные и религиозные организации, деятельность которых направлена на защиту прав бангладешцев в инокультурном обществе и поддержку членов общины, как в профессиональных сообществах, так и в бытовой сфере. Бангладешцы содержат большинство так называемых «этнических» ресторанов «индийской» кухни. Они широко представлены в мире моды и поп-музыки, входят в мир британской литературы и кинематографа. Кроме того, беднейшие в Англии, по бангладешским стандартам эти люди — весьма состоятельны. *«Лондони»*, т.е. лондонские бангладешцы — пример для подражания, образец для тех, кто остался в стране происхождения. У многих из них есть недвижимость в Бангладеш. В Силхете, откуда родом большинство лондонских бангладешцев, есть целые деревни и городские районы, дома в которых принадлежат так называемым «лондонцам». Как мы видим, как минимум для двух стран — для Великобритании и для Бангладеш — тема лондонских бангладешцев чрезвычайно важна. В связи с этим становятся все более актуальными исследования, посвященные формированию, развитию и функционированию этнических анклавов, росту этнического самосознания мигрантов и их потомков в условиях инокультурной среды. Интенсивное развитие межкультурных

контактов делает особо значимым изучение проблемы этнической самоидентификации мигрантов в диаспоре.

Основной целью данного исследования является анализ миграции из Бангладеш в Великобританию и социально-культурной интеграции иммигрантов и их потомков в принимающем обществе, а также изучение социально-политической адаптации бангладешцев в условиях инокультурной среды.

Принимая во внимание тот факт, что независимое государство Бангладеш (до 1947 г. — Восточная часть Бенгальской провинции Британской Индии, с 1947 г. — Восточный Пакистан) существует лишь с 1971 г., для комплексного анализа указанной темы дан краткий очерк истории возникновения Бангладеш в контексте истории миграции из этой страны. Современное суверенное государство Бангладеш возникло как независимое административное образование 26 марта 1971 г. вследствие отделения Восточной Бенгалии от Пакистана в результате Войны за независимость. Немаловажную роль в победе движения за независимость Бангладеш сыграли восточнобенгальские мигранты в Британии, прежде всего — в Лондоне и Бирмингеме, а в жизни Бангладеш денежные переводы граждан страны из Британии имеют первостепенное значение.

В географические рамки работы попадает ряд британских городов, где существуют бангладешские общины, но главный географический объект исследования — мультикультурный Лондон.

Лондонский Сити был многонациональным и поликонфессиональным со времени основания города. Еще в римском Лондиниуме, существовавшем на месте современного Лондона, были известны общины латинян, кельтов. На месте современного собора Святого Павла некогда располагался храм иранского божества Митры, очень популярного в Римской империи в первые века нашей эры. Позднее в Лондоне появились англосаксы, норманны, евреи. Город дал приют бежавшим от религиозных преследований протестантам из Фландрии, позже — гугенотам из Франции. В начале XX в. русские, евреи, поляки заселили район иммигрантов Ист Энд. Значительное число бангладешцев сконцентрировано именно в лондонском Ист Энде, традиционном районе, где селились иммигранты и где с середины 1990-х гг. сформировался этнический анклав, в настоящее время известный как «Банглатаун» («Бенгальский город»). Рассмотрение формирования Банглатауна является одной из задач нашего исследования.

В отечественных исследованиях Великобритании бангладешская община практически не рассматривалась как отдельная этноконфессиональная группа. Между тем бангладешцы в Великобритании — это этнические бенгальцы, исповедующие ислам. Главное внимание в работах предшественников было уделено таким аспектам, как численность мигрантов, ареалы расселения, экономическая занятость и конфессиональная принадлежность. Для проведения данного исследования потребовалось изучение работ современных историков, этнографов, социологов и исламоведов, в которых затрагиваются проблемы трудовых миграций и этноконфессиональных меньшинств Великобритании.

Вплоть до 1981 г. труды западных исследователей трактовали миграцию из Восточной Бенгалии как часть процесса перемещения населения Индийского субконтинента с исторической родины. При этом бангладешцы не рассматривались и как отдельная политонимная группа, поскольку до 1971 г. независимое государство Бангладеш еще не существовало, а соответствующие статистические данные по бангладешской миграции в Британию появились лишь после переписи населения Великобритании 1981 г. Мы можем определить бангладешцев в Великобритании как этноконфессиональную группу. Это этнические бенгальцы родом из Бангладеш. При этом подавляющее их большинство считает себя мусульманами. Бенгальцы-индусы, как правило, родом из Индии.

Среди западных публикаций по бангладешской общине отметим работы Дж. Ида, К. Пича, Т. Вэмплю, К. Гарднера и А. Шукура [Eade 1989, Eade, Peach and Vamplew 1996, Gardner, Shukur 1995]. В трудах Ш. Макдональда, Т. Мадана, Н.Л. Файсон [Macdonald 1993, Madan 1998, Fyson 1984] рассматриваются проблемы, связанные с этнической идентификацией мигрантов. Д. Эверслей, А.А. Улла, О. Фарук рассматривают локальные бангладешские общины в Великобритании (в частности, в районе лондонского Ист Энда), и проводят исследование деятельности британских бангладешцев в различных областях [Eversley, Ullah 2006; Faruque 2006]. Рассмотрением отдельных аспектов миграции из Южной Азии активно занимались и отечественные специалисты: А.Д. Дридзо, В.И. Кочнев, И.М. Семашко. Первой отечественной публикацией, специально посвященной рассматриваемой теме, стала статья И.Ю. Котина «Рождение Банглатауна. Бангладешцы в лондонском Ист Энде» [Котин 2003 а]. В 2008 г. вышла книга И.Ю. Котина

«Ислам в Южной Азии и Великобритании», а в 2009 г. — монография того же автора «Тюрбан и “Юнион Джек”», в которых тема бангладешцев в Англии затрагивается, но не является основной и единственной. В 2014 г. была защищена кандидатская диссертация О.Н. Меренковой, посвященная проблемам идентификации и социокультурной адаптации бангладешцев в Великобритании. Настоящая монография — первое печатное издание на русском языке, специально посвященное бангладешцам в Лондоне.

Авторы представленного исследования изучили не только отечественную и зарубежную литературу по рассматриваемой теме. Были рассмотрены также официальные документы: материалы переписей населения Великобритании (в особенности переписи 2001 и 2011 гг.), электронные сайты общинных и религиозных организаций, периодические издания, как общебританские («Таймс», «Гардиан», «Дейли телеграф», «Индепендент»), «азиатские» («Эйжиан Эйдж», «Эйжиан Таймс», «Эйжиан Войс», «Ист», «Истерн Ай»), мусульманские (Q-News), так и общинные, а также данные биографических справочников, в частности — справочники «British Bangladeshi Who is Who» за 2009 и 2011 гг. Исследователи использовали также литературные произведения, такие как роман Моника Али «Брик Лейн» и очерки Тарквина Холла «Салаам, Брик Лейн: год в Новом Ист Энде», журналистскую обработку оригинальных рассказов бангладешских иммигрантов, выполненную Кэролайн Адамс «Через семь морей и тринадцать рек», позволившие авторам раскрыть некоторые заявленные в теме исследования положения.

В монографии помещены фотографии, сделанные авторами книги во время посещения Лондона в 1994–1995, 1996–1997, 2007, 2009 (И.Ю. Котин) и в 2011 (И.Ю. Котин, О.Н. Меренкова) годах.

Авторы благодарят дирекцию МАЭ за помощь в публикации книги, своих коллег, прежде всего д.и.н. Н.Г. Краснодембскую, д.и.н. М.А. Родионова, д.и.н. С.А. Абашина, д.и.н. С.И. Рыжакову, к.и.н. Е.Г. Цареву, к.и.н. Е.С. Соболеву, к.и.н. В.Н. Кислякова, к.и.н. В.И. Селезневу и многих других за ценные советы и помощь. Мы благодарны М.А. Ильиной и сотрудникам редакционно-издательского отдела МАЭ, без чьей помощи книга также не состоялась бы. Неоценима также помощь ныне покойных д.и.н. С.А. Маретиной, к.и.н. В.А. Козьмина, д.и.н. Ю.Ю. Карпова, д.и.н. Е.Н. Успенской, всегда поддерживавших авторов советом и оказывавших всестороннюю помощь.

Несколько слов о распределении исследовательской работы и труда по написанию монографии. Глава 1 и раздел 1 главы 4 написаны И.Ю. Котиным, главы 2, 3 и 5 и разделы 2, 3 главы 4 — О.Н. Меренковой при участии И.Ю. Котина. Введение и заключение написаны авторами совместно.

Глава 1 ЛОНДОН — МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ МЕГАПОЛИС

1.1. Британский опыт мультикультурализма

Согласно общебританской переписи 2011 г. население Соединенного Королевства Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии, более известного как Британия или Великобритания, составило 63 млн чел. Из них в Англии проживало 53 млн чел., в Шотландии — 5 млн чел., в Уэльсе — 3 млн чел., в Северной Ирландии — 1,8 млн чел. [Office of National Statistics UK 2011a]. При этом наибольшее этническое разнообразие наблюдается в Англии, и особенно — в Лондоне. Из 53 млн англичан, то есть в данном случае — жителей именно Англии, 48 млн респондентов на вопросы переписи отнесли себя к так называемым «белым британцам». Эта категория этнорасовой номенклатуры до сих пор в ходу в Соединенном Королевстве и включает «белых англичан», «белых валлийцев», «белых шотландцев» и «белых ирландцев». «Белое британское большинство» составило 80 % населения Англии. Остальные 20 % ее населения были представлены индийцами (1,4 млн чел., 2,5 % населения), пакистанцами (более 1 млн чел., 2 % населения), бангладешцами (400 тыс. чел.) [Office for National Statistics UK, 2011]. В стране также были зарегистрированы крупные группы арабов (более 200 тыс. чел.), выходцев из Вест-Индии, Африки, Китая. Все это заставляет вспомнить о мультикультурном и полиэтничном характере населения Великобритании вообще и Англии в особенности.

Многонациональной Британия была с незапамятных времен. Хотя до середины XX в. подавляющее большинство населения Соединенного Королевства составляли англичане, шотландцы, валлийцы и ирландцы, в стране присутствовали старинные общины британцев фламандского, французского (гугеноты), польского, еврейского происхождения. Здесь селились также итальянские

и русские политические иммигранты, индийские махараджи и их слуги, китайские корабельные служащие, грузчики, позднее — рестораторы и служащие ресторанов. Современное разнообразие этнического состава населения страны во многом объясняется массовой трудовой миграцией из бывших английских колоний в период после Второй мировой войны. Тогда относительно благополучная и пострадавшая менее других стран Европы от последствий войны Англия привлекала мигрантов сравнительно недорогим жильем, довольно хорошей заработной платой. Ирландцы, поляки, итальянцы прибывали в страну в качестве чернорабочих. При этом на юго-востоке Англии (Большой Лондон и тяготеющие к нему графства Кент, Эссекс, Сассекс, Суррей), где был сосредоточен относительно благополучно сохранившийся средний класс, не говоря об обедневшей, но выжившей знати, существовал также спрос на домашнюю прислугу. В 1940-е гг. европейские гувернантки были почти во всех семьях среднего класса. Ощущался в Британии и недостаток таких категорий служащих, как учителя, медицинские сестры. В британских колониях эти специалисты получали образование согласно британским программам и стандартам, зачастую признавалось соответствие их квалификации общебританской. Так, доктора часто работали в качестве младшего медицинского персонала.

Бывшие владения Британской империи обретали независимость, но сохранение их в составе новой структуры — Британского Содружества наций (the British Commonwealth) — давало призрачное ощущение сохранения имперского величия. Выходцы из бывших британских колоний в первое время могли беспрепятственно попасть в Соединенное Королевство и устроиться там на работу. Поэтому приезд чернорабочих и прислуги из бывших колоний не вызывал опасений у представителей английского высшего общества и среднего класса.

При этом не было в Англии и большого дефицита жилья для новоприбывших. В послевоенный период в так называемых «депрессивных» зонах Англии и Шотландии, куда попадали и районы Лондона, в частности, печально известный Ист Энд, оставались незаселенными целые кварталы старой, так называемой викторианской террасной постройки. Из-за закрытия старых заводов вследствие модернизации британской экономики рабочие переезжали в другие города, где существовал дефицит рабочей силы. Их старое

жилье сдавалось очень дешево, при этом иммигранты селились, как правило, по несколько человек вместе, что удешевляло их расходы. Первыми послевоенными мигрантами в Англию стали ирландцы, которые и до этого составляли значительную часть британского рабочего класса. Около миллиона ирландцев-иммигрантов работало после Второй мировой войны в портах на верфях Ливерпуля и Глазго, на фабриках Манчестера, Брэдфорда и Лидса. Всего же около четырех млн британцев ирландского происхождения проживали в королевстве и были заняты преимущественно физическим трудом [Рабочее движение Великобритании 1982: 1].

В послевоенные годы поляки, итальянцы также составляли значительную часть трудовых ресурсов Англии. В 1950-1960-е гг. Федеративная Республика Германия, Франция, Италия получили существенную экономическую помощь США (согласно так называемому плану Маршалла) и сумели достаточно быстро оправиться от разрушительных последствий войны. Соответственно их экономика сама стала нуждаться в дешевой рабочей силе и поток рабочих из этих стран сократился. К тому же в Британии наблюдался определенный экономический спад, связанный с потерей многих колоний и их рынков. Превращение огромной колониальной «периферии» в закрытый рынок для продукции английских компаний «надолго лишило их стимула к обновлению и переустройству экономической структуры, введению новой техники и технологии. Огромные накопления в основном использовались не для совершенствования производственного аппарата, а направлялись на расширение сферы торговли, финансов и нематериальных услуг, а также вывозились за границу» [Великобритания 1972: 18]. Английские товары сохраняли конкурентоспособность на европейском рынке лишь при их значительном удешевлении, а это означало сверхэксплуатацию рабочих на производстве, и ограничение их нужд. Заработная плата английских рабочих и служащих росла медленнее, чем доходы их коллег в странах Западной Европы. В 1960-е гг. сюда уже не так охотно ехали итальянцы, а поляки оказались в контролируемой СССР части Восточной Европы и не имели возможности переезда в Британию. Англия все еще остро нуждалась в дешевой рабочей силе, и новым источником такой дешевой рабочей силы в изменившихся условиях стали ее колонии и территории, незадолго до этого получившие независимость от Британии. До 1962 г. не существовало юридических препятствий

для их приезда в метрополию. Закон о британском гражданстве 1948 г. (British Nationality Act, 1948) уравнивал в правах британских граждан и жителей колоний. Именно из оставшихся колоний, прежде всего из Вест-Индии, в Соединенное Королевство стали прибывать рабочие-иммигранты в 1950-е годы.

Основную часть мигрантов из Вест-Индии составляли черно-рабочие. Однако помимо них работу в Англии находили специалисты с высшим образованием, а также дипломированные учителя и медсестры, в которых очень нуждалась Британия, в 1948 г. национализировавшая и реформировавшая Национальную медицинскую службу (National Health Service) и испытывавшая также нехватку преподавателей. Вест-индцы сменили европейских рабочих, спустя десять лет к ним присоединились индийцы, еще через десятилетие — пакистанцы, бангладешцы. Конечно, индийцы селились в Англии и в 1930-е годы. Не прекратился их поток и в 1940-е годы. Однако массовой их иммиграция стала в 1950-е годы., для пакистанцев этот процесс стал массовым в 1960-е годы, для бангладешцев — в 1970–1990-е годы.

В первые годы истории независимых Индии и Пакистана существовала проблема изготовления паспортов, которые были необходимыми въездными документами. Такие паспорта в первую очередь получали жители таких территорий, как Мирпур (в оккупированной Пакистаном части Кашмира), где многие земли были затоплены, а также выходцы из округа Силхет, который из состава индийского Ассамы по результатам референдума в 1947 г. вошел в состав Восточного Пакистана. Силхетцы имели также возможность получать паспорта моряков, ибо многие служили еще в британском торговом флоте. Они часто покидали свои суда и нелегально оставались в британских портах. Нахождение в Англии не считалось для них большим нарушением английских законов в тот период, ведь это были бывшие британские подданные. Еще проще было вест-индцам, ибо большая часть островов Карибского бассейна оставалась британской колонией.

Один из таких выходцев из колоний, уроженец Барбадоса — афро-карибец Эдвард Братвейт (Edward Brathwaite). Значительную часть жизни он провел на Ямайке, где преподавал историю, затем переехал заниматься исследовательской работой в Гане. Сейчас это — известный британский поэт. Вот несколько строк из его стихотворения «Эмигранты»:

*Итак, Вы видели их
С их картонными коробками,
Фетровыми шляпами, плащами,*

*Их женщин, с их серыми или сиреневыми пальто,
Скрывающими полные фигуры.*

*Это — эмигранты.
В морских портах
И аэропортах,
Везде, где есть пароход или поезд,
Машина или самолет,
Вы видите, там возникают они...*

[Black 1984: 6-7. Перевод И.Ю. Котина]

Для переезда в Англию мигранты в первые десятилетия XX в. пользовались водным транспортом, несмотря на то что добираться пассажирским пароходом или на грузовых судах, переоборудованных для перевозки «живого груза» приходилось много дней. Далее с массовым введением пассажирского сообщения в 1950-1960-е годы сроки доставки пассажиров изменились кардинально, хотя выросла цена, так что иммигранты, как правило, заработок первого года отдавали кредиторам на погашение своего долга за доставку их в Англию.

Рабочие из Вест-Индии, Индии и Пакистана, преимущественно молодые мужчины, пользовались внутриобщинным кредитом или занимали деньги у деревенского ростовщика. В ряде случаев наймом служащих занимались государственные или муниципальные корпорации, так, жителей вест-индского острова Барбадос пригласила на работу водителями и кондукторами автобусов лондонская транспортная служба (London Transport Executives). Вест-индцы прибывали в Англию также по контрактам с администрацией железных дорог (British Rail) и министерством здравоохранения (National Health Service), Британской транспортной комиссией (British Transport Commission), Британской Ассоциацией отелей и ресторанов (British Hotel and Restaurant Association) [Рабочее движение Великобритании 1982: 21].

Индийцам, пакистанцам, бангладешцам приходилось рассчитывать на помощь предшественников, уже осевших в Англии. Усло-

вия их труда и жизни были ужасающи. Вот как их описывает английский поэт индийского происхождения Далджит Награ:

*Он первым из наших мест
Недорогим парходом
Прибыл в Ангрезистан.*

*Год работы в две смены
И вот уже новый «Энфилд»
Красуется в его доме —
Черное с серебром.*

*Он был для нас как витрина,
Мы же бросали байки
У дома
И шли послушать
О быстрых деньгах рассказ.*

*И я пересек те воды,
Как многие англичане,
Прославившие свое имя
Походами за моря.*

*Я добрался до дома
Нашего первопроходца —
Вот он, покрытый граффити,
Старый сырой сарай.*

*Он бросил доску на ванну
И назвал это спальней,
Сказав, что у многих приезжих
Нет и такого жилья.*

*Слил в туалете воду. И направился в кухню,
Где накормил меня старым
Чапатти из коробка.*

*А я ведь жену оставил
И работу на почте
В своей любимой деревне,*

*Все это потому,
Что этот бывший пропойца.
Сын уборщика улиц,
Судя по его письмам,
Здесь быстро разбогател.*

*Когда я его пытаю:
Где же эта халява?
Простая такая работа —
На кнопки нажимать?*

*Он сквозь желтые зубы
Неприятно смеется,
Он сед, и глаза его впали —
Проклятый ходячий труп...*

[Daljit Nagra 2007: 5. Перевод И.Ю. Котина]

Известно, что на миграцию оказывают влияние два типа факторов: выталкивания, т.е. обстоятельства, провоцировавшие выезд из страны, а также притяжения, т.е. факторы в принимающей стране, способствовавшие приезду мигрантов. Фактор притяжения оказался решающим для миграции в Великобританию ирландцев, итальянцев, вест-индцев. В случае южноазиатской миграции решающим оказался фактор выталкивания. В монографии К. Пича «Вест-индская миграция в Британию» доказана прямая зависимость между состоянием британской экономики, ее потребностью в дешевой рабочей силе и миграцией из карибских государств Ямайки, Барбадоса и др. [Peach 1968], а в работе его ученика В. Робинсона показано, что такой прямой зависимости между миграцией из Южной Азии и спросом на рабочую силу в Англии нет [Robinson 1980: 115–123]. Так, пик бангладешской миграции в Великобританию пришелся на пору высокой безработицы, но в самой Бангладеш это годы, отмеченные наводнениями, войной за независимость, репрессиями со стороны военных властей и экономическим спадом. Экономический спад в Британии в 1977 г. не оказал негативного воздействия на миграцию из Бангладеш: для бангладешцев фактор выталкивания оказался более важным, чем фактор притяжения.

Итак, мы наблюдаем большое разнообразие в населении современной Великобритании, причем значительную часть ее составляют

выходцы из Южной Азии, представленные по стране происхождения (политонимы) индийцами, пакистанцами, бангладешцами, в меньшей степени — шри-ланкийцами, непальцами. Значительная их часть — рожденные уже в Великобритании потомки иммигрантов, в меньшей степени — дети от смешанных браков.

В 1960-е годы в связи с ужесточением миграционных законов в Великобритании многие выходцы из Южной Азии отказались от мечты навсегда вернуться домой (так называемый «миф о возвращении») и стали считать Британию своим новым домом. Отказ от «мифа о возвращении» спровоцировал приезд в Великобританию жен и детей иммигрантов по линии воссоединения семей и сказался на изменении половозрастной структуры южноазиатских групп в Великобритании. Если в 1971 г. число мужчин на 100 женщин равнялось у индийцев 210, то в 1981 г. их стало 105, у пакистанцев и бангладешцев с 1971 по 1981 г. число мужчин на сто женщин изменилось с 210 до 121. В дальнейшем численный рост общин индийцев, пакистанцев и бангладешцев происходил в основном за счет естественного прироста. Большинство британцев южноазиатского происхождения находится в трудоспособном и фертильном возрасте. Очевиден дальнейший рост этих общин, что и показали результаты последней (на данный момент) переписи 2011 г.

Наличие многочисленных общин южноазиатского и вообще неанглийского происхождения облегчает бангладешцам в Лондоне существование в качестве одной из многих общин этого мультикультурного мегаполиса. При этом и становление Лондона как мультикультурного города, и оформление мультикультурализма как признанной либеральной социальной политики формировались постепенно, разрушая стереотипы в отношении новоприбывших.

Коренные британцы не сразу признали за иммигрантами право на «особость», хотя традиция социальной резидентной сегрегации (т.е. раздельного поселения в городах представителей разных социальных и этнических групп) облегчала проявление этой особенности в тех местах, где компактно селились иммигранты. Американский социолог М. Гордон назвал «англо-конформизмом» стратегию на этнокультурное доминирование большинства и подчинение им культуры иммигрантов [Gordon 1964: 110]. Предполагалось подчинение иммигрантов культуре большинства, интеграцию их на месте работы, в клубах в принимающее общество, дальнейшую их ассимиляцию путем межрасовых браков. Но расовые предрассудки самих

англичан, религиозно-культурная специфика и брачная практика иммигрантов мешали межнациональным бракам, препятствовали принятию меньшинствами культуры большинства.

Не возникло и «плавильного котла» (melting pot) американской модели, при которой смешение культур и рас должно было дать новую культуру и смешанную расу. Впрочем, теория «плавильного котла» не подтвердилась и для США, где она была сформулирована и где для смешения рас и культур имелось больше возможностей. Исследователь из университета Уэльса В. Робинсон [Robinson 1986] предлагает понятие «инкапсуляции» для объяснения той тактики по нахождению или созданию своей экономической и социальной ниши, которую выработали, например, выходцы из Южной Азии. По существу, возник целый букет «этнических» культур в Великобритании. Прежде всего это, конечно, культура англичан, главным образом — англикан, но в значительной степени — неверующих. Повсеместно заметно присутствие мусульман, разделенных, однако, по этническому принципу.

Наиболее заметны пакистанская, бангладешская, арабская группы мусульман-суннитов, иранская группа мусульман-шиитов. Индусы и сикхи заметны в Британии благодаря наличию своих религиозных центров — *мандиров* и *гурдвар*, а также в силу внешних отличий — более темному цвету кожи и особой одежде. Большинство мужчин-сикхов не стрижет волосы и носит тюрбаны, что делает их особенно заметными на улицах британских городов. Выходцы из Вест-Индии и Африки — преимущественно негры и мулаты («афро-британцы» и «черные британцы» в системе британской этнорасовой номенклатуры) выделяются внешним видом, прежде всего — цветом кожи, в меньшей степени — одеждой. По религии они могут быть христианами, чаще всего — англиканами, но отличие по внешнему виду помешало их первоначальной интеграции и ассимиляции, в нынешних же условиях эти группы британского населения и сами стремятся подчеркнуть свою особость, символом которой стал, в частности, знаменитый фестиваль афро-британской культуры, ежегодно проводящийся в лондонском районе Ноттинг Хилл.

Внешние отличия индийцев, пакистанцев, арабов, вест-индцев вызывали неоднозначную реакцию коренных англичан, которые сохраняли предрассудки и в отношении более знакомых им ирландцев и поляков, не говоря о сословных предрассудках, разделявших

английское общество. Расизм в 1950-е годы был достаточно распространенным явлением в этой стране. В.И. Козлов, первый из отечественных исследователей, приступивший к изучению этнорасовых меньшинств в Великобритании [Козлов 1980, 1987, 1991], отметил, что под расами в этой стране понимаются «многие национальные, религиозные, географические, лингвистические и культурные коллективы» [Козлов 1987: 159] и что здесь, «кроме научного определения расы, как группы людей (популяции), отличающейся от других комплексом генетических передаваемых признаков (цвет кожи, конституция тела, форма черепа, форма зубов, группа крови и т.д.), когда ареалы таких признаков могут не совпадать, существует еще бытовое определение расы — главным образом на основе зрительно четко различимых признаков: оно обычно выражается в представлении о “белой”, “черной” и “желтой” расе» [Там же: 159].

У англичан существует поговорка: «туземцы (негры) начинаются в Кале», что отражает в целом несколько пренебрежительное отношение к иностранцам, получившее в Англии название «ксенолипии», т.е. сочувствия чужим. В отношении черных рабов в пуританской Англии, признававшей работорговлю (отменена в 1830-е годы XIX в.), англичане проявляли как жестокость, так и патриархальное покровительство, смотря в обоих случаях на них как на более низких по социальному статусу и со ссылкой на Библию заявляя, что африканцы — потомки библейского Хама и сына его Ханаана, проклятые праотцом Ноем и уготованные в рабы потомкам Сима и Яфета, т.е. европейцам [Абрамова 1992: 125–126.]. Английская индустриальная революция, сделавшая Британию «мастерской мира», и создание Британской «колониальной империи», над которой «никогда не заходило солнце», еще в большей степени способствовали ощущению британцами своей избранности.

Крушение колониальной империи и потеря Англией передовых позиций в мировой экономике вызвали ощущение фрустрации в британском обществе, причем представители бывших колоний воспринимались как неблагодарные предатели, неспособные на благодарность по своей природе. И ранее известное явление — расизм, «который объясняется главным образом этнокультурной апперцепцией, т.е. усвоением каждым новым поколением и каждым человеком в процессе его социализации ценностных установок и стереотипов окружающей этнокультурной среды, посредством

которых он в дальнейшем познает иноэтнические группы» [Козлов 1991: 160], получил в обществе, переживавшем кризис, серьезное развитие. Как отмечает В.И. Козлов, «для того, чтобы такие реакции (негативные реакции одной группы на другую. — *О.М., И.К.*) приняли открыто конфликтную форму, необходимо осознание какой-то угрозы существования со стороны чужой группы, это может быть обусловлено опытом на личностном уровне, но чаще всего достигается путем направленной пропаганды» [Там же: 164].

Московский этнограф г.А. Аксянова замечает, что расовые предрассудки могут сохраняться даже после устранения их перво-причины и «приобретают в известной степени самостоятельное значение», причинами чему служат:

«1) историческое совпадение социально-классовой и расовой стратификации некоторых обществ, что сформировало определенные культурные и групповые нормы;

2) “вклинивание” инорасовых групп в систему производственных отношений;

3) психологическая предрасположенность людей к оценке окружающих, исходя из своей системы ценностей, убеждение в превосходстве “своего” над “чужим”, свойство отождествлять внешние особенности человека (в частности, расовые) с его духовными качествами;

4) влияние семьи;

5) пропаганда и практика расизма» [Аксянова 1991: 47].

Крушение Британской империи особенно больно ударило по английским рабочим, мелким предпринимателям и люмпенам, которые увидели в «цветных» предателей, врагов и соперников. Неудивительно, что именно в рабочих кварталах Лондона (Ноттинг Хилл) и Ноттингема произошли в 1958 г. первые в Англии столкновения на расовой почве [Messina 1989: 23], и они до конца 1980-х годов оставались зонами постоянных «расовых» беспорядков. В 1967 г. в Англии была создана крайне правая шовинистическая партия Британский национальный фронт. Партия была основана бывшим лидером Имперской лоялистской лиги А.К. Честертонем, выступавшим как против уступок иммигрантам, так и против вовлечения Британии в процесс интеграции со странами Европы и США. Эта партия объединила действия с неонацистской Британской национальной партией, чья печальная известность за связи с нацистами в 1930-е годы не оставила ей шансов на популярность в стране, участвовавшей в антифашистской коалиции.

Британский национальный фронт вобрал в себя также остатки различных групп, выступавших за возрождение империи и за «расовую чистоту британцев» (например, группу Робина Боклэра — Racial Preservation Society — Общество за расовую чистоту). Британский национальный фронт оказался маргинальной партией, не имевшей шансов на политическое представительство в британском парламенте, но в отдельных избирательных округах эта партия могла получить представительство, а главное, она имела легальные возможности распространять идеи расовой ненависти через свои издания и предвыборные документы. Примечательно, что Британский национальный фронт получил наибольшую поддержку среди рабочих, безработных и мелких предпринимателей английского и ирландского происхождения в тех районах, в которых «цветные» составляли значительную часть населения, где они выступали конкурентами на рынке труда, рынке недвижимости, в муниципальных очередях на социальное жилье, конкурентами в борьбе за социальные пособия. На муниципальных выборах 1976 г. Британский национальный фронт в целом по стране получил 8 % голосов, а в Лестере, Брадфорде и Сэндуелле — 15 % [Rich 1986: 57]. В дальнейшем популярность этой партии пошла на убыль, не в последнюю очередь благодаря антирасистской риторике либералов и перехвате части лозунгов БНФ консерваторами. В 1980-е годы БНФ распался на фракции. Наследницей БНФ считается созданная в 1982 г. новая Британская национальная партия, во главе которой стоял сначала Джон Тинделл, позднее — Ник Гриффин, а с 2012 г. — Адам Уокер.

Оставаясь во многом маргинальной партией в Британии, эта партия своей антииммигрантской риторикой по-прежнему заостряет проблему новоприбывших и иммигрантских по происхождению меньшинств, напоминая о расовом и этническом разнообразии населения Британии, в котором она видит угрозу будущему страны. Гораздо серьезнее и опаснее для состояния британского общества оказались слова и действия ряда членов консервативной партии, одной из главных политических сил британской политики.

Еще в апреле 1968 г. в Бирмингеме в речи представителя консервативной партии Инока (Еноха) Пауэлла прозвучали слова о «наплыве иммигрантов» и «реках крови», способных затопить Британию, вокруг него стали группироваться сторонники, известные как пауэллиты, требовавшие введения жестких методов борьбы

с иммиграцией. Позднее у Пауэлла идею иммигрантской угрозы позаимствовала премьер-министр тори Маргарет Тэтчер. Однако в Британии очень сильны и демократические, либеральные, социалистические традиции. Откровенные проявления расовой нетерпимости со стороны крайне «правых» вызвали ответную реакцию либерально настроенной общественности и политиков, в том числе социалистов — лейбористов, сыгравших ключевую роль в формулировании и проведении в жизнь политики антирасизма и мультикультурализма.

В 1958 г. на своей осенней конференции лейбористская партия выступила против расовой дискриминации и других проявлений расизма в стране. Придя к власти, лейбористы (правительство г. Вильсона) в 1961 г. приняли закон, запрещающий дискриминацию в общественных местах (отелях, ресторанах, парках и т.д.), а в 1968 г. была также запрещена дискриминация в сфере занятости, найма жилищ, предоставления услуг, кредита и т.д.; ограничения прав по цвету кожи, признаку расового или этнического происхождения преследовались законом. Лейбористское правительство учредило Управление по вопросам расовых отношений, взявшее на себя контроль за исполнением антидискриминационного закона [Козлов 1987: 165]. Новый закон 1976 г. запрещал дискриминацию по цвету кожи, подданству (месту рождения) и этническому или национальному происхождению жителей страны.

В 1976 г. вместо Управления по расовым отношениям в Соединенном Королевстве была создана Комиссия по расовому равенству при Министерстве внутренних дел. Эта комиссия разрабатывала мероприятия по гармонизации межрасовых отношений в стране. В стране были введены уголовное наказание и штрафы за проявление расизма. В связи с ужесточением антирасистского законодательства популярность английских националистов в стране упала. Сошла на нет и антирасистская риторика консерваторов, теперь старавшихся привлечь на свою сторону представителей меньшинств. В стране активно проводился принцип «позитивной дискриминации» [См.: Edwards 1969]. Идеолог «позитивной дискриминации» (affirmative discrimination) или «позитивного действия» (affirmative action) Дж. Эдвардз, отмечает: «Принятая социальная политика, не принимающая расовое происхождение в расчет, оказывается неэффективной в уменьшении неравенства между меньшинствами и большинством» [Edwards 1995: 2].

Программа поддержки меньшинств была направлена и на поддержку малого бизнеса, причем даже явно антииммигрантская политика правительства Маргарет Тетчер в 1980-е годы включала поддержку «малого бизнеса», которой могли воспользоваться меньшинства. Для меньшинств Великобритании был создан даже ряд преимуществ, что частично компенсировало неудобства иммигрантского происхождения. Однако далеко не все и не всегда смогли воспользоваться преимуществами меньшинства. Высшим судебным органом Соединенного Королевства в 1983 г. — Палатой лордов — меньшинством была признана община сикхов, названная «этнической группой» после возбуждения Комиссией по расовому равенству судебного дела против учителя, не разрешившего ученику-сикху в школе носить тюрбан (*Mandla v. Dowell-Lee*). В то же время Палата лордов не признала мусульман этнической и расовой группой и определила, что они не попадают под действие закона 1976 г. о расовых отношениях (1976 Race Relations Act), который защищает интересы этнических и расовых меньшинств, но не конфессий. Примечательно, что в 1990-е годы наследник британского престола принц Чарльз заявил о готовности выступить «защитником религий», а не «защитником религии», т.е. не только христианства.

Отметим, что с точки зрения этнографов ни сикхи, ни мусульмане не являются этническими группами, и на лицо — смешение этнических, этнорасовых и конфессиональных категорий, характерное как для политиков, так и для многих британских социологов, в том числе разрабатывавших переписи населения и анализирующих их результаты (см. критику: [Ballard 1997: 182–194]).

Своеобразное представление о расах находится в Британии в определенной связи с понятием культуры. Одной из наиболее важных характеристик современного британского общества стал мультикультурализм (культурный плюрализм).

Один из исследователей теории мультикультурализма А.А. Борисов понимает под мультикультурализмом «комплекс разнообразных процессов развития в противовес “единой национальной культуре”», что ставит под сомнение существование национальной идентичности», и рассматривает два основных значения мультикультурализма: «В первом значении мультикультурализм — это феномен этнокультурной фрагментации социума; по-другому и более точно его можно определить как “многокультурность”, в конечном счете, оппозиционную культуре как общенациональному явлению.

Таким образом, речь идет не о культурной автономии в рамках некоей культурной общности, а именно о ее фрагментации.

Во втором значении мультикультурализм выступает как идеология и политика, которые в значительной степени опираются на либеральные концепции “культурного разнообразия”, проповедующие этнические, расовые и субкультурные предпочтения в экономической, политической и культурной сферах общественной жизни. Их цель — искоренение дискриминации и достижение “равенства” различного рода меньшинств с национальным большинством. В данном значении мультикультурализм — объект жесткого идеологического противостояния между либералами и консерваторами, которые видят и оценивают его по-разному, применяя специфические дискурсивные практики. В этом контексте мультикультурализм подвергает испытанию на прочность сложившийся в западных странах либерально-консервативный консенсус. Все это придает проблемам мультикультурализма особую актуальность» [Борисов 2003: 513].

В британских условиях под мультикультурализмом понимается сосуществование разных культур — британской, культур иммигрантов из Европы, Китая, Индии, Пакистана, Бангладеш, Восточной Индии, африканских и арабских стран. При этом так называемое «белое большинство» неоднородно. Ирландцы, итальянцы, греки, евреи, поляки составляют приблизительно 5 % населения страны и отличаются от протестантского большинства исповедуемой религией, многими чертами культуры и быта.

Помимо этого в Великобритании заметен рост шотландского и уэльского (валлийского) национализма, а в последнее время и корнуэльского регионализма, наблюдаются попытки возрождения гэльского, валлийского и корнуэльского языков. При этом растет популярность движений за региональную автономию на севере и юго-западе Англии, сохраняет популярность движение англичан-католиков (Высокая Церковь) со своей особой культурой, наблюдается возрождение католицизма, усиливается положение методистских и других не-епископальных (т.е. связанных с англиканством) протестантских церквей, при этом растет популярность и молодежных субкультур, а также нетрадиционных религий (друидизм, кришнаизм) и экзотических восточных учений (буддизм, даосизм). В Великобритании находят сторонников и движения сексуальных меньшинств, феминисток, «зеленых». Собственные субкультуры

возникли у представителей маргинальных политических партий, фанатов поп-групп и футбольных клубов. Возрастает роль локальных резидентных коммун, позиционирующих себя как «малые миры» и заменяющих собой некогда значимые христианские церковные приходы.

Через организацию «Раннимид Траст», названной в честь местечка близ Виндзора, где была подписана в 1215 г. Великая хартия вольностей, и откуда начинается демократическое развитие Англии, правительство Великобритании старается довести концепцию мультикультурализма до населения. Однако те же органы призваны пропагандировать и идею «одной нации» или «единой нации» (One Nation), предложенную еще перед парламентскими выборами 1997 г. консерваторами и подхваченную победившими тогда лейбористами. Эта концепция предполагает и размывание классовых и сословных границ. Классовые границы в британском обществе постепенно исчезают, нивелируются запросы, ориентирующие всех преимущественно на потребление, и главным образом — материальных благ. Это вызывает протест представителей интеллектуальной элиты меньшинств, которые «не прочь полакомиться от мультикультурного пирога», но сопутствующие современной английской жизни бездуховность и проявления расизма их пугают. Интереснейший поэт Далжит Награ вошел в английскую литературу под эпатажным псевдонимом «Хан Сингх Кумар», включающим в себя типичные окончания «фамилий» мусульман — Хан, сикхов — Сингх и индусов — Кумар. От лица Хана Сингха Кумара написано Даджитом Награ такое стихотворение:

*Вы заказывали Хана Сингха Кумара?
Скажите, мне к лицу эта маска, не подошедшая бритту?
Или мне позволено сорвать свою черную кожу?
С вами поэт из гетто Хан Сингх Кумар говорит —
Или поэту из гетто душу раскрыть не положено?
Должен ли я, пенджабец, говорить на пенджабском сленге?
Здесь, на острове, на британском ленде.
Вы позвали меня заполнить эту лакуну!
Я пришел заполнить эту лакуну.
Хорошо ли мне быть затычкой в бутылке?
Как вести себя, если ты — затычка в бутылке?
Ваше ружье стреляет — я ли серый дымок?*

*Если Вы на охоте — не за мной ли помчится бульдог?
Позволено ли мне мелом моей души
Писать стихи на черной доске моей кожи?
Все ли слова позволены? Все ли они хороши?
Или, как Гангадин, я должен всегда быть хорошим?
Вы позвали меня заполнить эту лакуну!
Я пришел заполнить эту лакуну.
Хорошо ли мне быть затычкой в бутылке?
Как вести себя, если ты — затычка в бутылке?
У меня жена в сари и английская роза в петлице,
Могу я полакомиться от мультикультурного пирога?
Чем себя наградите, позволив со мной водиться?
Как далеко в ваш мир ступит моя нога?
Мне нет дела до ваших аплодисментов —
Сухих и пустых, как раковина, но я хотел бы знать —
До какой границы, до какого момента
Могу, разорвав оболочку, я в британца играть.*

[Daljit Nagra 2006: 6–7. Пер. И.Ю. Котина]

Современное британское общество существенно отличается от довоенного. Колониальное и индустриальное наследие страны стали достоянием музеев и библиотек. Британское общество все чаще определяется как общество потребления, изобилия, постиндустриальное, технологическое, о Британии говорят как о «государстве благосостояния» (Welfare State). Именно британец-лейборист лорд Беверидж предложил эту концепцию, которая оказалась успешной после окончания Второй мировой войны в условиях подъема экономики и научно-технической революции [Клеман 1987: 3]. В конце 1960-х годов в связи с экономическим спадом эта концепция была критически переосмыслена, но определение «государства благосостояния» сохранилось за ведущими капиталистическими странами с развитой системой социального страхования (Швеция, Дания, Норвегия, Исландия). Согласно теории шотландского политолога и социолога Дж. Бьюкенена, «государство благосостояния» — это вариант «трансфертного государства», т.е. такого, которое «в соответствии со своими полномочиями просто собирает налоги у ряда индивидов и групп и передает эти фонды в виде денежных выплат другим индивидам и группам данного политического устройства» [Бьюкенен 1996: 46–47.]. В таком «государстве благосостояния»

«присутствует некая квазилегитимная цель, предполагающая нечто иное, чем простое взаимодействие особых интересов, стремящихся к извлечению политических выгод в виде денежных выплат» [Там же: 47] Под квазилегитимностью Бьюкенен понимает «возможность выдвижения основных аргументов в поддержку институтов благосостояния, по крайней мере в абстрактной форме, независимо от перспектив практического осуществления любого из подобных институтов» [Бьюкенен 1996: 48]. Американские исследователи Таллок и Бьюкенен назвали «формулой согласия» (*Calculus of Consent*), а социолог из США Роулз — «вуалью неведения» готовность почти любого индивида, «если он не уверен в своем будущем, согласиться на создание института, который застрахует его от опасности оказаться в бедственном положении с точки зрения норм перераспределения» [Бьюкенен 1996: 48].

Государство выступает посредником между налогоплательщиками и благополучателями. Группы, лоббирующие интересы тех и других, оказывают давление на государство с целью достижения минимальных поборов и максимальных дотаций в свою пользу. «Группы давления» на правительство существуют у всех категорий, получающих или рассчитывающих на особые льготы со стороны государства: женщин, рабочих (тред-юнионы), этнорасовых и сексуальных меньшинств и т.д. Интересы этих групп, однако, различны, и не всегда возможен даже тактический союз между ними. Например, традиционные английские профсоюзы — тред-юнионы, сохраняют этику, предполагавшую мужское доминирование, не поддерживают борцов за права женщин, «цветных» и сексуальных меньшинств. В то же время левые интеллектуалы, в том числе связанные с лейбористами, до недавнего времени опиравшиеся на тред-юнионы, выступают за права женщин и меньшинств. В среде «южноазиатов» популярны традиционные ценности, восхваляется патриархальный уклад, редко, однако, в чистом виде воспроизводимый в условиях принимающего общества. Выходцы из Южной Азии не едины по вопросу забоя скота по мусульманской традиции, причем индусы объединяются с защитниками прав животных против мусульман и иудеев, требующих сохранения традиционных, освященных религией (халальных, кошерных) способов забоя скота.

Выходцы из Южной Азии осуждают часть «белых» и вестиндцев за тунеядство, те видят в них, особенно в индусах, скряг и жуликов. Тем не менее культурное многообразие рассматривается

элитами Великобритании как огромный ресурс, который, возможно, позволит преодолеть экономические и социальные проблемы страны, связанные со старением его коренного населения. При этом иммигранты и их потомки оказываются сконцентрированными в городах, в то время как коренные англичане, особенно пожилые, стремятся переехать в пригороды.

Центрами концентрации иммигрантов и представителей «цветных» меньшинств остаются Лондон, Бирмингем, Ковентри, Вулвергемптон, Ноттингем, Манчестер, Олдхэм, Брэдфорд, Лидс, Эдинбург. В этих городах, велико число вест-индцев, пакистанцев и бангладешцев, и — часто, но не всегда — индийцев и арабов. Иммигранты обычно проживают в районах недорогого жилья, преимущественно в так называемых викторианских террасных домах, а также в многоэтажных муниципальных домах. Это недорогое и не слишком удобное жилье. Лучшее иммигрантам не по карману. При этом более состоятельным иммигрантам нередко домовладельцы в других районах отказывают в жилье.

В то же время сохраняется и тенденция к самосегрегации и самоизоляции иммигрантов, опасаящихся проявления к ним расизма, желающих селиться рядом с земляками, использующих земляческие социальные сети для поиска жилья. Основная часть выходцев из Южной Азии в Великобритании селилась в шести крупнейших городских агломерациях Соединенного Королевства: Большой Лондон (Харроу, Илинг, Грейвзэнд, Слау, Лутон, Тауэр Хамлетс), Мидленд (Бирмингем, Ковентри, Лемингтон-Спа, Вулвергемптон, Лафборо, Лестер), Большой Манчестер, Западный Йоркшир (Лидс, Брэдфорд, Олдэм), Мерсейсайд (Большой Ливерпуль, Блэкберн) и Клайдсайд (Глазго).

Более половины британских южноазиатов проживает в Лондоне, значительная часть — в Большом Бирмингеме, Манчестере, Лидсе и Глазго. Большая часть британцев пакистанского происхождения — этнических кашмирцев и панджабцев проживает в пригородах Большого Лондона — Слау, Вокинге, Лутоне, а также в Бирмингеме, Ковентри, Лемингтон-спа, Вулвергемптоне, в столичных районах Илинг, Редбридж, Уимблдон, в Ноттингеме и Лестере, Манчестере, в агломерации Мерсейсайд (Большой Ливерпуль), в конурбации Брэдфорд-Лидс, в Олдэме, в Манчестере (в самом городе — в районе университета, а также в пригородах Рочдейл и Олдэм), в городах Престон и Блэкберн, Глазго.

Большинство бангладешцев проживает в округе Спиталфилдс столичного района Тауэр Хамлетс и в округе Камден в Лондоне, а также в Бирмингеме, Олдэме (конурбация Мерсейсайд) и в Брэдфорде. В подавляющем большинстве иммигранты — жители городов. Концентрация населения в городах — следствие интенсивного процесса урбанизации. Московский исследователь П.П. Звидриньш отмечал в этой связи: «Важно подчеркнуть, что в Великобритании, как и в других развитых капиталистических странах, процесс урбанизации развивался стихийно, углубляя ряд социальных противоречий и порождая новые» [Звидриньш 1979: 45]. Расселение южноазиатов в Великобритании отражает национальные тенденции размещения иммигрантского и «цветного» населения. Так, большинство «цветных» иммигрантов и их потомков проживает в Лондоне [Anwar 1986: 6].

По-прежнему сердцем страны, центром ее общественно-политической жизни остается мультикультурный Лондон, больше половины населения которого составляют некоренные британцы. Причем так называемые «белые» или европейцы составляют только 59,8 % населения Лондона, а «белые британцы» — менее половины [Office for National Statistics 2011].

1.2. Лондон — город многих культур и религий

Мультикультурный Лондон отражает общую тенденцию: иммигранты концентрируются именно в мегаполисах Британии. Согласно данным общебританской переписи населения 2011 г., в Лондоне проживало 542 тыс. индийцев, 224 тыс. пакистанцев, 222 тыс. бангладешцев, 399 тыс. «других азиатов», 574 тыс. британских африканцев, 345 тыс. (преимущественно чернокожих) выходцев из стран Карибского бассейна (Вест-Индии), 106 тыс. арабов, 102 тыс. метисов (потомков смешанных браков от «белых» и «азиатов»), а также 119 тыс. потомков других смешанных браков, 175 тыс. представительниц других этнических групп [Office For National Statistics 2011].

Лондон в настоящее время — мегаполис, в котором лишь 3,7 млн из 8,2 млн жителей, согласно данным переписи 2011 г., отнесли себя к категории «белый британец», т.е. таковых оказалось меньше половины населения британской столицы.

Лондон — столица Великобритании, крупный порт, транспортный узел, мировой финансовый и торговый центр, средоточие

многих промышленных предприятий, которые, впрочем, все в большей степени изгоняются за пределы города. Лондон сохраняет притягательную силу для иммигрантов и «цветных» меньшинств, в то время как «белые» лондонцы стараются переселиться в «спальные» районы города и поселки юго-востока страны. Отметим при этом, что Лондон всегда был многонациональным городом.

Лондон исторически развивался вокруг двух центров: Вестминстера и Сити, причем оба со времен основания были многонациональными. На месте нынешнего собора Святого Павла некогда находилось святилище иранского бога Митры, которому поклонялись римские легионеры, их крепость Лондиниум впоследствии была захвачена кельтами. Позднее здесь селились англы, саксы, затем — норманны, валлийцы, шотландцы, жители Корнуэлла, фламандцы. До появления южноазиатов «чужаками» в городе считались прибывавшие сюда в XVII в. фламандцы и гугеноты-французы, валлийцы и ирландцы, позднее — русские, евреи, поляки. Все эти группы были не столько ассимилированы, сколько получили резидентную и профессиональную локализацию в том или ином районе или пригороде Лондона. Особняком держались китайцы, которые появились в Лондоне в XIX в., расселившись на востоке британской столицы в районе Доки — Лаймхаус. Сперва они служили в качестве моряков, чернорабочих, а позднее в XX в. многие из них перебрались в центральный район развлечений Сохо и нашли свою нишу в ресторанном бизнесе и на черном рынке наркотиков [Weinreb and Hibbert 1993: 469-470].

Лондон развивался иначе, чем большинство континентальных городов. Как справедливо замечает историк архитектуры и градостроительства А.В. Иконников, «Лондон — это конгломерат городов, которые развивались, постепенно сблизилась и, наконец, срослись, поглотив разделяющие их территории. Многие из этих отдельных в прошлом населенных мест сохранили следы своей индивидуальности» [Иконников 1972: 5]. Римский Лондиниум занимал территорию «квадратной мили» современного Сити. К западу от него уже в X в. н.э. возник монастырь, который так и назывался — Вестминстер — «Западный монастырь». В 1066 г. норманны из северной Франции захватили большую часть Англии, в том числе и Лондон, и их предводитель Вильгельм Завоеватель основал к востоку от Сити крепость — Тауэр. А.В. Иконников констатирует дальнейший рост города в эпоху после норманнского завоевания: «Город разрастался,

создавая новые поселения, что было возможно в островном государстве, с XI столетия не подвергавшемся вторжениям. Возникал не концентрированный столичный город, а расчлененная концентрическая система городов, в которой каждая часть имела особые социальные функции, выполняя роль сосредоточия торговли, ремесла или государственной власти. Разраставшиеся поселения постепенно сближались и, наконец, сцементировались в единый массив. Однако внутри этого массива продолжала сохраняться пространственная дифференциация функций и социального состава населения. Полицентрический характер целого не сглаживался, а усложнялся в последующем развитии» [Иконников 1972: 5–6].

Королевские охотничьи угодья постепенно превратились в знаменитые лондонские парки: Сент-Джеймс парк, Грин парк, Кенсингтон парк, Гайд парк. Примыкавшие к ним районы Сент Джеймс и Сохо стали районами проживания знати. Впрочем, Сохо позднее потерял свою привлекательность для знати — дома составились, но продолжали использоваться. В них, как в парижском районе Марэ, поселились иммигранты, затем — представители богемы, здесь же возникли в XIX–XX веках многочисленные китайские и другие «этнические» рестораны. В Сохо возник один из первых «восточных» этнических анклавов — «Чайнатаун» — «Китайский город». Район Блумсбери к северо-востоку от него в георгианскую эпоху (XVIII в.) стал фешенебельным районом, здесь появился один из первых публичных музеев Англии — Британский Музей. Здесь же позднее, уже в XX в., разместился Лондонский университет.

Упомянутые процессы не отменяли такого характерно английского, в частности лондонского, явления, как социальная и этническая сегрегация. Его наличие замечали и историки архитектуры: «В период капиталистического развития социальная сегрегация резко обострилась, и сейчас характерной особенностью Лондона являются большие районы, которые населены людьми, стоящими на одной ступени социальной иерархии буржуазного общества» [Иконников 1972: 6]. Иконников объясняет это приверженностью традиции и социальному комфорту: «Жизнь лондонца во многом подчинена неписаным законам. По традиции люди с разным уровнем дохода, стоящие на разных ступенях социальной лестницы, мало общаются между собой и не селятся на одной улице. Есть кварталы людей “высшего света”, есть районы бедноты. Улица может служить границей разных укладов жизни, разных культурных уровней, харак-

тера разговорной речи. Размежевание пространства города по социальному признаку сделало возможной стандартизацию построек. Кварталы складываются из одинаковых домов, отвечающих определенному укладу жизни и уровню дохода» [Иконников 1972: 66].

Итак, к началу XX в., когда стали заметны процессы проникновения рассматриваемых нами бенгальцев в Англию, Лондон представлял собой конгломерат больших жилых и бизнес-районов, обладавших собственной специализацией и культурными особенностями, а часто и особым социальным статусом. «Некогда обособленные городские единицы, вошедшие в состав Лондона, постепенно стали частями огромного городского организма. Их старая специфика иногда в определенной степени сохранялась, иногда стиралась, но почти всегда ее отодвигала на задний план новая специфика, основанная на различии имущественного положения и социального статуса населения этих частей» [Иконников 1972: 6].

Искусствовед Л.Н. Воронихина отмечает огромный размер Лондона и непохожесть его районов, при этом характерную для почти всего Лондона (за исключением Сити, где новостройки возникли на месте разрушенных в годы Второй мировой войны домов) небольшую высотность Лондона, большинство домов которого — двух- или трехэтажные, что определило огромные размеры города и его отдельных районов. Воронихина пишет: «В самом деле, можно ли увидеть и ощутить границы Лондона, если он, уступая Нью-Йорку по числу жителей, вместе с тем раскинулся на площади в два раза большей, занимая ныне территорию в 1800 кв. км. Ядро нынешнего Лондона составляют Лондонское графство, или собственно Лондон. Он занимает площадь в 301 кв. км и состоит из Сити, Вестминстера и двадцати семи столичных округов. Вокруг него лежит так называемое «внешнее кольцо», площадь которого более 1500 кв. км. Это Большой Лондон, возникший уже в начале XX в.» [Воронихина 1969: 11].

Как уже говорилось, Сити — историческое ядро Лондона и финансовый центр города и страны. В нем почти нет жилых домов и отелей, а все пространство отдано под офисы. Много офисов и в примыкающих центральных округах Вестминстер, Холборн, Финсбери, Сент-Панкрас и Мери-ле-Боу [Иконников 1972: 7]. В центре города многочисленные парки — Грин парк, Гайд парк, Сент-Джеймс парк и Кенсингтон парк — являются своеобразными легкими города. Это бывшие королевские охотничьи угодья.

Вестминстер — место расположения парламента и других административных зданий. За ними начинается Вест-Энд («западный конец» — некогда западное предместье Лондона, ныне — торговый центр города, здесь же «находятся многочисленные кинотеатры, мюзик-холлы, ночные клубы, дорогие отели (север). Между Риджент-стрит и Парк-лейн расположена зона, в которой селятся семьи, принадлежащие к высшим классам британского общества. Аристократический квартал Вест-Энда соседствует с парками Лондона» [Иконников 1972: 11].

В составе Лондонского графства, куда входят Сити, Вестминстер и 27 округов, А.В. Иконников особо выделяет Ист Энд как специфический район концентрации иммигрантов. Иконников пишет: «Четыре округа, лежащие на восток от Сити — Степни, Поплер, Шордич и Бетнал-Грин, составляют то, что принято называть Ист Эндом. Это старейший промышленный район Лондона. В южной его части, округах Степни и Поплер, прилегающих к Темзе, расположены причалы и доки, севернее промышленные предприятия хаотически перемежаются наиболее скученными и грязными кварталами трущоб. Ист Энд — своеобразное гетто Лондона, отделенное от всего города в сознании его жителей. Здесь живут те, кто не в состоянии поселиться в другом месте, и никто не будет здесь жить, если не заставляет необходимость» [Иконников 1971: 7].

В Ист Энде же все это приобретает особенно удручающий вид: «В его старых кварталах преобладают двухэтажные дома, но плотность застройки очень велика. Улицы узки, площадь кварталов застроена почти полностью, между задними сторонами домов остаются узкие щели, куда не попадает солнце. Дома примитивны — это в основном жалкие подобию жилищ среднего класса, с комнатой, дверь которой открывается прямо на улицу, маленькая кухня и крошечными спальнями наверху. Значительная часть домов не благоустроена. Однообразные жилища сливаются в монотонные блоки, бесконечно тянущиеся вдоль улиц. Между унылыми шеренгами таких строений высятся запущенные многоквартирные дома прошлого столетия. За их угрюмыми фасадами — лабиринты узких дворов, связанных низкими арками. Черные железные лестницы и галереи, открытые дождю и ветру, ведут в квартиры» [Иконников 1972: 86].

Чешский писатель Карел Чапек, в начале XX в. посетивший Ист Энд, так передает свои впечатления от увиденного: «Да, очень

неприглядные улицы с грязными домами, со множеством детей на мостовой, со странными фигурами китайцев, скользящих как тени, по лавкам. В Восточном Лондоне страшно не то, что можно видеть и обонять, а то, что всего этого так неизмеримо, непоправимо много. <...> Я ходил по улицам, названия которых напоминают Ямайку, Кантон, Индию, Пекин; все они одинаковы, во всех окнах одинаковые занавески — это могло бы показаться почти приличным убранством, если бы их было не пятьсот тысяч. В таком потрясающем количестве эти бараки теряют характер человеческого жилья и приобретают вид геологического напластования; это — черная лава, извергнутая фабриками; это осадок, оставляемый торговлей, проплывающий по Темзе на белых пароходах, или это наслоилась сажа и пыль» [Чапек 1959: 347–348].

Ист Энд — лишь один из центров концентрации южноазиатов в Лондоне, крупнейший, и, по утверждению ряда современных политиков, — старейший. Так, мэр городского совета района Тауэр Хэмлетс, бангладешец Лютфур Рахман с гордостью заявил о праздновании 400-летия бангладешского присутствия в Тауэр Хэмлетс [The Bengali East End 2015: 1].

Профессор университета Восточного Лондона Джон Мэриотт выделяет в качестве специфики лондонского Ист Энда его близость к историческому центру — Сити и Тауэру и одновременно нечто чужеродное, инородное — «приход Степни» [Mariott 2011: 8], на который не распространяются привилегии Лондона, но который служит нуждам Лондона. Здесь в XVIII–XIX веках существовали многочисленные фабрики, но еще в большей степени — «рабочие дома», где за мизерную плату бывшие крестьяне, а также городские безработные занимались производством обуви, пошивом одежды, токарными работами. Мэриотт отмечает, что дешевый труд рабочих в «рабочих домах» делал их продукцию даже более привлекательной, чем заводские товары, изготовленные на фабриках севера Англии [Mariott 2011: 214]. Малые предприятия, особенно текстильные мастерские, оказались наиболее приемлемым местом трудоустройства мигрантов, будь то фламандцы, поляки, русские, немцы, евреи, индийцы, которых привлекал район Ист Энда дешевизной жилья, возможностью, в силу наличия предложения, поселиться большими группами, сохраняя традиционный уклад, образ жизни.

Лондонский район Ист Энд считается местом, где традиционно селились мигранты, прибывающие в город. В настоящее время

наибольшее число бангладешцев сконцентрировано именно в этом лондонском районе, где с середины 1990-х годов сформировался этнический анклав, известный ныне как «Банглатаун» («Бенгальский город»). Рассмотрение формирования Банглатауна является одной из задач нашего исследования.

Вот как описывает впечатления от первых увиденных им в Ист Энде бенгальцах (названных в тексте ласкарами и индусами) историк Лондона г.В. Мортон: «Возможно, самым занятым зрелищем из тех, какие можно наблюдать на этой улице, является торг еврея с матросом-индусом. Эти необыкновенно смуглые люди-ласкары приходят со стороны доков всякий раз, когда встает на якорь какой-нибудь торговый корабль. Лондонский Вест Энд им не по карману. Они одеты в синие робы, а на головах носят чалмы. Время от времени появляется какой-нибудь франт в женском пальто (так Мортон трактует классическую долгополую одежду бенгальцев-мусульман. — *О.М., И.К.*). Толпа хохочет, а индус смотрит совершенно бесстрастно. В его взгляде есть что-то от тысячелетнего спокойствия и невозмутимости сфинкса. Шесть матросов-индусов окружили прилавок, за которым еврей продает старую обувь. Они торгуются. Примеряют десятки пар. Еврей делает попытки от них избавиться, но они отказываются уходить» [Мертон 2005: 76].

Другие районы южноазиатского присутствия в Лондоне — Грейвзэнд, некогда самостоятельный городок в устье Темзы, Саутолл и Хаунслоу близ аэропорта Хитроу, район Харроу (бывший пригород). О первых индийцах-парсах, прибывших в Англию еще в XVIII в., напоминает монумент в Риджентс-парк. В XIX в. немало индийцев останавливались в Лондоне, среди них — политик и экономист Дадабхай Наороджи (1825–1917), ставший первым индийцем, избранным членом английского парламента в 1892 г. В 1895 г. в парламент был избран индиец Манчерджи Бхавангри, а в 1922 г. другой индиец Шапурджи Саклатвала представлял в английском парламенте рабочих лондонского Ист Энда. Все три избранных индийских парламентария — парсы. Именно парсы из Гуджарата, а также образованные бенгальцы составили основу миграции профессионалов — докторов, юристов из Южной Азии в Англию в XVIII–XIX веках. Позднее в Лондоне появились рабочие-сикхи.

К востоку от Тауэр Хэмлетс — в местечке Грейвзэнд — большая община пенджабцев-сикхов существует с 1930-х годов. На другой стороне Лондона, формально — в округе Илинг графства Миддл-

секс, расположен район Саутхолл, где есть довольно заметные по численности мусульманская и индусская общины. Саутхолл, пожалуй, самый индийский район Лондона, своеобразный «индийский городок внутри Лондона» [Kotin 2006: 175–187].

Вот как описывает Саутхолл английский поэт индийского происхождения Далджит Награ в стихотворении «Наш городок со всей Индией в нем»:

*Наш городок в Англии вмещает всю Индию
С ее гурдварами, мандирами и мечетями,
Наш проспект желтеет не от униформ оранжистов
Но от шафрана индусских флагов.
Наш апрельский Ваисакхи
Заглушает Пасху, а безумье при полной луне —
Признак Ида с его танцами до утра и кухней тандури.
У нас костры Гая Фокса
Сливаются с огнями Дивали —
Праздника возвращения нашего Одиссея — Рамы
К своей по-пенелопьи преданной Сите.
У нас звучат хиты Болливуда и ритмы Бхангра,
Передаваемые нашей Санрайз Радио.
В магазинах звучат звуки ситара.
Там, где бренчали регги карибцев,
Где когда-то тусовались стилиаги
На витринах наших кафе — баррикады шафранных сладостей,
И джалеби, пропитанные сиропом,
Сплетающиеся в паутину, как наши кланы.
Наши прилавки отмыты от крови и мяса, на них
Масса баклажанов, ананасов, личи и манго.
Наши люди, идущие с фабрики,
Кормят английских лебедей чапатти,
Наши девы, возвращаясь из школ в униформе,
Мечтательно глазают на витрины с манекенами в облегающих сари,
На штуки ситца и шелка на любой вкус.
В нашем брачном агентстве мамаша
Сбежавшей из-под венца дочери,
Рыдает над роскошным альбомом с глянцевыми женихами
Со всей Индией в нем.*

[Daljit Nagra 2006: 12-13. Пер. И.Ю. Котин]

Как видим, в кратком стихотворении дан очень емкий образ типичного — неанглийского — южноазиатского района Лондона, формально даже — городка (*town, township*) в пределах Большого Лондона. Признак такого городка — мусульманские мечети, индуские храмы — *мандиры*, сикхские религиозные центры — *гурдвары*. Саутолл и многие другие бывшие окраины — районы, где некогда жили рабочие-ирландцы. Протестанты-ирландцы в северной Ирландии прежде всего, но и за ее пределами устраивают марши лоялистов-оранжистов, чей флаг по цвету, оранжевый или шафрановый, неожиданно перекликается с шафрановым цветом индуских религиозных флагов. На апрель часто выпадает празднование христианской Пасхи, но середина апреля (13–14 число) — это время празднования североиндийского Нового Года — Башокхи у бенгальцев, Вайшакхи — у пенджабцев, Байсакхи — у хиндустанцев.

5 ноября англичане-протестанты отмечают Ночь Гая Фокса в память о раскрытом некогда католическом заговоре. В ночь с 5 на 6 ноября жгут костры с чучелом Гая Фокса, и это напоминает костры в дни индийского праздника Дивали, часто выпадающего на начало ноября. Этот праздник формально связан с возвращением в свою столицу Айодхью царевича Рамы, чьи многолетние странствия в чем-то перекликаются со странствиями Одиссея, награжденного, как Рама — Ситой, преданной женой Пенелопой. Болливуд, Бхангра и Сайнрайз-Радио — музыкальный фон любого южноазиатского района Лондона или иного большого британского города. Болливуд — знаменитая индийская киностудия в Бомбее (Мумбаи), производящая бесчисленные музыкальные мелодрамы и комедии, где звучат многие из шлягеров, популярных по всей Индии и в странах, соседних с ней, а также в странах южноазиатской диаспоры. Эти мелодии часто звучат на волнах «Санрайз-Радио» — самого популярного радиоканала Британии.

Одна из любимых у выходцев из Южной Азии мелодий, точнее, серий мелодий — пандажбская бхангра. Вест-индцы или афрокарибцы, а также индийцы из Вест-Индии обожают регги — мелодии, которые тоже осваиваются как «белым» большинством, так и выходцами из Южной Азии. Среди молодежи из Индии, Пакистана, Бангладеш возникают свои субкультуры, не менее вызывающие внешнего видом своих представителей, чем стилиаги 1950-х годов.

Но сохраняются и традиционные вкусы, по-прежнему в южноазиатских районах звучат *раги* — музыкальные импровизации на

классических индийских инструментах, таких как *ситар*. По-прежнему популярны у представителей разных возрастов в «азиатских» кварталах сласти типа *джалеби* (шарики из вареной манной крупы в сиропе) и традиционные лепешки *чапати*. Наконец, типичное явление в южноазиатских районах британских городов — брачные агентства, ибо браки по договоренности родителей по-прежнему — норма, хотя представители молодежи порой пускаются от таких договоренностей в бега.

Южноазиатские районы Лондона — Тауэр Хэмлетс, Грейвзэнд, Саутолл, Хаунслоу, в меньшей степени — респектабельный Харроу, куда переселяются разбогатевшие индийцы, — наиболее внешне заметные центры иных, чем «белая протестантская», культур. Центр вест-индийской субкультуры возник на южном берегу Темзы. В XX в. в 1950–1960-е годы южнее Ламбета, в районе Брикстон, стали компактно селиться вест-индцы, приглашенные муниципалитетом Лондона работать водителями и кондукторами знаменитых лондонских двухэтажных автобусов. Их появление стало для лондонцев, как пишет британский исследователь Шейла Паттерсон, настоящим шоком [Patterson 1967: 6–7].

В Брикстоне и в другом районе вест-индской концентрации — Ноттинг Хилл — наличие иных групп населения заметно лишь по внешнему виду их носителей. Здесь такие же церкви и школы, как в других районах Лондона. Мусульманское, сикхское, индусское присутствие отмечено в Лондоне и наличием религиозных учреждений — мечетей, гурдвар, мандиров, а порой и религиозных школ при них.

В Лондоне существует более сотни мечетей, причем около 70 из них зарегистрированы государственными структурами Великобритании, около 20 принадлежат посольствам, арабским и турецким общинам, примерно 50 — индийские, пакистанские, бангладешские. Большинство мечетей похожи на обычные жилые дома, или это переоборудованные складские помещения. Однако есть и исключения, например, Риджентс Парк Масджид, мечеть, возведенная в 1944 г. в районе Риджентс парк по поручению правительства Соединенного Королевства и по договоренности с хедивом Египта, который предоставил для строительства англиканского храма в Каире участок земли.

В Ист Энде, в районе Тауэр Хамлетс мечети расположены на Олдчепел роуд (East London Mosque), Брик лейн (Jumia Masjid),

Форд сквер (Mosque Ishaatul Islam). Мечети пенджабцев можно найти в Саутолле — на улицах Монтегю Вэй и Таунсенд Роад. В районах Баркинг и Ист(х)эм Ист Энда находятся пять пакистанских мечетей, а гуджаратские мечети зарегистрированы в районе концентрации восточноафриканских «азиатов» (преимущественно гуджаратцев, в основном исмаилитов) в Лондоне — в Балхэме, Уэмбли, Харроу. При некоторых мечетях существуют школы — медресе (мадраса). В Лондоне функционирует более пятнадцати мусульманских школ и колледжей, однако подавляющее большинство школьников-мусульман посещают государственные школы, образование в которых бесплатное.

Индусы позже мусульман стали уделять внимание строительству храмов, ибо в их домах и так существовали домашние алтари, а многочисленные кастовые запреты и ограничения разделяли индусов на множество групп, которые вряд ли бы стали посещать общий для всех храм — мандир.

Создание крупных индуских храмов в 1980–1990-е годы было призвано показать факт их «присутствия» в культурном пространстве Лондона. При этом главными заказчиками храмов становились международные организации индусов, обладающие значительными денежными средствами, например секта Сваминараян. Огромный храм Сваминараян мандир был построен в районе Нисден близ Харроу. Причем строительство в архитектурно безликом Нисдене стало возможным потому, что «белое» большинство жителей Харроу выступило против строительства индуской «кумирни» в своем районе. Строительство этого индуского мандира стартовало в 1991 г. и было завершено в 1995 г. Богато украшенный храм из белого песчаника, каррарского и раджастанского мрамора был возведен согласно древнеиндийским строительным трактатам «шил-пашастрам» тысячами индусов-добровольцев.

В богатом районе Хэмпстед находится другой мандир, посвященный Свами Нараяну (воплощению Вишну), есть здесь и святыня южноиндийских индусов — Муруган мандир. Это монументальные знаки присутствия наиболее богатой и успешной части индусов (как правило, восточноафриканского происхождения) в этом благополучном районе английской столицы.

В районе Саутхолл три индуистских храма — Шри Кришна Кендра, Хинду Темпл Траст и Шри Вальмик Темпл, из которых последний является святыней неприкасаемых и находится в одном

здании с необуддийским центром им. Амбедкара и миссионерским сикхским центром. Всего же в Лондоне зарегистрировано более сота индуистских храмов, и еще большее число небольших храмов находится в частных домах, а домашние алтари есть в доме или квартире почти каждого индуса.

В последние десятилетия в Лондоне наблюдается сближение индусов-традиционалистов и новообращенных индусов из числа коренных британцев. Соответственно индусы стали иногда посещать и храмы Всемирного Общества Сознания Кришны, существующие в Лондоне.

Два главных района присутствия пенджабцев Саутхолл (и соседний Хаунслоу) на западе Лондона и Грейвзэнд на востоке являются местом концентрации большинства сикхских молельных храмов — *гурдвар*. Сикхские молельные дома выполняют функции религиозных центров и клубов одновременно. Здесь перед престолом, на который помещена священная книга сикхов «Ади грантх», исполняются религиозные гимны. Здесь же собираются по воскресным и праздничным дням сикхи, чтобы в *лангаре* — общественной кухне — приготовить и вкусить общую трапезу. Здесь же проводятся основные церемонии в жизни сикхов, празднуются крупнейшие ежегодные памятные дни.

Помимо собственно Лондона, его пригороды: Вокинг, Лутон и Слау — приняли десятки тысяч иммигрантов. В Вокинге еще в начале XX в. было немало мусульман, здесь в 1889 г. была возведена первая в Англии мечеть (Shah Jahan Mosque). В 1919 г. здесь появился первый мемориальный комплекс, посвященный мусульманам, павшим за Британию в годы Первой мировой войны. Лутон и Слау — старые индустриальные пригороды, куда в 1950–1960-е годы прибыли индийские и пакистанские рабочие. Сейчас Вокинг, Лутон и Слау представляют собой часть мультикультурного Лондона и наряду с Тауэр Хэмлетс напоминают о культурном многообразии Британии.

1.3. Основные группы населения Лондона

Материалы переписей населения Великобритании с 1991 г. содержат информацию об этническом составе населения страны. Однако в силу специфического представления британцев о народах и расах в основу опросных листов, касающихся этнической принад-

лежности респондентов, положена этнорасовая номенклатура, а анализ информации об этническом составе населения страны проводили преимущественно демографы и социо-географы, игнорируя мнение антропологов и этнографов, о чем не без негодования писал манчестерский профессор Р. Баллард, выступивший с острой критикой первых публикаций команды, анализировавшей результаты переписи [Ballard 1997: 182–194]. Тем не менее определенную информацию данные переписей населения Великобритании, и Лондона в частности, содержат.

Переписи 2001 и 2011 гг. выделяют шесть больших этнорасовых категорий населения Лондона. Это «белые британцы» (White British), «другие белые» (White Other), «представители смешанных групп» (Mixed), «азиаты» (Asians), «черные» (Black) и «другие» (Other). «Белые британцы» в 2011 г. составили более 3,5 млн чел., «другие белые» — 1 млн чел., «смешанные» — около 500 тыс. чел., «азиаты» — более 1,5 млн чел., «черные» — около 1 млн чел., «другие» — около 300 тыс. чел. [Diversity in London 2013: 6].

При этом исследователи отмечают уменьшение на 618 тыс. числа «белых британцев» в Лондоне, что составляет 14 % от их численности в 2001 г. Группа «других белых» наоборот увеличилась на 402 тыс. чел. (49 % по сравнению с 2001 г.). Исследователи объясняют этот прирост появлением большого числа поляков, прибывающих в страну как новые граждане Европейского союза. По сравнению с 2001 г. в 2011 г. на 79 % (до 179 тыс. чел.) выросло число представителей так называемых «смешанных» — категории неясной, но отражающей факт наличия межрасовых и межэтнических браков. На 148 % (до 168 тыс. чел.) выросло в Лондоне число так называемых «других», т.е. не попадающих в предыдущие широкие категории. При этом из «других» выделены в особую категорию арабы, ранее считавшиеся частью группы «other». Эта группа, в целом в стране составляющая около 200 тыс. чел., представлена преимущественно в Лондоне.

В ряде случаев на этнический состав населения Лондона проливают свет ответы на другие вопросы. Так, перепись 2011 г. включает вопрос о стране происхождения респондента. Выходцы из 14 стран представлены в Лондоне общинами, численность которых превышает 60 тыс. чел. В Индии родилось 262 тыс. лондонцев (3,2 % жителей города), что на 89 тыс. больше, чем их было в 2001 г. (173 тыс.). Вслед за ним идут рожденные в Польше (158 тыс. чел,

1,9 % населения, в 2001 г. поляков было только 22 тыс.), потеснившие даже рожденных в Ирландии (130 тыс. чел., 1,6 % населения). Нигерийцы, пакистанцы, бангладешцы, ямайцы, шри-ланкийцы составляют более 1 % населения Лондона.

Некоторые сведения об этническом составе населения Лондона мы можем получить и из данных переписи о наличии у респондентов паспорта иной, нежели Великобритания, страны [Diversity in London 2013: 9]. Впервые перепись 2011 г. содержала ответы на вопрос о зарубежном паспорте, если он имелся у жителя Великобритании. Эти данные хорошо коррелируют с информацией о стране происхождения лондонцев. 156 тыс. лондонцев имеют польские паспорта, 141 тыс. — ирландские, 123 тыс. чел. — индийские. Последняя цифра легко объяснима усилиями индийского правительства, позволившего индийцам в Великобритании сохранять двойное гражданство и договорившегося с правительством Великобритании о том же.

Религиозный состав населения Лондона, как и всей Великобритании, впервые давала перепись 2001 г., вопрос о религии сохранился и в переписи 2011 г., причем в вопросе о религиозной принадлежности ответы были точнее, ибо точнее звучали вопросы, в меньшей степени допускавшие двусмысленность оценок. Из данных переписи и официальных статистических документов, подготовленных на основе материалов переписи населения Великобритании, стало известно, что 5,79 млн лондонцев, т.е. 70,8 % населения британской столицы, составляли верующие, прежде всего христиане (52,9 % лондонцев), затем — мусульмане (13,5 % населения города, более 1 млн чел.), 5,5 % населения Лондона составили в 2011 г. индуусы (411 тыс. чел.), 2 % — иудеи (148 тыс. чел.), 1,7 % — сикхи (126 тыс. чел.). В городе в 2011 г. проживало также 15 тыс. джайнов [Diversity in London 2013: 8].

Рассмотрение основных групп населения Лондона показывает, что бангладешцы сосуществуют в британской столице не только с коренным «белым» населением, но и с представителями других этнорасовых и этнических групп, с некоторыми из которых (индийцы, пакистанцы) они разделяют многие черты бытовой культуры, с иными (пакистанцы, часть арабов, нигерийцев) — общую религию (ислам), с другими (нигерийцы, вест-индцы) — стигму «черных», «темнокожих». Все это определило сложность интеграции бангладешцев в лондонский социум.

Глава 2

БАНГЛАДЕШЦЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

2.1. Формирование этноконфессиональной общности бенгальцев-мусульман в Восточной Бенгалии

Бенгальский этнос — один из крупнейших в мире. Общее число бенгальцев превышает по нашим оценкам свыше 250 млн чел. Однако они разделены по конфессиональному признаку на индусов (около 100 млн чел.) и мусульман (свыше 150 млн чел.). Бенгальцы проживают в Индии, преимущественно в штате Западная Бенгалия, но также в «государстве бенгальцев» — Бангладеш, кроме того — в Мьянме, Таиланде, Сингапуре, странах южноазиатской диаспоры: Великобритании, США, Канаде.

Создание в 1971 г. независимого государства Бангладеш способствовало формированию там идеологии бенгальской нации, однако доминирование в стране (более 88 % населения) мусульман определило присутствие в национальной концепции Бангладеш конфессионального фактора. В дальнейшей перспективе можно предположить формирование этноса бангладешцев, пока же с определенностью можно говорить о наличии в составе бенгальского этноса этноконфессиональных групп бенгальцев-индусов и бенгальцев-мусульман.

На протяжении столетий на территории Бенгалии существовали индуизм и буддизм. С XIII в. вместе с армиями мусульманских завоевателей (Бахтияр Хильджи, Гийас уд-дин Туглак) ислам появился в Бенгалии. Появление ислама в Бенгалии пришлось на период упадка буддизма и относительного ослабления позиций индуизма. Неудивительно, что в этом регионе началось обращение местных жителей в ислам, привлеченных как перспективой повышения социального статуса, так и надеждой на освобождение от религиозного налога (джизья), которым облагались немусульмане. Среди новообращенных была велика доля низкокастовых и неприкасаемых. Среди факторов, способствовавших обращению бен-

гальцев в ислам, были социальный и экономический [Eaton 1993: 135], т.е. перспектива повышения социального статуса и надежда на обретение лучшей экономической ниши в экономике.

Находившийся в упадке буддизм не представлял в XII–XIII веках серьезного препятствия распространению ислама, так же как и индуизм, чей новый расцвет пришелся уже на другую эпоху — XV в. В XIX в. новая волна исламизации Восточной Бенгалии связана с деятельностью ряда успешных проповедников (Дудху Миян, Карамат Али). Представители низкокастовых групп бенгальского населения охотно переходили в ислам в надежде на освобождение от социального гнета брахманов и других высококастовых индусов. Впрочем, в Бенгалии кастовая система уже давно была достаточно размыта [Маретина 1998: 118–120].

В средние века столицей Бенгальского навабства, лишь номинально подчинявшегося державе Великих Моголов, долгое время была Дакка, превратившаяся в крупный торгово-ремесленный центр. Это способствовало концентрации там мусульманской знати, а также ремесленников и торговцев, значительная часть которых принадлежала к высшим индусским кастам. Перенесение в XVIII в. столицы бенгальского навабства в Муршидабад и бурное экономическое развитие районов, примыкающих к городу Калькутта, ставшему центром британских владений в Индии, привлекло часть мусульманского населения в западные округа Бенгалии. Несмотря на это, расселение мусульман преимущественно на востоке, а индусов на западе Бенгалии к XIX в. было совершенно явным. В колониальный период оно приобрело еще более определенный характер, прежде всего за счет высокого естественного прироста мусульман, а также частично в результате продолжавшейся их миграции на восток и юго-восток Бенгалии. Если в начале XIX в. на территории Северной и Южной Индии деятельность мусульманских проповедников была не столь заметна, то в это же время в Восточной Бенгалии наоборот отмечалось мусульманское возрождение, вызванное деятельностью проповедников Хаджи Шариат Аллаха и его сына Дудху Мияна, которые обратили в ислам многих индусов.

Долгое время в периоды правления различных династий мусульманских правителей в данной местности жизнь населения протекала относительно спокойно. Как замечает индийский исследователь Раби, «плодородие местной почвы и обильные урожаи привлекали людей из других частей Индии в этот регион на посто-

янное место жительства» [Rubee 1895: 22]. Особенность расселения населения по конфессиональному признаку состояла в том, что в восточных округах Бенгалии явное большинство населения составляли мусульмане, а в западных — индусы. Позднее, в XIX в., значительная роль в обращении индусов в ислам отмечается благодаря уже упомянутой ранее удачной миссионерской деятельности.

Процесс исламизации крестьянства Восточной Бенгалии совпал с процессом освоения ранее необработанных земель в дельте Ганга и Брахмапутры — зоны джунглей и рискованного земледелия (из-за частых наводнений). Процесс обращения жителей в ислам оказал большое влияние на формирование относительно свободно структурированной общины мусульман в Бенгалии. В ее состав вливались мигранты, представители племен и бывшие низкокастовые индусы. В глазах мусульманской элиты региона эти «мусульмане» были «не до конца обращены» в ислам, поскольку в их традициях сохранилось еще огромное количество элементов доисламской культуры [Madan 1998: 973]. Несмотря на деление восточнобенгальского мусульманского социума на «ашраф» (букв. — «благородные», представители высоких страт населения, как правило, иностранного — арабского, персидского, афганского и среднеазиатского происхождения, представленные стратами сайидов, шейхов, патанов и моголов) и «аджлаф» (букв. — «низкие», исповедующие ислам местные жители, представители профессиональных каст, потомки обращенных в ислам индусов и буддистов), в целом кастовые и социальные барьеры в нем были не столь жесткими, как в индуизме.

К XIX в. жители Западной и Восточной Бенгалии оказались в оппозиции друг другу по конфессиональному признаку. На западе преобладали индусы, на востоке большую часть населения составляли мусульмане. При переписи населения Британской Индии 1872 г., проведенной в Бенгалии, выявилось, что ислам стал преобладающей конфессией в данной местности. По сведениям, приведенным в последующей переписи 1881 г., отмечалось наибольшее распространение двух религий: ислама (49,7 % всего населения) и индуизма (48,8 % всего населения). Остальные 1,5 % населения соответственно исповедовали буддизм, христианство и другие религии [Тринич 1974: 62].

Согласно результатам переписи 1891 г., в Бенгалии проживало 23,5 млн мусульман. Общее же число мусульман в Индии в данный исторический период насчитывало 50 млн чел. [Rubee 1895: 1], фак-

тически это означало, что в Бенгалии в конце XIX в. проживала половина индийских мусульман.

В последующие годы из-за существенного прироста населения число мусульман в данном регионе постепенно превысило число индусов. По переписи 1941 г., незадолго до раздела Бенгалии, ислам уже исповедовали 54,4 % всех ее жителей, индуизм — 42 %, прочие религии — 3,6 %. По переписи 1941 г. в восточных районах Бенгалии, впоследствии отошедших Пакистану, мусульмане составляли 70,3 % всего населения. «Мусульманское большинство в данном регионе было настолько очевидным, что в конечном итоге создало возможности для раздела Бенгалии по религиозному принципу» [Тринич 1974: 63].

Кроме того, существенную роль сыграл и экономический фактор, повлиявший на раздел Бенгалии. К началу XX в. наблюдалось существенное расслоение общества. На вершине социальной пирамиды оказались крупные землевладельцы — *заминдары*, сдававшие свои земли внаем арендаторам, которые осуществляли обработку земли; ростовщики, торговцы и владельцы магазинов. Большинство представителей этих профессий составляли индусы, бывшие откупщики-ростовщики, при англичанах получившие возможность приватизировать отданные им на откуп земли, и обретшие статус помещиков. С другой стороны, на нижней ступени социальной лестницы оказались крестьяне-мусульмане. Это разделение было особенно заметно в сельской местности, в частности в Восточной Бенгалии [Dutt et al.1973: 122].

В начале XX в., еще до окончания британского колониального правления, англичане пытались административно разделить Бенгалию на Западную и Восточную провинции для более удобного управления в рамках стратегии «разделяй и властвуй». Этот план по разделу Бенгалии, известный как «раздел Керзона», преследовал целью сделать более управляемой огромную провинцию, занимавшую треть территории Британской Индии, а также расколоть национально-освободительное движение, центром которого стала Бенгалия, где националистические настроения проявились уже в начале XX в. Мусульманские лидеры Бенгалии во многом приветствовали этот раздел, поскольку он открывал мусульманам Восточной Бенгалии новые экономические возможности и рабочие места.

Представители бенгальской интеллигенции, и прежде всего индусы, категорически не желали этого раздела и рассматривали его

как попытку ущемления бенгальского национального достоинства. Они призывали народ вспомнить о своем общем культурном наследии, о планах региональной независимости, а также о единстве бенгальской нации. По требованию общественности, территории, населенные бенгальцами, вскоре были вновь объединены. Однако разделение общества по конфессиональному признаку на «индусов» и «мусульман» становилось все заметнее [Меренкова 2011 б: 110].

В начале XX в. бенгальские мусульмане составляли примерно половину всех жителей Бенгалии и были самой многочисленной этнической группой среди мусульман Индии. Бенгальские мусульмане лидировали среди сепаратистов, призывавших к отделению провинций Британской Индии и созданию государства индийских мусульман. Ставя себя в один ряд с мусульманами севера и северо-запада Индии, мусульмане Восточной Бенгалии призывали игнорировать существовавшие между индийскими мусульманами культурные и языковые различия и присоединились к мусульманам-небенгальцам для реализации мечты о «южноазиатской мусульманской родине». В случае отделения Восточной Бенгалии от Западной Бенгалии для бенгальских мусульман открывались возможности для реализации своих возможностей на политической арене, а также в экономической и социальной сфере, где тогда доминировали индусы. В 1940-х годах жители Восточной Бенгалии идентифицировали себя как «мусульмане, живущие в Бенгалии», что послужило «веским основанием для включения данного региона в состав государства Пакистан, под названием “Восточный Пакистан”» [Madan 1998: 974].

До середины XX в. не существовало суверенных государств Пакистан и Бангладеш: это были индийские территории, которые до 1947 г. находились под контролем британских властей. 15 августа 1947 г. со стен Красного Форта в городе Дели Индия была провозглашена независимой страной. Днем ранее было объявлено об отделении от нее Пакистана как независимого государства. При этом Западная Бенгалия осталась индийским штатом, а Восточная Бенгалия вошла в состав созданного государства индийских мусульман — Пакистан — как область под названием «Восточный Пакистан». В результате раздела бывшей британской Индии на два независимых государства (Индия и Пакистан) Бенгалия, а также провинции Пенджаб и Ассам разрезались границами таким образом, чтобы округа, где мусульмане составляли большинство, попали в состав Пакистана.

Поскольку ни в одной провинции или штате Индии население не было однородным [Котин 2008: 46], выделение мусульманских областей в качестве частей независимого государства Пакистан привело к гибели сотен тысяч людей и переезду более миллиона беженцев. В ряде округов, отошедших к Пакистану, индусы составляли до половины населения. Велики были человеческие жертвы и в Бенгалии, разделенной на два государства.

После образования независимого государства Пакистан господствующее положение в этой стране заняли крупнейшие пенджабские и синдхские землевладельцы, а также говорящие на языке урду мусульмане, бежавшие из Индии (*мухаджир*). Эти социальные группы использовали приход к власти для расширения и укрепления собственных экономических и политических позиций в ущерб интересам остального населения страны, в том числе жителей ее восточной части [Пакистан 1966: 105].

Восточная область стала проблемной для Пакистана уже с первых дней существования этого государства, поскольку в процессе формирования Пакистана перспективы вхождения Восточной Бенгалии в состав государства индийских мусульман даже не были четко сформулированы. «Мусульмане, жившие в Восточной Бенгалии и разделявшие идею создания независимого Пакистана, надеялись получить достойную поддержку от нового правительства в различных аспектах политической и социальной жизни» [Faruque 2006: 88]. Однако с течением времени в Восточной Бенгалии (до 1971 г. — Восточный Пакистан) возрастало недовольство в отношении Западного Пакистана из-за очевидного неравенства в статусе обеих частей страны.

После обретения независимости Западный Пакистан стал доминирующей частью страны, как в политическом, так и в экономическом плане. Большую остроту в Пакистане приобрел национальный вопрос. Бенгальцы, населявшие Восточный Пакистан и составлявшие 55 % населения всего Пакистана, были недовольны тем, что в государственном аппарате и вооруженных силах господствующее положение занимали представители Западного Пакистана (преимущественно пенджабцы, пуштуны, мухаджир). Кроме того, при распределении бюджетных и иных ассигнований приоритет предоставлялся Западному Пакистану [Пакистан 1966: 107], несмотря на то что именно Восточный Пакистан предоставлял большую часть экспортных товаров (рис, джут, чай и др.), доходы от

продажи которых оседали в банках Западного Пакистана [Dutt et al. 1973: 155].

Следующим важным фактором, позднее повлиявшим на дальнейший раздел Пакистана, стало решение западно-пакистанской администрации в 1948 г. объявить язык урду единственным государственным языком в стране, о чем было объявлено Мохаммадом Али Джинной, первым главой государства Пакистан. Это заявление породило народное возмущение внутри всего государства, так как урду в Западном Пакистане был родным языком лишь для мухаджиров. Большинство же населения Западного Пакистана говорило на языке пенджаби (у пуштунов, синдхов и белуджей сильно также движение за развитие собственных региональных языков), а в Восточной Бенгалии родным языком большинства населения оставался бенгальский.

Решение о принятии языка урду в качестве единственного языка в стране привело к взрыву патриотических и национальных чувств бенгальцев. Основным требованием бенгальского национального движения стало прекращение дискриминации Восточной Бенгалии в экономических и политических вопросах: признание бенгальского языка наряду с урду государственным языком, проведение демократических реформ в восточной части страны и предоставление ей прав автономной провинции Пакистана.

21 февраля 1952 г. молодежное движение города Дакки (современная столица Бангладеш) выступило с требованием признания и сохранения бенгальского языка. В ходе этого движения в результате столкновения с пакистанскими властями погибли несколько человек. Этот день навсегда остался в истории Бангладеш и Западной Бенгалии как «День памяти мучеников за родной язык» (Language Martyr's Day). Позднее, в 1999 г., ЮНЕСКО объявило этот день «Международным днем родного языка» (International Mother Language Day) [Faruque 2006: 88].

В Пакистане после событий 1952 г. под давлением общественности бенгальский язык был признан вторым государственным языком, наряду с урду. Тем не менее администрация Западного Пакистана расценила движение в поддержку бенгальского как проявление крайнего национализма и сепаратизма и угрозу для общегосударственных интересов.

Можно отметить, что понимание бенгальцами своей этнической идентичности менялось в различные исторические периоды.

В зависимости от этого изменялся и курс проводимой местной администрацией государственной политики, что в конечном итоге создало предпосылки для выделения Восточной Бенгалии в качестве независимого государства Бангладеш. Население региона с каждым годом увеличивалось, бенгальцы становились самой большой группой населения Пакистана, что «предопределило будущее доминирование бенгальцев в любом демократически избранном парламенте страны [Котин 2008: 52].

Само существование Пакистана, состоявшего из двух отдаленных географически восточной и западной частей, не могло не породить стремления к сепаратизму в рамках такого противоречивого образования. Политическое развитие Пакистана, шедшее под лозунгом возвращения к изначальному исламу, стало принимать форму открытого противопоставления тех или иных групп, претендовавших на единственно верную трактовку этого «правильного», «изначального» ислама [Там же: 53].

Опасность роста сепаратизма заставила руководящую военно-административную верхушку страны сделать уступки национальным движениям. В первые несколько лет существования Пакистана как независимого государства в стране фактически не было массовых политических партий, кроме правительственной партии Мусульманской Лиги, которую поддерживали различные слои общества. Однако позднее, по мере нарастания недовольства политикой и программой дальнейшего развития страны, в Пакистане в 1949–1952 гг. начали формироваться различные партии и организации, оппозиционные Мусульманской Лиге. Образование оппозиционных политических партий свидетельствовало о том, что в стране шла борьба за определение путей дальнейшего развития государства.

Правящий блок выдвинул программу, предполагавшую сохранение в экономике, общественной жизни и государственном строе многих черт колониального периода. Наиболее остро кризис политики правящего блока проявился в Восточном Пакистане. «Не считаясь с тяжелым экономическим положением этой части страны, пережившей огромные трудности, в частности, в связи с разрывом традиционных связей с Индией, правительство Мусульманской Лиги увеличило взимаемые здесь налоги и сборы и прекратило производившиеся ранее отчисления в бюджет провинции части налоговых поступлений» [Пакистан 1966: 117]. Все это накаляло политическую обстановку и способствовало росту влияния нацио-

налистических партий и организаций, оппозиционных правящей Мусульманской Лиге.

В 1954 г. в результате политического кризиса в Пакистане было введено чрезвычайное положение. В 1955 г. к власти в стране пришло коалиционное правительство Мусульманской лиги, популярной на западе, и бывшего ранее в оппозиции Объединенного фронта, созданного в Восточной Бенгалии. 29 февраля 1956 г. Учредительное собрание страны провозгласило создание Федеративной Исламской Республики Пакистан.

Однако уступки националистам не помогли. В 1956–1957 гг. коалиционные правительства сменяли друг друга несколько раз. 27 сентября 1958 г. власть в стране захватили военные во главе с генералом Мухаммедом Айюбом Ханом, правившим до марта 1969 г. За время правления Айюб Хана в Пакистане сформировалась могущественная административная служба, подавлявшая национальные и региональные сепаратистские настроения. Подавление всех сил политического спектра привело к временному объединению многих из них в борьбе против власти военных и за гражданские права.

Между тем стоило военным ослабить всесторонний контроль над партиями и группировками, как в стране возник новый политический кризис. Айюб Хан передал власть генералу Яхья Хану (25 марта 1969 г. — 20 декабря 1971 г.), чтобы тот осуществил контролируемые реформы, в том числе и в отношениях между центром и провинциями, однако ситуация вскоре вышла из-под контроля.

В 1970 г. на всеобщих выборах в Пакистане восточно-бенгальские мусульмане (партия Авами Лиг во главе с Шейхом Муджибуром Рахманом) получили численное превосходство [Дорохин 1990: 25]. С этого периода язык и национальность стали для восточных бенгальцев более важными объединяющими факторами, чем религия. Если раньше они называли себя «мусульманами, живущими в Бенгалии», то теперь — «бенгальцами, исповедующими ислам» [Madan 1998: 974].

Лидер Пакистанской Народной партии (Pakistan People's Party) Зулфикар Али Бхутто отказался признать правомерность избрания Муджибура Рахмана на пост премьер-министра Пакистана. Военная администрация Западного Пакистана, представляющая интересы ряда этнических групп Западного Пакистана, также не могла допустить прихода к власти представителя восточно-бенгальской политической администрации. 3 марта 1971 г. в городе Дакке со-

стоялась встреча президента Пакистана Яхья Хана, Муджибура Рахмана и Зулфикара Али Бхутто, однако переговоры не увенчались успехом. Военный режим отказался признать региональную автономию Восточного Пакистана, и был отдан приказ об аресте Муджибура Рахмана.

Итак, если в 1940 г. жители Восточной Бенгалии идентифицировали себя преимущественно как «мусульмане, живущие в Бенгалии», что помогло Восточной Бенгалии войти в состав страны как Восточный Пакистан, то в 1970 г. эти же люди пришли на выборы в Пакистане, идентифицируя себя прежде всего как «исповедующие ислам бенгальцы», и одержали победу. Данный пример смены маркеров самоидентификации помогает проследить, как способность этнической группы к изменению выбора признаков идентичности может привести к политическим, экономическим и культурным изменениям в обществе [Меренкова 2011 б: 112].

В 1970 г. после победы на парламентских выборах депутата партии от Восточного Пакистана Шейха Муджибура Рахмана и отказа администрации признать эти выборы легитимными вооруженные силы Западного Пакистана попытались взять восточные провинции страны под свой контроль. Эти действия привели к началу Войны за независимость Бангладеш 1971 г.

25 марта 1971 г. Шейх Муджибур Рахман, лидер партии Авами Лиг, обратился с речью к жителям Восточной Бенгалии с призывом «сражаться до последнего»¹. В ночь с 25 на 26 марта 1971 г. армия Западного Пакистана вошла на территорию Восточной Бенгалии и провела военную операцию под названием «Прожектор» (Operation «Searchlight»). Цель данной операции заключалась в подавлении бенгальского сопротивления, в том числе в физическом уничтожении бенгальских лидеров, призывавших к независимости. Армия Западного Пакистана провела атаку в Дакке. Шейх Муджибур Рахман был арестован пакистанской армией, а партия Авами Лиг запрещена. Однако Муджибур Рахман незадолго до ареста успел подписать официальное заявление, провозглашающее независимость Бангладеш и призывающее жителей Восточной Бенгалии оказывать сопротивление военным силам Пакистана.

¹ *Aitihashik dolilopotre shadhinotar ghoshona. Объявление о независимости.* Газета «Протхом Ало» (Prothom Alo) [Электронный ресурс]: URL: <http://www.prothom-alo.com/26-march> — дата обращения 05.04.2012.

26 марта 1971 г. считается официальной датой начала Войны за независимость Бангладеш (Bangladesh Liberation War)². 27 марта 1971 г. генерал Зиаур Рахман от имени Муджибура Рахмана выступил на радио с провозглашением независимости Бангладеш. На следующий день он выступил уже как «временный глава независимой республики Бангладеш» с призывом ко всем бенгальцам всеми силами оказывать сопротивление пакистанской армии [Qureshi 2002: 35].

После провозглашения независимости Бангладеш противоборствующие силы бенгальцев сформировали «Армию Освобождения» — «Мукти Бахини» (Mukti Bahini), в состав которой вошли как бенгальские военные подразделения, так и гражданские лица³. Эта армия вела партизанскую войну против пакистанских вооруженных формирований. К апрелю 1971 г. бенгальские офицеры и солдаты подразделений, сформированных из бенгальцев, создали Бангладешскую армию (Bangladesh Armed Forces) под командованием генерала Бангабира Мухаммада Атаула Гани Османи (M.A.G. Osmani). Военные силы округа Силхет также выступали против пакистанской армии. Несмотря на первые неудачные попытки противостояния пакистанским войскам, в дальнейшем бойцы «Мукти Бахини» при индийской военной и технической поддержке успешно боролись за независимость страны⁴.

² Военный конфликт между Западным Пакистаном и Бангладеш получил несколько названий, в том числе и с политическим подтекстом. «Бангладешская война» (Bangladesh War) — общий термин, который использовали собственно во время конфликта в Восточной Бенгалии в 1971 г. «Бангладешская война за независимость» (Bangladesh War of Independence) — этот термин наиболее часто встречается в работах авторов, живущих вне индийского субконтинента. Наконец, существует термин «Война за освобождение Бангладеш» (Bangladesh Liberation War / Mukti Juddho — бенг.), который активно используется в самой республике Бангладеш, а также многими индийскими официальными лицами.

³ Кроме того, до марта 1971 г. в небольших городах и деревнях Восточной Бенгалии «Mukti Bahini» также называли «Mukti Fauj». «Fauj» — «армия» — слово в бенгальском языке, заимствованное из языка урду. В дальнейшем уже использовали только название «Mukti Bahini».

⁴ После окончания войны термином «Мукти Бахини» называли все вооруженные группы (как армейские, так и гражданские), выступавшие против армии Пакистана.

Выбранные представители национального и местного собрания, политические лидеры и главы студенческих организаций объединились и стали в регионе значимой силой. Со стороны бангладешцев в конфликте участвовали как регулярные войска (Niomita Bahini — бенг.), так и нерегулярные партизанские отряды (Gono Bahini — бенг.). Нерегулярные войска скорее представляли собой инициативные группы, состоявшие из студентов, крестьян, рабочих и политических активистов. В отличие от регулярных войск они не вступали в прямой контакт с пакистанской армией, а вели партизанскую войну.

Стратегию военных действий разрабатывали совместно М.А.Г. Османи, Зиаур Рахман, К.М. Шафиулла и Халед Мошарафф. Их подразделениям удалось освободить от пакистанского влияния довольно большие территории. Присутствующие в округе оккупационные войска Пакистана под командованием С.Р. Датта не раз проводили многочисленные атаки на уже освобожденные территории. В мае 1971 г., когда бангладешские силы получили подкрепление, они распределились по разным областям Силхета и продолжили борьбу за независимость.

Отметим, что государство Бангладеш получило независимость не только благодаря собственным ресурсам и международной помощи. Этому также способствовала поддержка восточно-бенгальских мигрантов, живущих в Великобритании: выходцы из различных районов Восточной Бенгалии (в частности, из округа Силхет), находили множество способов помочь борцам за независимость Бангладеш. Они предоставляли средства, необходимые для ведения военных действий, устраивали демонстрации перед зданиями Британского парламента и Верховной комиссии Пакистана в Лондоне, проводили уличные митинги, публиковали в собственных печатных изданиях статьи, в которых обосновывали необходимость предоставления Бангладеш независимости от Пакистана. Тем самым им удалось привлечь на свою сторону влиятельных политиков Англии и собрать значительные средства для поддержки вооруженных формирований, в том числе для покупки оружия, медицинского оборудования и медикаментов. Кроме того, британский королевский консул согласился взять под свою защиту представителя бангладешских сил, Шейха Муджибура Рахмана, во время его поездки в Пакистан [Faguque 2006: 117].

Индийские спецслужбы оказывали поддержку представителям бангладешского движения «Мукти Бахини», а затем в декабре 1971 г.

индийские войска открыто поддержали Бангладеш в освободительной борьбе. 16 декабря 1971 г. союзнические силы «Мукти Бахини» и индийской армии окончательно разбили военные силы Западного Пакистана, базировавшиеся в Восточной Бенгалии. Таким образом, Пакистан был вынужден признать независимость Бангладеш как нового государства. В июле 1971 г., еще до окончания бангладешско-пакистанского военного конфликта, Индира Ганди, премьер-министр Индии, открыто называла в своих речах Восточный Пакистан Республикой Бангладеш. Однако остальные политические деятели продолжали называть этот регион Восточным Пакистаном вплоть до 16 декабря 1971 г.

Официальным Днем Независимости Бангладеш считается 26 марта 1971 г. С этого времени политики и исследователи, особенно в Бангладеш и Великобритании, говорят о бангладешцах как о самостоятельном народе, хотя правильнее считать бангладешцев—мусульман политонимной или этноконфессиональной группой. Британские источники нередко говорят о бангладешской иммиграции с начала XX в., но нам представляется очевидным, что термин «бангладешский» мы используем только в отношении миграционных процессов с 1971 г., говоря о миграции в предыдущий период как о бенгальской, хотя основу ее и составляли восточно-бенгальские мусульмане.

2.2. Очерк бенгальской миграции в Великобританию до 1971 г.

Присутствие выходцев с Индийского субконтинента отмечалось в Великобритании еще в XVIII в. С 1947 г. после раздела Индии и появления независимых государств Индии и Пакистана в материалах по статистике появились разделы «пакистанцы», с 1971 г. и позднее возник и раздел «бангладешцы». В Великобритании статистика по бангладешцам впервые появилась в переписи 1981 г., когда среди других стран происхождения мигранты стали указывать «Бангладеш».

«Британскими бангладешцами» (British Bangladeshis) в Великобритании нередко называют не только выходцев из собственно Бангладеш, но и более ранних мигрантов и их потомков, которые прибыли в Соединенное Королевство из входившего в состав Британской Индии округа Силхет (до 1947 г.), а также последующих

переселенцев восточно-бенгальского происхождения, приезжавших из единого государства Пакистан (до 1971 г.). Все они стали идентифицировать себя позднее как «бангладешцы». Таким образом, в Великобритании проживают несколько поколений бенгальцев-мусульман, из которых представители старшего поколения прибыли в Англию из Индии, среднего поколения — из Пакистана, молодежь — из Бангладеш, хотя часто место их происхождения — один и тот же округ Силхет. История миграции с индийского субконтинента в Великобританию насчитывает не менее двух веков, в то время как история независимого государства Бангладеш не превышает 50 лет.

Само понятие миграция подразумевается исследователями как «любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности» [Рыбаковский 1987: 26]. В данном исследовании основное внимание будет уделено тем видам миграции, которые привели к созданию в Великобритании бангладешской общины.

Для исторической Индии в целом, с ее огромным населением, различными уровнями развития ее регионов, с ее религиозно-культурной спецификой и особенностями брачно-родственных традиций территориальное перемещение, или миграция, представляет собой давнее явление. Однако «массовая миграция из Индии, как часть международной миграции — относительно недавний феномен» [Котин 2003: 5]. Речь идет о комплексном явлении, которое стало возможным во многом благодаря британской колониальной империи, существованию прочных колониальных связей, а также разделением труда в экономической системе Англии и Британского Содружества. «Миграция из Индии осуществлялась преимущественно по морю, что ограничивало ее масштабы и характер» [Дридзо и др. 1978: 22]. В древности и в средние века индийские купцы отправлялись с торговыми судами в Восточную Африку и Юго-Восточную Азию. Тем не менее в этом направлении «эмиграция индийцев в тот период носила весьма ограниченный характер» [Дридзо и др. 1978: 135], поскольку существовали и проблемы, включая, например, идеологические запреты: индусам пересекать море («кала пани») запрещалось под страхом потери принадлежности к касте).

«Преодолению естественных препятствий для эмиграции индийцев с субконтинента способствовали англичане, создавшие огромную колониальную империю, включавшую в себя Индию, владения в Северной и Центральной Америке, Вест-Индию, владения в Африке, Австралию и др». [Котин 2003: 27]. Британские власти во многом способствовали перемещению части индийского населения в качестве рабочей силы в те колонии, где на тот момент существовала в ней потребность. Кроме того, многие индийцы также вербовались для службы в английском торговом и военном флоте. Немало индийцев, выезжающих по контракту, возвращались по истечении срока его действия. Однако были и те, кому удавалось создать свою собственную социально-экономическую нишу и обустроить жизнь в новой стране. Из бенгальцев в миграции особенно преуспели силхетцы — выходцы из округа провинции Ассам Британской Индии, затем — Восточного Пакистана, наконец — Бангладеш.

Выходцам с индийского субконтинента Индия представляется «большой родиной», Бангладеш или Силхет — «малой родиной». Население округа Силхет, расположенного в северо-восточной части Бангладеш, традиционно занималось земледелием, разведением фруктов; с приходом англичан здесь появляются многочисленные чайные плантации [Faruque 2006: 109]. Судьба округа Силхет так же, как и самой Бенгалии, долгое время находилась во власти иностранных правителей. В 1384 г. эта область была завоевана войсками мусульманских армий, преимущественно афганцами и тюрками из клана Хильджи, но массовое обращение в ислам населения произошло в XIV–XV веках благодаря мирным проповедям суфийского святого Хазрата Шаха Джалала.

Шах Джалал и его сподвижники были приверженцами суфийской традиции, согласно которой единение верующего с Богом достигалось посредством медитации, чтения стихов и песен, посвященных божественным идеям. «Для силхетских крестьян это направление ислама открыло возможности освободиться от тяжелого бремени индийской кастовой системы» [Adams 1987: 4]. Существует легенда о том, что когда Шах Джалал начинал свой миссионерский путь, его дядя дал ему горсть земли, чтобы тот в путешествиях нашел схожую с ней по цвету и запаху. Такой чудесной землей оказался округ Силхет, где Шах Джалал обосновался вместе со своими помощниками, которых насчитывалось более трехсот. Ученики-мюриды Шах Джалала разошлись по отдаленным уголкам Силхета

и дали названия тем деревням, где они проповедовали свое учение. После их смерти эти места стали центрами паломничества, а многие крестьяне считают себя их далекими потомками. Ныне гробница Шаха Джалала является главным центром паломничества в Силхете, а местные земледельцы считают, что земля плодородна и процветает благодаря тому, что в этой местности захоронено множество его сподвижников [Gardner and Shukur 1995: 144]. Шах Джалал считается святым покровителем Восточной Бенгалии, плодородного и густонаселенного края, в настоящее время — страны.

В 1765 г. Силхет оказался владением Ост-Индской компании. [Антонова и др. 1973: 249]. Для англичан это не стало первоначально выгодным приобретением. Товарное производство риса было здесь неразвито. Однако горы Силхета оказались идеальным местом для выращивания чая и развития чайных плантаций, которые с 1860-х годов внесли значительный вклад в экономику региона, а также привлекли работников-бенгальцев из других мест. Уже тогда Силхет стал краем мигрантов, традиция миграции была знакома жителям каждой деревни. Мелкие самостоятельные хозяйства округа в основном платили земельный налог непосредственно англичанам, минуя помещиков-посредников. Силхетские деревни являются не отдельными поселениями, а представляют собой разбросанные ячейки патрилинейно связанных между собою хозяйств. Эти хозяйства, хотя и не объединены между собой экономически, но поддерживают родственные связи. Когда такое домашнее хозяйство становится слишком большим, оно распадается. Несколько старших братьев или кузенов перебираются на другое место, как правило, неподалеку от предыдущего. В Силхете существует множество деревень, которые образовались подобным образом и которые представляют собой «цепь» родственно-связанных друг с другом хозяйств. Позднее именно эти «цепи» повлияли и на характер миграции силхетцев в Великобританию.

Особенность силхетцев, отличающая их от большинства южноазиатов и выходцев из Южной Азии в Великобритании — их социально-классовая и этнокастовая гомогенность, в том числе среди земледельцев Восточной Бенгалии, что отмечал еще британский антрополог Ким-Мариотт [Kim Mariott 1960: 47]. Большинство силхетцев относит себя к *шейхам*, т.е. потомкам арабских завоевателей и миссионеров. Наряду с *сайидами* — потомками Пророка Мухаммеда, *патанами* — потомками афганских завоевателей, *моголами* —

потомками завоевателей тюркского происхождения, шейхи — наиболее уважаемая категория мусульман в Южной Азии, категория, входящая в группу «*аираф*» («благородную» и противопоставляющую себя «нечистым» — «*аджлаф*» (представителям ремесленных каст). В то время шейхи — наиболее удобная ниша в системе вертикальной социальной мобильности, — поскольку родословную можно было купить, главным маркером группы остается средний и высокий достаток. Как отмечала С.А. Маретина, для Бенгалии в целом характерны «заметное размывание барьеров между кастами, близкими по рангу, относительно меньшая жесткость и догматичность кастовых запретов и предписаний; большая взаимная терпимость в рамках кастовой системы; более свободное, чем в большинстве других районов, продвижение вверх» [Маретина 1998: 119].

Именно выходцы из округа Силхет, мигрировавшие в Великобританию для поиска временных заработков, позднее оставались там на постоянное местожительство. Сам округ представляет собой плоскогорье, прорезанное долиной реки Сурма (Барак) на границе Бангладеш с Индией и Бирмой (Мьянмар). По рельефу, характеру почв и климату Силхет отличается от остальной территории Бангладеш. Собственно, это исторический округ Ассама, перешедший в состав Восточной Бенгалии в результате референдума 1947 г. Бенгальское население округа некогда пришло сюда с других территорий, так что традиция миграции — родная, знакомая каждой семье в округе. Значительное число мигрантов отмечалось из двух других округов — Майменсингх и портовый Читтагонг.

Английский географ Спейт отмечал малую мобильность населения Южной Азии до середины XX в. в силу традиционной приверженности родным местам [Спейт 1957: 12]. Традицию оседлости может преодолеть только традиция миграции. Для населения округа Силхет миграция — часть традиции. Земли Силхета — иные, чем богатые илом аллювиальные почвы большей части территории Бангладеш. В Силхете почвы — с высоким содержанием глины и низким содержанием аллювия. Здесь низкие урожаи зерновых, земля тяжела в обработке. Максимальная температура здесь редко превышает + 32 градуса по Цельсию, зато минимальные часто опускаются ниже плюс 10 по Цельсию [Тринич 1974: 18].

В то же время эта территория привлекательна тем, что не затопляема и не густо заселена. К тому же округ не знал разорительной системы «постоянного заминдари», введенной в XVIII в. лор-

дом Корнуоллесом и сделавшей индусов-ростовщиков законными помещиками-землевладельцами. Большинство жителей относятся к мелким и средним землевладельцам. В долине реки Сурмы выращивают рис, джут, на склонах гор выращивают чай. Первые две культуры дают в Силхете один урожай в год, оставляя полгода жителям для других занятий, поэтому для силхетцев весь XX в. было характерно отходничество как занятие и средство дополнительного заработка.

Отходничество стало для силхетцев возможным и желательным средством заработать деньги на покупку земли — основное богатство и главную ценность для большинства южноазиатских крестьян. Отходники, обычно молодые мужчины из числа силхетцев, находили работу в качестве трактирщиков, лавочников, чернорабочих в районе калькуттских доков, в других городах [Barton 1986: 48]. Неудивительно, что именно они достигли всех значимых должностей среднего ранга на торговых судах и способствовали дальнейшему привлечению земляков на службу во флоте. В начале XX в. многие десятки тысяч силхетцев служили в британском торговом флоте. Из них более двадцати тысяч погибло в боевых действиях в годы Второй мировой войны. Многие воевавшие на стороне Британии силхетцы получили ордена и медали, а также небольшие пенсии от британского правительства. В предвоенные и военные годы силхетцы-моряки торгового флота оказывались в британских портах. Некоторые из них устраивались докерами в портовых городах или находили там другую работу.

По языку и культуре силхетцы отличаются от бенгальцев из Дакки. Литературный бенгальский и его разговорный вариант («*чолит бхаша*» — *бенг.*) в калькуттской и даккской формах силхетцам не слишком понятен. В первые годы независимости в составе Пакистана нахождение на периферии удаленной от столицы (в то время — город Карачи) провинции, да еще и заметные культурно-бытовые и языковые особенности делали ее перспективы в рамках Пакистана безрадостными. Восточная Бенгалия (до 1971 г. — Восточный Пакистан) в целом оказалась глухой провинцией Пакистана, а Силхет — медвежьим углом этой провинции. Ресурсы забирал центр. «Восточный Пакистан на протяжении ряда лет подряд имел активное сальдо внешнеторгового баланса. Однако иностранная валюта не оставалась в провинции, а шла преимущественно на развитие Западного Пакистана.

Распределение займов и дотаций на протяжении ряда лет также было не в пользу Восточной Бенгалии» [Народы Южной Азии 1963: 695]. Неудивительно, что за десять лет с середины 1950-х годов из одного только Силхета в Британию переехало около 60 тыс. чел. [Тринич 1974: 45]. Большая часть силхетцев добиралась в те годы в Британию морем через Читтагонг, который «был естественным выходом к морю для большей части Ассама» [Спейт 1957: 552].

Вскоре Восточный Пакистан, (с 1971 г. — независимое государство Бангладеш) стал ориентироваться на зарубежных силхетцев как на источник валютных поступлений, поскольку большинство мигрантов, уехавших на заработки, большую часть своих трудовых доходов отсылали родным. Как отмечает А.М. Щеглова, «отличительная черта слаборазвитой экономики Бангладеш заключается в том, что расширенное воспроизводство, а время от времени и простое воспроизводство находятся в постоянной зависимости от притока ресурсов из-за рубежа. Так, в 1974–1976 гг. накопление полностью осуществлялось за счет внешних ресурсов» [Щеглова 1988: 173].

Владевшие землей силхетские семьи гордились правом распоряжаться ей и самостоятельно продавать излишки своей сельскохозяйственной продукции [Gardner and Shukur: 146]. Эти мелкие помещики («талукдары») образовывали своеобразный сельский предпринимательский класс, который оказался наиболее подготовленным к открывавшимся возможностям миграции, поскольку естественный прирост населения и дробление земельных участков вынуждали многих силхетцев искать работу за пределами родного края. Уехать на работу в калькуттские доки или на службу в британский торговый флот могли в основном те мужчины, у которых была возможность оставить семьи на попечение родственников. Отметим, что только крупные и финансово стабильные хозяйства, с излишками свободных рук, могли отпустить на заработки одного или нескольких своих членов. «Многие отходники, обычно молодые мужчины, отправлялись искать работу в район калькуттских доков (как трактирщики, лавочники, чернорабочие) или в другие города» [Barton 1986: 48].

С первых лет освоения Индии англичанами торговый флот приобрел огромное значение для Великобритании. Рост колониальных владений Ост-Индской Компании, а затем британской короны потребовал привлечения местного населения в качестве моряков, прежде всего силхетцев, на судах каботажного и дальнего плавания. Из-

вестно, что бенгалцы, и силхетцы в частности, служили в британском торговом флоте еще в XIX в. Для многих мигрантов из Силхета недостаточное владение английским языком создавало препятствия при устройстве на работу и в поиске жилья, поэтому они были вынуждены обращаться к брокерам [Gardner and Shukur 1995: 146]. Найти работу на корабле было нелегким делом для тех, кто прибывал в доки впервые. Им часто требовались помощь брокера, деньги или связи. Подчас прибывшие из сельской местности в Калькутту силхетцы, желающие попасть на службу во флот, вынуждены были некоторое время жить в окрестностях порта и наниматься на любую работу, только чтобы оплатить свое проживание и еду. Пока корабли стояли в доках, брокеры нанимали их на самую тяжелую работу, а деньги (очень небольшие) выплачивались через посредника [Adams 1987: 27].

Вскоре часть силхетцев освоила брокерство и стала помогать работникам из других округов — Ноакхали и Читтагонга — попасть на службу в британский флот. В доках Калькутты брокеры-силхетцы, помогавшие оформлять необходимые документы, приобрели реальную власть, поскольку именно они определяли, кто будет нанят на службу во флоте. Они активно привлекали на заработки родственников, односельчан и земляков [Котин 2013б: 83]; именно из этой группы вышли первые силхетские мигранты в Англии. На родине, в родной деревне или квартале города нередко возникал ажиотаж, который американский исследователь Ле Брак назвал «иммиграционной лихорадкой» [Le Brack 1989: 273].

Сходные настроения переживали жители Силхета, области, где, по словам британского исследователя Гарднер, все имели родственников в Англии, все готовы были уехать [Gardner 2001: 490]. В Силхете существуют многочисленные деревни («лондони касба»), значительная часть жителей которых уехала в Лондон, Манчестер, Лидс, другие британские города. В таких деревнях и по соседству с ними силхетцы-бидеши (т.е. уехавшие за рубеж) покупают землю, в то время как местные бангладешцы продают или закладывают землю, чтобы уехать за границу.

Трудовая жизнь для моряков была одинаково нелегка как на борту корабля, так и на берегу. На корабле им приходилось долгое время находиться в переполненных, плохо вентилируемых помещениях, со скудным или плохим пищевым рационом, а также в условиях холодного климата при отсутствии подходящей теплой одежды и постельного белья. Многие моряки умирали от болезней.

Тем не менее силхетцев охотно брали на службу во флот, особенно в условиях тропического климата. Долгое время среди британской военной администрации существовал миф, «что индийские (бенгальские) моряки не могут работать эффективно в условиях холода, а белые моряки непригодны к морской службе в условиях тропического климата» [Adams 1987: 17]. Рекруты-бенгальцы, решившие остаться на заработки в Англии, сталкивались с такими проблемами, как поиск жилья, нехватка денег, неподходящие климатические условия. В 1858 г. на средства индийских торговцев в Лондоне был открыт «Путевой Дом для азиатов, африканцев и жителей южных островов» (The Stranger's Home for Asiatics, Africans and South Sea Islanders). К 1872 г. это заведение предоставляло временное пристанище для 6,4 тыс. жильцов, в том числе бенгальцев [Adams 1987: 20].

В начале XX в. в Великобритании проживало уже более 50 тыс. выходцев из Южной Азии. Во время Первой и Второй мировых войн многие силхетцы работали на судах английского флота и после окончания войны остались в стране, устроившись на заработки в различных сферах промышленности [Faruque 2006: 121], в основном занимая низкооплачиваемые, не требовавшие особой подготовки должности [Anwar 1995: 274].

Одним из самых известных бенгальских мусульманских иммигрантов в Британию был Сэйк (Шейх) Дин Магомет (Sake Dean Mahomet), один из капитанов Ост-Индской Компании. В 1810 г. он основал в Лондоне первый «индийский ресторан» — «Хиндустан Кофе Хаус». В 1830 г. в Великобританию с официальной миссией приехал известный реформатор индуизма, «отец современной Индии» Рам Мохан Рой (1772–1833), получивший широкую известность «благодаря общественной деятельности, направленной на отмену практики сати, индуистской традиции самосожжения вдовы вместе с телом мужа, и полигамии» [Everseley, Ullah 2010: 11]. Он умер в 1833 г. в Бристоле, где и был кремирован. Памятник на месте кремации Рам Мохан Роя — старейший след, оставленный бенгальцем в Великобритании.

Другой известный путешественник Майкл Мадхусадхан Датт (Michael Madhusadhan Dutt 1824–1873) — знаменитый бенгальский поэт XIX в. Он родился в Восточной Бенгалии в семье бенгальцев-индусов, однако с юных лет мечтал стать англичанином. Датт прибыл в Лондон в 1862 г., чтобы изучать юриспруденцию. Он принял

христианство и взял имя Майкл. Тем не менее главной темой творчества поэта оставалась его историческая родина — Бенгалия.

Великобритания ощутила большой приток мигрантов после 1948 г., когда был принят Закон о Британском подданстве (*British Nationality Act*), оформивший единое гражданство для метрополии и ее колоний с правом переселения и работы в Великобритании. Период с 1948 г. по 1961 г. характеризуется усилением миграции из Индии и Пакистана в Великобританию. Эта волна миграции еще не регулировалась британскими властями, ибо она осуществлялась в рамках старых колониальных связей между странами Британского Содружества и бывшей метрополией.

Говоря о причинах миграции силхетцев и бенгальцев вообще, отметим как факторы выталкивания стихийные бедствия и неурожайные годы, политические кризисы, природные катаклизмы, экологические катастрофы. Высокий процент мелких парцеллярных крестьянских хозяйств определяет низкую товарность их продукции. Во многих районах страны отмечается наличие массы малоземельных крестьян, вынужденных покинуть родные места в поисках временного заработка.

Итак, мы выделяем три главные причины, которые сделали желательной эмиграцию из Силхета (и Бангладеш вообще):

- 1) общая и относительная перенаселенность;
- 2) высокий рост населения;
- 3) экстенсивные методы ведения хозяйства и парцеллярность земельных участков.

Возможной эта миграция стала благодаря наличию традиции миграции у силхетцев и легальной возможности такой миграции в рамках Британской Империи, а затем — Британского Содружества.

До 1950-х годов силхетцы не были особенно заметной группой, пока не начали активно прибывать в Великобританию для найма на предприятия в те отрасли экономики, где в то время чувствовалась нехватка рабочей силы. Первоначально у выходцев из округа Силхет и Восточной Бенгалии существовал так называемый «миф о возвращении» [Anwar 1979: 278], поскольку многие из них прибывали в Великобританию на заработки, мечтая вернуться на родину с достатком. Эта идея о «возвращении домой» способствовала развитию и сохранению экономических и родственных связей мигрантов и их оставшихся родственников в Восточной Бенгалии.

Многие силхетцы в это время приезжали и устраивались на работу в различных индустриальных городах на севере страны. К примеру, некоторые мигранты прибывали на работу на текстильные фабрики прямо из своей деревни. Они не имели, как правило, особой квалификации, но привыкли работать сверхурочно, чтобы заработать как можно больше средств для перевода на родину. Один из вернувшихся позднее на родину силхетцев говорил об этом так: «Мы, фермеры, считали труд на фабрике легким. Тяжелый труд повсюду одинаков, так ведь?» [Gardner and Shukur 1995: 148]. Однако работа на фабрике в качестве рабочих низкой квалификации, хоть и хорошо оплачивалась по бенгальским меркам, не могла не сказываться на социальном положении этих рабочих в британском обществе. Как только им удавалось накопить достаточно средств, бенгальские мигранты перебирались на более престижное место работы, на небольшие швейные фабрики или в кафе и рестораны.

В 1961 г. британский парламент принял закон об иммиграции (1961 Immigration Act), регламентирующий правила въезда в страну для жителей бывших и настоящих (на момент принятия закона) колоний. Согласно новому закону, граждане стран Содружества, а также владельцы паспортов колоний, выданных в канцеляриях губернаторов зависимых территорий, лишались автоматического разрешения на въезд. Вскоре была введена система выдачи ваучеров, которая предполагала предоставление предпринимателями заявки на рабочих, а также письма-рекомендации со стороны уже работавших в стране лиц. Ваучеры стали составной частью традиционной южноазиатской семейной и кастовой системы обмена товарами и услугами, а также объектом купли-продажи, и как таковые оказались монополизированы различными родственными и земляческими группами. Кроме того, к началу 1960-х годов в Индии, Пакистане и Великобритании возникли посреднические фирмы, занимающиеся организацией иммиграции, часто под видом туризма.

После принятия закона об иммиграции в 1961 г., который ограничивал возможности въезда в страну владельцев британских паспортов, выданных в странах содружества, усилилась паника среди уже прибывших граждан, которые из-за принятых мер решили остаться в стране на более длительный срок, чем предполагали ранее. Однако власти сохранили квоты на въезд для членов семей и лиц, получивших разрешение на въезд от британского министерства труда. Кроме того, на льготное получение ваучера могли рас-

считывать отставные военные, демобилизованные из британской армии и флота. К этой категории граждан относились множество силхетцев, мирпурцев и панджабцев.

Значительное число силхетцев, работавших в Великобритании на тот период, всеми силами старались достать ваучеры на работу для своих родственников, близких и друзей. Таким образом, был задействован механизм «цепной» миграции [Котин 2003 б: 84], когда старшие родственники, например работающие на фабрике, вызывали к себе на работу младших, еще служивших на флоте. Прибывавшие в тот период мигранты селились в лондонском районе Спиталфилдс, а также в городах Бирмингем, Брэдфорд и Манчестер. Опасаясь «закрытия» границ страны, многие из них решили остаться в Великобритании навсегда.

Таким образом, принятый закон об ограничении иммиграции 1961 г. оказал совершенно противоположный эффект и способствовал новому притоку иммигрантов. По примеру первых переселенцев, их близкие, родственники и знакомые ехали в Англию в поисках работы, на учебу или к своим родным (жены, сыновья и дочери прибывали к отцам). «Семья была генератором цепной миграции, а семейные связи определяли ее характер, интенсивность и направление» [Котин 2009: 149].

Количество мигрантов увеличивалось год от года, они продолжали поддерживать связь со своей исторической родиной и привлекать к себе все большее количество земляков. Таким образом, начался процесс «цепной миграции» из Восточной Бенгалии в Великобританию, «когда родственники вызывают к себе родственников, а к тем присоединяются другие родственники» [Ballard 1990: 219].

В 1967 г. был принят новый закон об иммиграции, ужесточивший дальнейшее переселение из бывших колоний в Великобританию. Мигрантам приходилось расставаться с тем, что исследователь Мухаммад Анвар назвал «мифом о возвращении» [Anwar 1979: 278]. Теперь они отказались от практики посещения родственников и стали вызывать в Великобританию свои семьи. В результате этого, вместо сокращения числа мигрантов закон снова спровоцировал увеличение их числа среди определенных групп (прежде всего — южноазиатов), что впоследствии привело к формированию новых крупных этнических и конфессиональных меньшинств в Соединенном Королевстве.

2.3. Общественные организации британских бангладешцев и Война за независимость Бангладеш 1971 г.

Возникшие в Великобритании к началу 1970 г. бенгальские общины и общественные организации во многом способствовала обретению Бангладеш статуса независимого государства в 1971 г. Значение их деятельности в ходе Освободительной войны трудно переоценить.

Осевшие в Великобритании выходцы из Восточной Бенгалии различными способами стремились помочь борцам за независимость. Как уже говорилось выше, им удалось привлечь на свою сторону британских влиятельных политиков, а также собрать значительные средства для поддержки вооруженных формирований в Бангладеш. Одновременно в Великобритании были распространены газеты и периодические издания, в рукописной и печатной форме, формировавшие общественное мнение в пользу необходимости Войны за независимость Бангладеш 1971 г.

Уже в августе 1969 г., еще до начала военного конфликта, в британском городе Бирмингем была основана организация «Фронт освобождения Восточного Пакистана», главная цель которой — обретение Бангладеш статуса независимого государства. Президентом был выбран Абдус Сабур Чоудхари (Abdus Sabur Choudhury). Фронт освобождения издавал свою газету «Биродхи Бангла» (Birodhi Bangla — Оппозиционная Бенгалия), выходившую раз в две недели, в которой описывались события в Восточном и Западном Пакистане, а также рассказывалось о несправедливых действиях западно-пакистанской администрации.

По инициативе Фронта освобождения в Бирмингеме 29 ноября 1970 г. прошел митинг, в котором участвовали представители восточно-пакистанской и индийской элиты. В ходе митинга обсуждались все неправомерные действия Западного Пакистана: административные нарушения и дискриминация жителей Восточной Бенгалии в социально-политических и экономических вопросах. В ходе митинга было предложено предоставить Восточному Пакистану статус независимого государства. Этот митинг оказал существенное влияние на усиление борьбы за независимость, а также привлек внимание мировой общественности к дальнейшим событиям.

Огромное количество газет и периодических изданий в рукописной и печатной форме были распространены в Великобритании для формирования общественного мнения в пользу необходимости Войны за независимость. В начале 1971 г. был основан «Форум освобождения Восточного Пакистана» (East Pakistan Liberation Forum). В феврале 1971 г. для пропаганды идеи освобождения Бангладеш распространялась рукописная газета «Оппозиционная Бенгалия» (Birodhi Bangla — бенг.), ее редакторами были Селим Ахмед (Selim Ahmed) и Ахмед Исмаил (Ahmed Ismail). В 1971 г. вышла в свет еще одна газета «Бангладеш», основной идеей которой было формирование в общественном сознании необходимости ведения Войны за независимость. В этом же году в Лондоне вышел в свет бюллетень «Обзор новостей из Бангладеш» (Bangladesh Sangbad Parikroma — бенг.). Его распространяли по всей стране до тех пор, пока пакистанская армия не покинула пределы Бангладеш. В 1971 г. были опубликованы еще несколько изданий: «Бангладеш сегодня» (Bangladesh Today), «Новости борьбы за освобождение Бангладеш» (Bangladesh Muktisangram Sangbad — бенг.) и др., в которых активно поддерживалась идея о необходимости провозглашения независимости Бангладеш.

25 марта 1971 г., после вторжения армии Западного Пакистана в город Дакку в Восточной Бенгалии, был организован митинг в Смолл Хит Парке (Small Heath Park) в Бирмингеме, чтобы почтить память погибших. В этот день организация «Фронт освобождения Восточного Пакистана» была расформирована, был создан «Бангладешский комитет (политических) действий» (Bangladesh Action Committee), чьи отделения открылись в то время во многих городах Великобритании. Бангладешский комитет оказывал всяческую поддержку борцам за независимость, в том числе и в Бангладеш. После получения известия о том, что предводитель борьбы Шейх Муджибур Рахман схвачен западно-пакистанскими войсками, в Лондоне был специально нанят адвокат и отправлен в Пакистан для его защиты.

В апреле 1971 г. был образован Бангладешский управленческий комитет (Bangladesh Steering Committee) для координации действий всех организаций, поддерживающих Бангладеш в борьбе за независимость. Благодаря усилиям британских бангладешцев и их организаций британский парламент обсуждал проблему независимости Бангладеш почти ежедневно.

3 мая 1971 г. в поддержку независимости Бангладеш проголосовало 300 членов парламента. 21 июня представители 12 стран на заседании Всемирного банка обсуждали представление денежной субсидии Западнему Пакистану. Узнав об этом, британские бангладешцы провели многочисленные митинги и акции протеста, и эта субсидия была отменена.

1 августа 1971 г. на Трафальгарской площади в Лондоне прошел самый многочисленный митинг британских бангладешцев за всю историю бангладешской войны за независимость, где собрались 25 тыс. британских бангладешцев, требовавшие прекращения геноцида бенгальцев и признания независимости Бангладеш.

Помимо оказания активной политической поддержки, организации британских бангладешцев собрали крупные денежные суммы и отослали их в Бангладеш для помощи соотечественникам. Практически все семьи британских бангладешцев отдавали средства в поддержку войны за независимость: это могли быть недельный заработок, семейные сбережения, украшения, одежда.

2.4. Бангладешская миграция в Великобританию: 1971–2011 гг.

Война за независимость Бангладеш вызвала экономические трудности в стране и спровоцировала рост числа мигрантов из Силхета, Читтагонга, Майменсинха, в меньшей степени — из других округов. Правительство Великобритании воздержалось от признания за приезжавшими бенгальцами статуса беженцев, поэтому их стихийный отъезд шел в рамках возникших ранее цепей миграции преимущественно из старых ее центров. При этом экономический спад и повышение уровня безработицы в Великобритании заставлял ранних переселенцев отказываться от мысли о возвращении, поскольку бангладешцы стали остро осознавать, что они не смогут заработать достаточно средств, чтобы вернуться и жить в достатке на родине [Summerfield 1993: 86]. Поэтому, продолжая посылать домой деньги и покупая там землю, многие из них старались вывезти к себе сыновей, а затем и жен с дочерьми. Эта тенденция продолжалась с 1970-х по 1980-е годы.

Несмотря на то что в 1970-х годах в Великобритании был принят ряд ограничений относительно трудовой деятельности для мигрантов, сюда прибыла новая «волна» переселенцев из Бангладеш.

Приехав из сельской местности, они все же предпочитали селиться в городах. В основном труд мигрантов требовался в низкооплачиваемых сферах занятости, часто на работах, не требующих особой квалификации, а также на небольших фабриках и в текстильной промышленности. Позднее многие бангладешцы открыли собственные кафе, закусочные, или рестораны, которые часто являлись небольшим семейным делом, где работали все члены семьи, включая детей.

Мигранты работали, как правило, на низкооплачиваемых должностях, но это не мешало им отсылать на родину значительные денежные средства, покупать там землю и строить собственные дома. По этой причине Силхет довольно часто называют «Бангладешским Лондоном» [Faruque 2006: 122]. В середине 1970-х годов в округе Силхет можно было отчетливо различить дома «лондонцев», т.е. бенгальцев, работающих в Великобритании, и «не-лондонцев». Традиционные дома в Бенгалии в сельской местности делали из глины и покрывали крышей из пальмовых листьев. Дома «лондонцев» строили из кирпича, в два-три этажа, окружали стеной. Веранды домов красили в яркие цвета и украшали изображениями цветов, стилизованными надписями имен владельцев и кораническими выдержками. Все это должно было характеризовать зажиточность хозяев.

Однако преуспели не только индивидуальные хозяйства. Весь округ Силхет в то время экономически процветал, строились новые магазины, отели и прочие здания. Тем не менее были и негативные стороны. В частности, следует отметить, что в 1970-х гг. земля в данном округе резко подорожала в цене, теперь ее могли покупать преимущественно мигранты или их родные, которые получали от них денежные переводы. Кроме того, выросли в цене и товары ежедневного потребления. Бенгальское общество разделилось на тех, у кого были родственники или связи в Великобритании — «бидеши линкс»⁵, и на тех, у кого их не было [Gardner and Shukur 1995: 150]. От этого зависела зажиточность отдельных семей, а иногда и целых деревень.

Тем временем в Великобритании ряд новых законов (1971, 1973, 1981, 1988 гг.) ужесточил требования миграционного контроля. Например, согласно закону об иммиграции 1973 г., пресекалась «первичная» иммиграция в Великобританию. С этого времени толь-

⁵ «Bideshi links» — «заграничные связи» (бенг.-англ.).

ко те, у кого имелись в Соединенном Королевстве близкие родственники (пожилые родители, супруги и дети), могли остаться там на постоянное местожительство. В этот период большинство вновь прибывших в Великобританию составили родственники уже осевших южноазиатов, попавшие в страну по линии воссоединения семей. Наличие многодетных семей и практика подделки документов в странах Южной Азии способствовали въезду в Соединенное Королевство племянников и других родственников под видом сыновей, а также въезд рабочих из числа членов той же касты на частные предприятия.

Один из примеров цепной миграции дает газета «Эйжиан эйдж» (Asian Age), сообщающая о силхетце Саликур Рахмане, который, подобно тысячам своих земляков, отправился в Англию на учебу из небольшой силхетской деревушки Арахихаль в районе (зила) Маулви Базар. Отец юноши Самирулла прослужил 35 лет в британском торговом флоте. Затем он поселился в Британии и собирался забрать семью к себе, но умер. Вдова Самируллы отправила сына в Англию, руководствуясь как представлениями о лучших перспективах для сына в этой стране, так и общепринятым в Силхете мнением о необходимости поездки в Соединенное Королевство на заработки и последующего вложения денег в землю и имущество в Бангладеш [Asian Age: 02.08.1997].

Другой бенгалец, житель небольшой деревушки в Силхете, Абдул Хамид, с некоторыми родственниками и друзьями перебрался в Калькутту еще до раздела Индии, а затем стал моряком британского торгового флота. После этого он, его двоюродный брат и два друга обосновались в Британии, куда впоследствии Абдул Хамид вызвал своего родного брата и других родственников. Семья Абдул Хамида осталась в Силхете, и он навещал родных каждые два года. Затем Абдул Хамид под старость вернулся в Силхет, но его сыновья, брат и племянники живут в Соединенном Королевстве [Gardner and Shukur 1995: 158–163].

Начиная с конца 1980-х годов бангладешская община Великобритании увеличивалась преимущественно за счет естественного прироста населения. В 1990-е годы иммиграция продолжалась, несмотря на то что британским правительством в 1989 г. был принят акт об иммиграции, отменивший право уже живущих в Великобритании мигрантов привозить в страну своих близких родственников и членов семей.

Примечательно, что прибывавшие в Британию в 1980-е годы бангладешцы оставались в значительной массе формально безработными, но находили временный заработок в качестве официантов и других работников в многочисленных «индийских» рестораничках. Государство и общество также заинтересованы в таких нелегальных рабочих, ибо, используя их мало оплачиваемый, но нелегкий труд, выжав их как губку, они всегда могут выслать последних из страны, указав на их нелегальное пребывание в стране.

В британской (и не только) экономике существовала и существует система, при которой даже при наличии резервной армии труда всегда есть временные и непривлекательные вакансии, отражающие значительный дефицит определенных категорий рабочих [Дубинский 1971: 51]. При этом перспективность той или иной работы определяется не только и не столько заработной платой, но условиями труда, общественным статусом, системой льгот и условиями социальной защиты. По-прежнему в Британии есть нужда во временных неквалифицированных рабочих. Более того, в некоторых случаях, например в ресторанном бизнесе, многие предприятия могут существовать только при использовании нелегального труда иммигрантов. Около трети предприятий мелкого бизнеса Великобритании в той или иной форме используют труд нелегальных рабочих, значительно недоплачивая им, не внося за них взносы в фонд социального страхования. Иначе расходы на социальное страхование и налоги делали эти малоприбыльные заведения просто невыгодными.

Рассматривая современное состояние бангладешской общины в Великобритании, следует признать, что наиболее надежным статистическим источником по рассматриваемой этнической группе в настоящее время является «Общebritанская перепись населения». Ее данные, сопровождаемые аналитическими статьями по различным включенным категориям, приводятся на официальном государственном сайте Великобритании «Бюро национальной статистики» (Office of National Statistics). Для изучения бангладешской общины наиболее актуальными к настоящему времени считаются материалы переписей 1991, 2001 и 2011 гг.

Великобритания признала Бангладеш как независимое государство только в 1972 г. Таким образом, в проводимых до 1971 г. включительно общebritанских переписях населения бангладешцы, живущие к тому времени в Великобритании, были идентифициро-

ваны как пакистанцы. Собственно бангладешская община имеет относительно недавнее происхождение, поскольку ее зафиксированную статистическими данными историю можно рассматривать только с 1981 г.

Динамика роста численности британских бангладешцев показана в табл. 1. «Оценка роста бангладешской общины в Великобритании 1961–1991»⁶ на основе исследований, проведенных британскими учеными Д. Идом, Т. Вэмплю и К. Пичем по данным общебританской переписи населения с 1961 г. по 1991 г. Предположительно, данные относительно бангладешцев 1961–1971 гг., указанные исследователями, были основаны на статистике по стране происхождения.

Общее число представителей бангладешской общины с 6 тыс. чел. (1961) возросло до 162 тыс. чел. (1991), а число рожденных в Великобритании в 1971 г. составило 1 тыс. чел., а в 1991 г. — почти 60 тыс. чел., или 36,4 % всех британских бангладешцев родились в Соединенном Королевстве.

С 1971 г. по 1981 г. число мужчин на 100 женщин сократилось у индийцев с 210 чел. до 105 чел., у пакистанцев и бангладешцев — с 210 чел. до 121 чел. Приезд семей определил отказ многих южноазиатов от регулярных поездок в страну выхода, покупки там имущества и земли, оказания финансовой помощи родственникам. К середине 1980-х годов в Великобритании насчитывалось уже 100 тыс. «британских бангладешцев» [Gardner and Shukur 1995: 150]. За приведенный период резко увеличивается как число прибывших в Великобританию, так и количество бангладешцев, рожденных уже в Великобритании. Рассматривая более поздние данные (*Рис. 1. Данные по оценкам Офиса национальной статистики Великобритании (ONS) 1961–2009 гг.*)⁷, следует отметить продолжавшийся интенсивный рост численности представителей бангладешской общины. С 162 тыс. чел. в 1991 г. число бангладешцев увеличилось до 392 тыс. чел. в 2009 г., т.е. практически в 2,5 раза за указанный период.

Примерное соотношение пола и возраста бангладешцев в Великобритании по данным переписи в 1991 г. выглядит следующим образом. Самое большое количество бангладешцев в Великобритании составляли дети в возрасте до четырех лет, от пяти до девяти

⁶ См. Приложение. Таблица 1.

⁷ См. Приложение, рис. 1.

и подростки от десяти до четырнадцати и от пятнадцати до девятнадцати лет. Количество человек в остальных возрастных группах постепенно снижается.

В Бангладеш мужчины преобладают в составе населения страны. В цифрах это соотношение выглядит как 100 : 64 [Eade et al. 1996: 152]. В Великобритании постепенно эти пропорции становятся более симметричными. Число мужчин практически во всех группах за редким исключением преобладает над количеством женщин. Особенно это заметно в категории от 50–54 лет. У женщин, напротив, преобладание заметно в возрасте от 40–44 лет. Этот факт во многом может быть объяснен тем, что прибывшие в 1960-х годах в Великобританию мужчины позднее выбирали себе невест в Бангладеш младше их самих, поскольку традиционно в бангладешских семьях мужа, как правило, лет на десять старше своих жен.

Бангладешская община имеет множество признаков, выделяющих ее среди прочих этнических меньшинств, отмеченных в переписи населения 1991 г. Эти отличия проявляются в быстром и продолжающемся росте количества бангладешцев, высокой пропорции молодежи по отношению к остальным возрастным группам, сохранении больших семей (из шести и более человек), концентрации большого числа резидентов в окрестностях Большого Лондона (района Тауэр Хэмлетс в особенности), высоком уровне сегрегации, низком социально-экономическом статусе и зависимости от местных жилищных комитетов [Eade et al. 1996: 152].

Интересно, что в 1996 г. согласно результатам исследования Центра социальных рынков (The Centre for Social Markets / CSM) численно индийцы составили 26 %, т.е. наибольшее из этнических меньшинств Великобритании. Следующими по численности являются пакистанцы и выходцы из Карибского региона, а бангладешцы составили 6 %. [British Asians Today 2001].

Однако уже в 1999 г. число бангладешцев и пакистанцев в сумме превысило количество индийцев. Интенсивный рост числа бангладешцев в Великобритании продолжился и в последующие годы. В 2001 г. бангладешцы были признаны девятой по величине «этнической» группой (в терминологии переписи) Великобритании. Их число возросло со 160 тыс. чел. до 280 тыс. чел.

Особо подчеркнем, что с 1991 г. оценка роста численности представителей британского общества проходит с разделением на этнические группы. Группа «азиатов» представлена тремя катего-

риями: «азиаты-индийцы», «азиаты-пакистанцы» и «азиаты-бангладешцы». Кроме того, выделена категория «прочие азиаты», которая не подвергалась отдельному рассмотрению, так как выделение из нее интересующего компонента не представляется возможным.

Тем не менее за период 2001–2009 гг. продолжается существенное увеличение числа бангладешцев в Великобритании, как за счет миграционных процессов, так и благодаря естественному приросту: с 287 тыс. чел. в 2001 г. до 392 тыс. чел. в 2009 г. Среднегодовой процент прироста в данной группе составил 4 %, что соответствует данным по группе индийцев и пакистанцев.

Среди прочих выделенных в данной таблице этнических групп наибольший процент ежегодного прироста населения наблюдается у представителей «смешанных: белых и черных африканцев» (Mixed: White and Black African) — 6,3 % и «черных: выходцев из Африки» (Black African) — 6,2 %. Среди представителей «белых: британцев» (White: British) — среднегодовой прирост населения не наблюдается — 0 %. В целом за последние восемь лет число представителей этнических меньшинств в Великобритании выросло на 40 % [Bentham 2011].

В 2011 г. бангладешцы признаны одной из наиболее быстро растущих групп в Великобритании. Этот демографический прогресс во многом обусловлен наличием среди бангладешцев больших семей и постоянным ростом группы фертильного возраста.

Особое внимание социологов, официальной прессы и периодических изданий Великобритании привлекли результаты переписи населения 2011 г. (United Kingdom Census 2011), в которой появились такие важные для данного исследования разделы, как графа «национальная идентичность» (national identity). Термину «этничность» составители переписи дали следующее определение: «Этничность может быть определена как принадлежность к общей [для данной группы] и отличительной от других [групп] культуре, религии, языку» [Balls 2011]. Исходя из данной формулировки, британские социологи выделили «британских индийцев» (British Indians) и также британских бангладешцев (British Bangladeshis) как самостоятельные «этнические» группы.

На основе официальных британских статистических источников (данные общебританских переписей населения 2001 и 2011 гг.) выявлены крупнейшие центры сосредоточения бангладешцев в горо-

дах Англии. В 2005 г. в окрестностях Большого Лондона проживало примерно 54 % всех британских бангладешцев.

«Сердцем» поселения называют район Тауэр Хэмлетс, где в настоящее время проживают примерно 80 тыс. британских бангладешцев. Тауэр Хэмлетс может рассматриваться как часть внутреннего кольца районов Лондона, идущего от Вестминистра (Westminster), Ислингтона (Islington) и Кэмдена (Camden) к Хэрни (Hackney), Ньюхэму (Newham) и Саутворку (Southwark). Второе место занимает город Бирмингем (25,5 тыс. чел.); на третьем месте находится город Брэдфорд (21,5 тыс. чел.).

В целом можно сказать, что в основном бангладешцы селятся в городах Англии, хотя некоторые из них проживают в Шотландии и Уэльсе. Концентрация бангладешцев в данных районах трактуется в рамках теории «выбора и ограничения», автор которой говорит, что «желание жить вместе со своей группой и неспособность расселения в других географических местах зависят, в том числе, от таких факторов, как экономический статус, недостаток информации, боязнь дискриминации» [Schuman 1999].

Согласно вышеприведенным источникам бангладешская община является самой молодой и быстрорастущей из всех этнических групп Великобритании [Eade et al. 1996: 150]. 95 % всех бангладешцев, проживающих в Великобритании, составляют выходцы из Силхета, северо-восточного округа Бангладеш [Carey, Shukor 1985: 405]; подавляющее большинство британских бангладешцев исповедуют ислам [Brown 1984: 135].

Глава 3 ЛОНДОНСКИЙ БАНГЛАТАУН

3.1. Формирование Банглатауна и связь с бангладешским предпринимательством

Название «Банглатаун» (Banglatown) переводится как «Бенгальский город». Центр этого района — улица Брик Лейн (Brick Lane) в районе Тауэр Хэмлетс Восточного Лондона⁸. «Свое имя это место получило по аналогии с китайским Чайнатауном, расположенным в районе Сохо, где много китайских ресторанов» [Котин 2013 б: 86]. Улица Брик Лейн является продолжением Осборн-стрит (Osborn Street) и соединяет районы Бетнал Грин и Уайтчепел. Она получила свое название благодаря фабрике по изготовлению кирпичей, располагавшейся в этом районе в XVI в. К XVII в. улица Брик Лейн была застроена кирпичными зданиями, в которых позднее проживали сменявшие друг друга поколения иммигрантов. Первыми здесь поселились французы-гугеноты, основавшие в данной местности многочисленные текстильные мастерские. В XVIII в. им на смену в этот район пришли выходцы из Ирландии. В XIX в. здесь проживали представители еврейской общины, а после Второй мировой войны этот район постепенно заполнили бывшие иммигранты из Бангладеш, превратив это место в свой «маленький мир».

История одного из зданий, расположенных в данном районе, служит наглядным примером того, как одни за другими сменялись здесь общины, исповедовавшие разные веры. В 1742 г. на углу Брик Лейн и Форниер стрит была построена гугенотская церковь «La Neuve Eglise» (the New Church). В 1898 г. это здание было известно как Большая Синагога района Спиталфилдс (Spitalfields Great Synagogue). По прошествии чуть более ста лет (с 1976 г.) сюда стали приходить последователи ислама, и здание вновь сменило хозяев и имя, получив свое теперешнее название — «Brick Lane Jamme Masjid» — «Соборная Мечеть Брик Лейн»⁹.

⁸ См. Приложение, рис. 7.

⁹ См. Приложение, рис. 15.

Большинство бангладешцев, проживающих в настоящее время в районе Тауэр Хэмлетс в Восточном Лондоне (и на Брик Лейн, в частности) — это бангладешцы, в основном — силхетцы. Они родом из районов Балагандж, Джаяннатхпур, Гопалгандж и Бинибазар округа Силхет [Eade 1989: 36]. В начале XX в. их насчитывалось в Англии уже несколько десятков тысяч, но многие находились там временно. Позднее именно эти люди остались в Великобритании на постоянное место жительства. В 1950–1960-е годы прибывавшие на заработки мигранты из Восточной Бенгалии предпочитали селиться в окрестностях улицы Брик Лейн, где уже обосновались их соотечественники.

На карте Банглатауна¹⁰ показана часть лондонского района Ист Энд с обозначением религиозных, культурных и земляческих центров общины. Одним из таких значимых мест является Парк имени Альтаба Али (Altab Ali Park)¹¹, ранее известный как Парк Святой Мэри Мэтфилон (St. Mary's Park), на пересечении Адлер стрит и Уайтчепел стрит. В 1998 г. парк был переименован в память об убитом в 1978 г. бангладешском рабочем, Альтабе Али, и других жертвах расистских нападений, произошедших в этом районе.

Вход украшен аркой в стиле традиционной бенгальской архитектуры, а рядом с ней проложена выложенная каменными плитами тропинка, ведущая в центр парка, вдоль которой написаны строки поэмы Рабиндраната Тагора «The shade of my tree is offered to those who come and go fleetingly» («Тень моего дерева предназначена для тех, кто пришел и ушел слишком быстро»). В этом же парке находится монумент Шахид Минар (Shaheed Minar)¹², поставленный в память о мучениках, погибших в борьбе за национальный язык в Бангладеш. Как уже упоминалось, 21 февраля 1952 г. молодежное движение г. Дакки, столицы современного независимого государства Бангладеш, выступило с акцией по признанию и сохранению бенгальского языка. В ходе этого движения в результате столкновения с пакистанскими властями погибли несколько человек — студенты и простые граждане. Этот день навсегда остался в истории Бангладеш и Западной Бенгалии под именем «День памяти мучеников за родной язык (Language Martyr's Day)». В 1999 г. ЮНЕСКО

¹⁰ См. Приложение, рис. 7.

¹¹ См. Приложение, рис. 10.

¹² См. Приложение, рис. 11.

объявило этот день «Международным днем родного языка» (International Mother Language Day) — днем борьбы за права всех языковых меньшинств в мире. Этот памятник, символизирующий Мать-Бенгалию и ее расстрелянных сыновей, является точной репликой (но меньшего размера) аналогичного монумента в Бангладеш.

Говоря о новейшей истории Брик Лейн, нельзя не уделить внимание местному ресторанному бизнесу (рестораны «восточной кухни», так называемые «индийские»), который принес этому району известность и популярность. В 1970–1980-х годах многие выходцы из Бангладеш воспользовались грантами британского правительства, направленными на развитие малого бизнеса, и смогли открыть небольшие, как правило семейные, рестораны и закусочные. Со временем район Брик Лейн стал торговой зоной, где начал активно развиваться бангладешский ресторанный бизнес. Проект по созданию Банглатауна в районе Брик Лейн был задуман в середине 1990-х годов. В это время у членов бангладешской общины появились реальные возможности для его осуществления, поскольку муниципальные власти районов Олдгейт и Уайтчепел получили на его реализацию государственный грант на сумму 11,4 млн фунтов стерлингов. Работа по созданию Банглатауна началась 26 марта 1997 г., и в сентябре этого же года был проведен фестиваль в честь открытия Банглатауна [Котин 2003 б: 86].

В настоящее время в районе Брик Лейн вся коммерческая деятельность (десятки закусочных, несколько «индийских» ресторанов, книжные лавки, магазины, торгующие экзотическими товарами и т.д.) принадлежит бангладешцам (как частным предпринимателям, так и различным организациям). Здесь расположено множество ресторанов, готовящих традиционные блюда восточной кухни. Основными посетителями этих заведений являются не только члены общины, но и сами британцы, которые приходят сюда пообедать или поужинать. Посетителям часто приходится бронировать места заранее. Многие из ресторанов на Брик Лейн номинированы на премии в области ресторанного дела. Например, ресторан «Масала. Брик Лейн» (Masala. Brick Lane) является обладателем почетной премии «Карри Шеф Года — 2009» (Curry Chef of the Year 2009). Соседнее с ним заведение с небенгальским названием «Манго. Брик Лейн» (Mango. Brick Lane) носит титул «Победитель Фестиваля Карри на Брик Лейн 2010» (Winner Brick Lane Curry

Festival 2010). Еще один ресторан — «Сити Спайс» (City Spice) — в 2010 г. получил звание «Лучший ресторан на Брик Лейн» по данным Общебританского ресторанный гида (Restaurant Guides) и был рекомендован посетителям в качестве лучшего местного заведения.

3.2. Банглатаун и бангладешский бизнес

Брик Лейн официально назван «Столицей Карри 2012» (Curry Capital 2012) из-за особенности кухни местных ресторанов, а карри признан британским национальным блюдом. Это проект стартовал в апреле 2011 г., когда мэр района Тауэр Хэмлетс Лutfur Рахман (Lutfur Rahman) сделал официальное объявление в британской прессе. В связи с проведением в 2012 г. Олимпийских и Паралимпийских игр в Лондоне власти Банглатауна стремились привлечь в район инвесторов, рекламируя местные достопримечательности как выдающиеся туристические объекты. Старейшины общины и представители бангладешского бизнеса заинтересованы в привлечении в район Брик Лейн крупного капитала, туристов, а также других жителей Лондона. В настоящее время Банглатаун не только центр, где сосредоточен бизнес бангладешской общины, но и один из символов Лондона, указанный в туристических путеводителях и на многочисленных сайтах турагентств. Район Брик Лейн неразрывно связан с предпринимательской деятельностью британских бангладешцев.

В Великобритании помимо бангладешских ресторанов существует множество других ресторанов национальной кухни: японские, китайские, индийские, пакистанские и др. Однако бангладешские рестораны пользуются особой популярностью [Summerfield 1993: 92]. При этом многие рестораны, которые содержат и обслуживают бангладешцы, считаются индийскими. Причина этому и в близости бенгальской и других северо-индийских кухонь, и в стойкой памяти британцев о едином прошлом разных регионов Индии, включая восточную Бенгалию, под властью англичан — при британском «Радже» — правлении. Бенгальские рестораторы умело эксплуатируют ностальгию британцев по «Раджу», обыгрывая это слово в названии многих своих ресторанов. Англичане чаще отдают предпочтение острым блюдам бангладешской кухни, чем блюдам национальной кухни. Неудивительно, что блюдо из колоний — карри — легко нашло место в сердцах и желудках англичан и было признано

национальным английским блюдом. Сегодня уже коренные британцы — основные посетители всех бангладешских ресторанов по всей Великобритании [Faruque 2006: 167].

Выходцы из Бангладеш, занимающиеся ресторанным бизнесом, несмотря на полученное ими британское гражданство, остаются верными стране своего происхождения. Бангладешский бизнес является преимущественно семейным делом, где задействованы все совершеннолетние члены семьи. Кроме того, следуя интересам собственной общины, они нанимают в свои рестораны в основном земляков.

Работы по южноазиатскому предпринимательству в Великобритании могут быть разделены на два направления: одни придерживаются принципа «школы гетто», другие являются приверженцами «коммерческой школы». В работах Олдрича (Aldrich), МакИвой (McEvoy) опровергается положение о том, что азиатский бизнес возник как ответ на проявления расизма, закрывающего доступ для азиатов при продвижении по службе и не допускающего занятия определенных должностных постов, а потому члены южноазиатской общины вынуждены вести свою деятельность, сконцентрировавшись в определенном районе, где они имеют численное превосходство.

В работах Мюллинса (Mullins), Варда (Ward), Лайонса (Lyons) и других исследователей предпринимательской деятельности в противовес «школе гетто» приводится концепция о коммерческом принципе, согласно которому развитие собственного бизнеса — это не только добровольно выбранный вид предпринимательской деятельности. Собственный бизнес дает возможность предпринимателю вести деятельность не только внутри своей общины, но и вне ее, привлекая в качестве клиентов и других представителей британского общества.

Помимо двух указанных направлений, можно назвать и «статусную школу», описанную в работе Шринивасан «Южноазиатская мелкая буржуазия в Великобритании» [Srinivasan 1995: 1]. В качестве примера были взяты 94 небольшие предпринимательские фирмы, основанные представителями южноазиатской общины. Под «азиатами» подразумеваются выходцы с индийского субконтинента, т.е. из Индии, Пакистана и Бангладеш. Несмотря на то что представители данных групп могут различаться по религиозным убеждениям, кастам, языку, происхождению, у данных групп наблюдаются схожие черты ведения собственного бизнеса и отношения к нему.

Выделяются три статусные группы, к которым можно отнести данных предпринимателей:

— общественный статус (положение) в Британии относительно британцев;

— общественный статус (положение) в Британии относительно членов своей общины;

— общественный статус (положение) на родине среди земляков.

Таким образом, согласно данному направлению, один и тот же предприниматель имеет тройственный статус. Например, владелец магазина южноазиатского происхождения выступает в качестве представителя рабочего класса в Великобритании относительно британцев, представителя среднего класса — внутри своей общины в Великобритании и представителя среднего зажиточного класса — внутри общины на своей исторической родине. Открытие собственного бизнеса часто расценивается представителями южноазиатской общины как возможность улучшить свой социальный статус.

Кто же они — хозяева бангладешских ресторанов и кафе на Брик Лейн? Формально это бизнесмены, собственники, представители среднего класса. Однако из-за уровня жизни и отношения к ним остальных представителей британского общества вряд ли возможно назвать их таковыми. И все же они уже и не принадлежат к так называемому «рабочему классу». Ведение собственного дела повышает их социальный статус, по крайней мере, внутри собственной общины в данном регионе.

Согласно данной теории, именно возможность повысить свой социальный статус имеет решающее значение при открытии собственного дела (например, магазина). Разумеется, это также предполагает более высокий доход, чем трудоустройство по найму, хотя и не во всех случаях. Многие из предпринимателей, имеющих свой магазин, могут работать сами где-то еще и получать зарплату. Также они часто привлекают в свой бизнес жен, детей и родственников. Бангладешский бизнес является главным образом семейным делом [Summerfield 1993: 92]. Работают в таких ресторанах братья, племянники, кузены хозяина ресторана. Наемные работники, если они есть, — также преимущественно бангладешцы.

Успех в предпринимательской деятельности подсчитывается не в рамках почасовой оплаты, а в рамках общей прибыли. Преимущество ведения собственного бизнеса также подчеркивается наличием нескольких факторов: владение собственностью, возможно-

стью иметь гибкий график занятости, удовлетворение собственной деятельностью, в частности от осознания ее как коммерческим, так и социальным институтом. Эти и другие факторы подтверждают еще раз положение о том, что решение открыть собственное дело у представителей южноазиатской общины является лично выбранной экономической стратегией, продиктованной, однако, ситуацией на рынках труда и товаров.

В целом у представителей южноазиатского мелкого бизнеса количество рабочих часов в день больше, чем у остальных; они работают по воскресеньям, имеют, как правило, большие семьи, и пользуются трудом членов семей в своем бизнесе. В связи с этим важно отметить, что для открытия собственного бизнеса южноазиатские предприниматели, в том числе и бангладешцы, за кредитами обращаются не только к родственникам, оставшимся на родине (которые, как правило, не располагают свободными значительными средствами), но и к официальным учреждениям, предоставляющим ссуду. Это государственные и частные банки Великобритании, включая Исламский Банк, имеющий несколько отделений в лондонском районе Тауэр Хэмлетс. Исламский Банк оформляет кредиты как создание совместных предприятий, благодаря деятельности которых он получает не ростовщические проценты (рида), запрещенные в исламе, но долю прибыли, разрешенную мусульманской традицией.

В Великобритании, как и других странах европейского сообщества, в 1980-е гг. отмечался интенсивный рост количества представителей «мелкой буржуазии». Интересен тот факт, что среди этнических меньшинств, вовлеченных в данный процесс, фиксировалось в том числе значительное число представителей южноазиатской общины. Данные исследований трудовой занятости того периода (Labour Force Survey) позволили отметить, что «отличительной чертой в сфере занятости является массовое увеличение числа людей, работающих не по найму/имеющих собственное дело (self employed). В 1981 г. 30 % от общего числа бангладешцев в Великобритании имели собственное дело, в то время как среди пакистанцев и индийцев таких представителей насчитывалось 20 % и 14 % соответственно. К 1987–1989 гг. общее число работающих не по найму увеличилось во всех приведенных выше группах» [Srinivasan 1995: 2].

«Азиаты», в том числе бангладешцы, заняли свою нишу в сфере дистрибутивной торговли (мелкие магазины, бакалея, кафе, тор-

говля одеждой и др.). Дополнительным стимулом к развитию данного вида бизнеса послужила необходимость общины обеспечивать свои нужды. Магазины, принадлежащие «азиатам», и «индийские рестораны» не являются отличительными чертами какого-либо конкретного города. Напротив, они стали «характерным признаком британской городской жизни» в целом [Srinivasan 1995: 4]. В 1992 г. в Англии насчитывалось 7 тыс. «индийских ресторанов» [Ethnic Minority Business], большинство которых на деле принадлежало бангладешцам и обслуживалось бангладешцами. Из числа 104 тыс. магазинов мелкой розничной торговли 70 % принадлежали «южноазиатам». Из 47 тыс. бакалейных магазинов в Великобритании 30 тыс. также принадлежали «южноазиатам».

Рассматривая южноазиатское предпринимательство в целом, отметим особую важность изучения ресторанного бизнеса. Ресторанный бизнес бангладешцев в Великобритании имеет довольно долгую историю. Начав с небольших кафе и закусочных рядом с доками, рассчитанных на своих земляков, бангладешцы с течением времени расширили свой бизнес и вскоре вышли на новый уровень. Бангладешские рестораны, в массе своей называемые «индийскими», существуют в Англии уже более 70 лет. Первый бангладешский ресторан был открыт в Англии уже в 1938 г. В 1960–1970-е годы представителями бангладешской общины было открыто множество кафе, закусочных, бистро, клиентами которых были преимущественно «южноазиаты», мужчины, работающие неподалеку, прибывшие в Англию без семей.

Блюда, предлагаемые в бангладешских ресторанах в Великобритании, с каждым годом становятся все популярнее у многих англичан. Многие блюда так называемой «индийской кухни» постепенно становятся национальной едой самих британцев. Особое предпочтение у жителей Англии отдается таким яствам, как «чикен карри» (Chicken Curry) или «чикен тикка масала» (Chicken Tikka Masala). Их продукция во многом оказывает влияние на вкусовые предпочтения британского населения [Faruque 2006: 166]. Изменились и вкусовые пристрастия англичан, которые теперь намного чаще отдают предпочтение острым блюдам бангладешской кухни, чем отварным или приготовленным на пару продуктам национальной кухни.

В настоящее время уже сами британцы — основные посетители всех бангладешских ресторанов по всей Великобритании [Faruque

2006: 167]. «Сегодня почти каждый пробовал карри: вы даже можете купить чипсы со вкусом карри» [Gardner, Shukur 1995: 151]. Большинство бангладешских ресторанов сегодня ориентированы на британский средний класс. Этому во многом способствовал тот факт, что многие современные рестораны, бывшие когда-то закусочными, полностью поменяли свой внешний и внутренний вид, полностью или частично обновили кухню и добавили в меню алкогольные напитки.

В настоящее время в Великобритании насчитывается более 12 тыс. ресторанов бангладешцев, более половины которых находится в Лондоне и значительная часть которых «маскируется» под «индийские». Тем не менее в контексте бангладешского бизнеса отметим, что бангладешцы до недавнего времени украшали свои рестораны символами «Раджа» — куклами англо-индийских солдат — и / или изображениями индуистских божеств.

Всего в области бангладешского ресторанного дела работают более 150 тыс. чел. Лондон в Британии назван «Городом ресторанов», а Брик Лейн объявлен «Столицей ресторанов карри». В связи с этим бангладешцы приобретают все большее влияние в административной и социальной структуре британского общества. Британские власти уважительно относятся к представителям ресторанного бизнеса. Выходцы из Бангладеш, занимающиеся ресторанным бизнесом, несмотря на полученное ими британское гражданство, сохраняют привязанность к стране своего исторического происхождения. В данном случае можно говорить о двойной лояльности. Образы, названия, мелодии бенгальского происхождения получают отражения в «ресторанной топонимике» Ист Энда.

В большинстве случаев британцы называют их рестораны «индийскими», но предприниматели, связанные с ресторанными услугами, еще в 1960 г. основали «Бангладешскую ассоциацию поставщиков в Великобритании» (Bangladesh Caterer's Association, UK). В настоящее время эта ассоциация, хотя и является добровольной организацией, признана в Великобритании в качестве национальной ассоциации. В 1996 г. специально для нее было куплено здание в западном Лондоне на Харроу Роуд (Harrow Road). Оно получило имя «Дом бангладешских поставщиков» (Bangladesh Caterer's Bhaban).

Поскольку бенгальская кухня и блюда индийской кухни, сервируемые в бангладешских ресторанах, нашли свою нишу в ресто-

ранном бизнесе Лондона, бангладешские предприниматели стремятся расширить свои позиции в Лондоне. Ассоциация бенгальских рестораторов (поставщиков) постоянно разрабатывает новые концепции для сохранения и развития своего бизнеса. Для того чтобы успешно конкурировать с европейскими ресторанами, Ассоциация бангладешских поставщиков активно проводит многочисленные тренинговые программы по ресторанному бизнесу для молодежи.

Особенное внимание на этих программах уделено тренингам по поставке товара, приготовлению пищи, условиям ведения бизнеса, ресторанному менеджменту, безопасности и другим предметам, связанным с ресторанным делом. Ассоциация не только подготавливает собственные будущие кадры, но и способствует повышению социально-экономического статуса выходцев из Бангладеш, живущих в Великобритании. Тем не менее потомки бангладешских иммигрантов, несмотря на значительные успехи общины в области ресторанного дела, часто предпочитают искать работу в других социальных сферах [Faruque 2006: 171].

Отличительной чертой деятельности бангладешской общины является поддержка своей «исторической родины», содействие ее процветанию и безопасности. Это отчетливо проявляется на примере инвестирования британских бангладешцев в экономику Бангладеш.

С 2006 г. 25 бангладешцев, живущих в Великобритании, ежегодно получают награду (статус) КВП — «Коммерчески важная персона» (Commercially Important Person — CIP) у себя на «исторической родине». Этот статус присваивается тем выходцам из Бангладеш, которые внесли особо значительный вклад в экономику страны происхождения иммигрантов, но при этом не являются гражданами Бангладеш.

Десять претендентов избираются из тех, кто инвестировал в различные сферы бангладешской промышленности. Другие десять кандидатов выбираются из тех, кто перевел наиболее значительную денежную сумму на родину легальным образом¹³. Еще пять человек номинируются на награду при условии, что они занимаются транспортировкой товаров из Бангладеш. Для номинирования на

¹³ По всей видимости, имеются в виду банковские переводы или другие задекларированные способы.

статус КВП для первой категории сумма инвестиций в экономику и промышленность Бангладеш должна составлять 500 тыс. или более долларов США. Для получения статуса КВП в области трансфера денег на родину, сумма переводов в течение года должна составить 150 тыс. долларов США, и все эти деньги должны пересылаться в Бангладеш по легальным банковским каналам. Для кандидатов, связанных с экспортом товаров из Бангладеш, стоимость товаров, вывозимых ими из страны в течение года должна быть не менее 500 тыс. долларов США. Все указанные выше способы поощрения легальных денежных потоков между Великобританией и Бангладеш основаны на большой популярности в обеих странах различных ученых степеней и почетных званий. В то же время указанная схема предназначена для борьбы с неформальной системой кредитования («хавала»).

Помимо инвестирования существуют и другие проекты, способствующие налаживанию экономической интеграции бангладешцев в принимающем обществе. Одним из таких проектов является Бангладешско-Британская коммерческая палата (The Bangladesh-British Chamber of Commerce (BVCC)), созданная в декабре 1991 г. Эта организация была создана для поддержания экономического стимула бангладешской общины в Англии, в частности для развития торговли, бизнеса и инвестиций между двумя странами. Данная организация выполняет следующие задачи:

1. продвижение, защита и укрепление торговых и других коммерческих операций между Бангладеш и Великобританией, а также Европейским союзом;
2. продвижение инвестирования совместной предпринимательской деятельности, изучение и развитие торговой сферы в обеих странах;
3. поддержание тесных связей с торговыми представителями в Англии и в Бангладеш, в том числе с Федерацией бангладешских палат коммерции и промышленности (Federation of Bangladesh Chambers of Commerce and Industry), а также с представителями соответствующих министерств.

Коммерческая палата действует как разветвленный деловой центр общины и тех британских компаний, которые заинтересованы в бизнесе, связанном с Бангладеш. Члены Палаты провели множество заседаний, посвященных торговле между Великобританией и Бангладеш и инвестициям.

3.3. Лондонский Банглатаун глазами писателей и журналистов

Лондонский Банглатаун нашел отражение в ряде художественных произведений, опубликованных бангладешскими и английскими авторами. Покажем это на примере двух произведений: Моники Али «Брик Лейн» и Тарквина Холла «Салам, Брик Лейн: год в Новом Ист Энде».

Среди авторов южноазиатского происхождения, пишущих на английском языке можно отметить выдающихся писателей, таких как нобелевский лауреат В.С. Найпол, лауреат букеровской премии Салман Рушди, Ханиф Курйеши, Моника Десаи.

Важное явление англоязычной литературы южноазиатской диаспоры — роман Моники Али «Брик Лейн». Автор романа родилась 20 октября 1967 в г. Дакке (с 1971 г. — столице независимого государства Бангладеш). Ее отец — родом из района Майменсинх в восточной Бенгалии (в настоящее время — Бангладеш), а мать — из Англии. М. Али получила образование в Болтон Скул (Bolton School), позднее окончила Водхэм колледж (Wadham College) в Оксфорде по специальности «философия, политика и экономика». Известно, что в настоящее время Моника Али живет на юге Лондона вместе с мужем и детьми.

Роман «Брик Лейн» — дебютная работа писательницы. Он был написан в 2003 г. и в этом же году был номинирован на Букеровскую премию¹⁴. На примере романа М. Али «Брик Лейн» можно рассматривать не только проблематику внутрисемейных отношений, принятых в большинстве традиционных бангладешских семей. Особое внимание автор уделяет тому, как эти отношения меняются в инкультурной среде, и через судьбы своих персонажей раскрывает перед читателем различные варианты адаптации и интеграции в западном обществе или же наоборот — показывает неспособность

¹⁴ Букеровская премия (англ. *Booker Prize*) — одна из самых престижных наград в мире английской литературы. Присуждается автору, проживающему в одной из стран Содружества наций, Ирландии или Зимбабве, за роман, написанный на английском языке. Победитель получает чек на сумму 50 тыс. фунтов стерлингов. Впервые вручение награды состоялось в 1969 г. С 2002 г. спонсором Букеровской премии выступает группа компаний Man, потому полное официальное название премии — *The Man Booker Prize*.

героев принять новые культурные ценности. В силу своей принадлежности к прекрасному полу автор акцентирует внимание читателя на роли женщины в современном мире, ее способности выполнять различные социальные роли. В качестве основной из обширного спектра проблем, связанных с культурной адаптацией, Моника Али рассматривает, как меняется мир женщины в традиционном и нетрадиционном обществе, как взаимодействуют различные поколения, насколько взгляды старшего поколения остаются актуальными для молодежи в нетрадиционном для них обществе, а также многое другое.

Роман писательницы получил свое название «Брик Лейн» в честь одноименной улицы, которая расположена в районе Тауэр Хэмлетс. Этот район часто называют «сердцем» бангладешской общины в Лондоне. В настоящее время здесь проживают около четверти всех британских бангладешцев. Одним из главных мотивов данного произведения становится стремление к свободе. Оно меняет всю жизнь героев, их мировоззрение, семейные ценности, жизненный уклад. Как правило, в традиционной мусульманской семье человек редко имеет свободу выбора брачного партнера. Это особенно характерно для женщины, которая не может решать свою судьбу. С рождения и до брака все важные решения принимаются ее родителями, а после брака она должна принимать все решения мужа и его родственников. Молодые люди (как девушки, так и юноши) в традиционной семье обязаны следовать советам старших относительно учебы, выбора будущих брачных партнеров, а также места, где им работать вне дома, если им вообще это будет позволено (последнее относится к девушкам и женщинам).

Главная героиня романа «Брик Лейн» — уроженка Восточной Бенгалии, Назнин, воспитанная в традиционной мусульманской семье. Родные выдали ее замуж за мужчину вдвое ее старше, которого раньше она никогда не видела, и отправили в Англию. Дом ее мужа, Шану, находится в квартале, где живут в основном иммигранты из Бангладеш. Приехав сюда, она продолжает жить по традициям своей страны, делает то, чего ждет от нее муж, и долгое время ей удается сохранять привитые с детства культурные и социальные традиции. «Раз нельзя изменить, то надо принять, И раз ничего нельзя изменить, то все надо принимать» [Али 2005: 38–39], — таков главный жизненный принцип героини, которому она следовала с детства. Этот принцип не просто отличительная особенность героини,

но скорее характерная черта большинства людей, живущих в традиционной мусульманской культуре. Назнин, рожденная в семье земледельцев, приспосабливается к новой для нее жизни: и в семье с незнакомым ей мужчиной, и к жизни в большом городе, и к незнакомым ей прежде культурным привычкам чужой страны.

Муж героини, Шану, работает в муниципалитете и мечтает о повышении по службе, раскладывает на кровати свои многочисленные дипломы и постоянно говорит о собственной образованности, начитанности и принадлежности к высокой культуре. Шану подчеркивает, что он не принадлежит к основной массе иммигрантов из Бангладеш — выходцам из Силхета. Он говорит о силхетцах: «Большинство наших здесь из Силхета. Они держатся вместе потому, что приехали из одного места. Они знают друг друга еще по той деревенской жизни. И приезжают в Тауэр-Хэмлетс как будто к себе в деревню. Большинство плывут на кораблях, где устраиваются на самую черную работу, на самую тупую, или просто тайком забиваясь в трюм, как крысы. А сойдя с корабля и добравшись сюда, они в каком-то смысле оказываются дома. Видишь ли, для белых мы здесь все одинаковые: грязные обезьянки одного рода-племени. Но эти люди — крестьяне. Необразованные. Неграмотные. Ограниченные. Без честолюбия» [Али 2005: 29].

О себе Шану — высокого мнения: «Мне сорок лет. Я прожил в этой стране шестнадцать. Почти половину жизни. Я мечтал. Я спускался по трапу с дипломом в чемодане и с парой фунтов в кармане и думал, что под ноги мне постелют красную дорожку. Я собирался поступить на государственную службу и стать личным секретарем премьер-министра. Вот какие были у меня мечты. Но получалось немножко по-другому. Здесь людям все равно, что я спустился по трапу с дипломом в чемодане, что крестьяне со вшами в голове» [Али 2005: 38].

Сам Шану пытается интегрироваться в британское общество, но при этом сохранить связь с родной культурной средой. Однако время идет, а повышения все нет. Повышают всех, кроме Шану. Со временем он понимает, что из-за его принадлежности к другой этнорасовой группе он так и не добьется в своем учреждении карьерного роста. На примере случая с Шану автор раскрывает перед читателем проблему так называемого «бытового расизма», когда проявляется дискриминация по расовому признаку при приеме на работу или при продвижении по службе. Впрочем, бытовой расизм

проявляется и в неприкрытой ненависти, агрессии. Шану жалуется жене: «Видишь ли. Как бы это объяснить. Люди из низшей прослойки белых, как Уилки (соседка-алкоголичка. — *И.К., О.М.*), зачастую боятся таких, как мы. Для таких людей мы — единственная преграда на пути падения на самое дно. Пока мы ниже, они выше кого-то. Когда мы поднимаемся, нас начинают ненавидеть. Так и рождается «Национальный фронт» (националистическая партия Британии. — *И.К., О.М.*). Они могут играть на страхе, чтобы возникли расистские настроения, у них появилась мания величия. Среднему классу в этом отношении бояться нечего, поэтому они и ведут себя свободней» [Али 2005: 41].

При этом на родине Шану — уважаемый человек. Он жалуется: «Письма с мольбами все еще приходят от старых слуг, от их детей. Даже от моих собственных родственников, хотя они ни в чем не нуждаются. Они только и думают, что о деньгах. Думают, что на улицах здесь валяется золото, и что я складирую его в доме. Но я ехал сюда не из-за денег. Разве я голодал в Дакке?» [Там же].

Семейная жизнь Шану и Назнин долгое время идет по традиционному пути. Назнин выполняет все обязанности жены, хозяйки и супруги, почитает мужа. Она смиряется со своей судьбой, ведет дом, терпит прикосновения нелюбимого человека по принципу «стерпится-слубится», срезает мужу ороговевшую кожу на мозолях и не мыслит себя вправе решать в жизни что-либо самостоятельно.

Первое время Назнин пытается найти опору в религии. Она молится пять раз в день, привыкает «раскатывать в гостиной коврик и поворачиваться лицом на восток» [Али 2005: 45]. Тем не менее, наблюдая за жизнью вне дома, Назнин все больше начинает интересоваться, что происходит в мире, который ее окружает. Ее дом расположен в квартале, где живут мигранты из Бангладеш. Пару раз Назнин выходила в город в соседний район Бетнал Грин, чтобы полюбоваться витринами магазинов. При этом Шану не приветствовал такие походы: «Зачем тебе на улицу? — спрашивал Шану. — Если ты выйдешь, десять человек скажут: “Я видел, как она идет по улице!” И я себя буду чувствовать дураком. Я не против, чтобы ты выходила, но ведь эти люди такие невежи. Что же тут поделаешь?» [Али 2005: 51].

При этом отметим, что Назнин находится в привилегированном положении по сравнению со многими другими женщинами, приехавшими из Бангладеш. Она — жена служащего районного со-

вета, получившего муниципальное жилье. О жилищных условиях своих земляков Шану говорит так: «Три с половиной человека в комнате. Это статистика районного совета. Дома переполнены. Люди постоянно рожают детей, привозят сюда своих родственников и утрамбовывают их как рыб в консервных банках. Такова официальная статистика Тауэр Хэмлетса: в одной комнате проживает три с половиной человека» [Али 2005: 57]. На просьбу Назнин спасти ее сестру от нищеты и бесчестия Шану отвечает гневной тирадой: «Поеду в Дакку, найду Хасину на улице, приведу ее сюда вместе с нами жить. Возьму в придаток остальных твоих родственников. Устроим здесь свой маленький Гурипурчик!» [Али 2005: 72].

Назнин постепенно знакомится с некоторыми женщинами из квартала — Разией и Миссис Ислам, которые живут в Англии дольше, чем она. От них она узнает последние сплетни и новые для нее реалии британского общества, а также запоминает английские слова. Разия учит Назнин принимать британские условия как дар. Она отмечает достоинства ситуации: здесь есть «хорошие вещи, есть плохие. Как и люди. С некоторыми раскланиваются. С некоторыми — нет. Они нас не трогают, и мы их не трогаем. И я этим довольна. И еще. Если у тебя нет работы, тебе выплачивают пособие. Ты знала об этом? Здесь можно найти жилье и не платить за него. Твои дети могут ходить в школу. Но самое главное, тебе выплачивается пособие. А там, дома, что? Если нет работы, можно прокормиться? Кто тебе даст крышу над головой?» [Али 2005: 86].

Назнин ждет ребенка — долгожданного сына. Она с благодарностью принимает советы старой госпожи Ислам по уходу за сыном, отражающие традиционные бенгальские поверья: «Сшить маленькую подушечку и набить ее перьями, лавровым листом и гвоздикой, чтобы хорошо спал. Самые лучшие перья — перья попугая. В ванночку добавлять топленое масло из молока буйволицы, чтобы кожа была мягкой. Если начнет кашлять, положить ему на грудь куркуму и анис. Растирать ножки кокосовым маслом, чтобы согрелись» [Али 2005: 101].

Миссис Ислам — фигура значительная, важная. «И зимой, и летом она в одном и том же: кофта поверх сари, черные носки, ковровые тапочки. Со сменой времен года ее наряд не меняется. Ни сезон перед ней ни расшаркивается, ни она перед ним» [Али 2005: 105]. Миссис Ислам имеет обо всем и обо всех свое мнение. Об англичанах она говорит: «Белые делают то, что хотят. И никого

это не касается. Если ребенок кричит, когда его бьют, они просто закрывают и двери и окна. Чтобы соседи не пожаловались на шум. Но до ребенка им дела нет, даже если его забивают до смерти. У каждого своя личная жизнь. Так живут белые» [Али 2005: 106].

Шану тоже не в восторге от местной жизни и окружения. Он мечтает вернуться домой, в Бангладеш, когда вырастет сын: «Мне не нужно ничего. Чтобы только на дом в Дакке хватило и на образование Руну. Не хочу, чтобы он сгнил здесь, со всеми этими скинхедами и алкашами. Не хочу, чтобы он вырос в обществе расистов. Не хочу, чтобы он грубил матери. Хочу, чтобы он уважал отца» [Али 2005: 136]. Тихая семейная жизнь не складывается у Назнин с мужем, их первенец, несмотря на неустанные заботы, умирает в больнице вскоре после рождения.

Спустя некоторое время у Назнин рождаются две дочери: Шахана (старшая) и Биби (младшая). Назнин занимается воспитанием девочек, но чем старше они становятся, все больше проявляются отличия между традиционным мусульманским укладом их семьи и культурными привычками британского общества, в котором они живут. На примере отношения дочерей Назнин к национальной культуре автор пытается раскрыть проблему конфликта культур.

В случае с девочками Назнин особенно показателен пример старшей дочери. «Шахана не желает слушать классическую бенгальскую музыку. И пишет на родном языке чудовишно. Она хочет носить джинсы. Ненавидит камизы и перепортила весь свой гардероб, проливая на них краску. Если на выбор предлагается дал или консервированная фасоль, не сомневается ни секунды. При упоминании о Бангладеш кривится. Она знать не знает и знать не хочет, что Тагор был не только поэтом и нобелевским лауреатом, но и не больше, не меньше, отцом нации. Шахане все равно. Шахана не хочет на родину» [Али 2005: 223]. «Я не просила, чтобы меня рожали здесь», — таков главный аргумент девочки на все доводы своего отца, Шану, о благочестивом и правильном поведении, о необходимости знать родную культуру или хотя бы на просьбу одеваться в национальную одежду.

Себя и знакомого доктора Азада Шану считает людьми выдающимися среди прочих силхетцев. Однако за образование и успешную практику доктору Азаду пришлось платить высокую цену: «Это история успеха, но за каждой историей об успехе иммигранта кроется глубокая трагедия. Я говорю о столкновении западных ценностей

и наших. Я говорю об отчаянном стремлении влиться в общество и о потребности сохранить свою национальную принадлежность и культурное наследие. Я говорю о детях, которые не знают, какова их собственная национальная принадлежность. Я говорю о чудовищной борьбе за то, чтобы не сойти с ума и обеспечить в то же время свою семью всем самым лучшим» [Али 2005: 138].

Впрочем, супруга доктора Азада с Шану не соглашается: «Зачем Вы все так усложняете: национальная принадлежность то, отчужденность се. Гораздо проще с фактами. Факт: мы живем в западном обществе. Факт: наши дети будут вести себя как западные люди. Факт: Это не обязательно плохо. Моя дочь, когда хочет — приходит, когда хочет — уходит. Хотела бы я быть такой свободной в молодости? Да!» [Там же]. Положение женщины в Бангладеш миссис Азад вовсе не считает идеальным: «Знаете, в Бангладеш я надеваю сари, покрываю голову и прочее. А здесь я хожу на работу. Работаю с белыми девушками, и я одна из них. Захожу домой покушать карри — это мое личное дело. Некоторые женщины проводят здесь по десять-двадцать лет, сидя на кухне: мелют специи целыми днями и по-английски знают только два слова. Они выходят на улицу, завернутые с головы до ног, гуляют в строго отведенном месте, как в тюрьме, и сгорают от стыда, если к ним обратятся на улице» [Али 2005: 138].

В глазах миссис Азад ее земляки — невежественные и отсталые люди. Не лучшего мнения о них и Разия, причем к таким темным людям она относит и своего мужа: «Я выяснила, куда уходят все деньги. Сказать тебе? К имаму. Он в нашей деревне собирается строить мечеть, а дети просят что-нибудь купить. Все, что видят, тут же требуют. А у меня нет денег» [Там же: 151–152].

Дети бангладешцев, рожденные и воспитанные в Англии, получают большую свободу, чем их сверстники, выросшие в Бангладеш. Однако их действия, вполне обычные для англичан, могут вызывать непонимание или шокировать родителей, придерживающихся традиционных взглядов. В качестве примера можно привести слова одного из персонажей романа, доктора Азада, который в силу своей профессии знаком со многими проблемами внутри местной бангладешской общины: «Наши дети повторяют то, что видят здесь: заходят в пабы, ночные клубы. Или пьют у себя дома, запершись, а родители думают, что с ними все в порядке. Проблема в том, что наше общество не имеет представления о таких вещах. Нежелание знать

историю своих родителей и земляков в целом, неприятие культуры предков, стремление носить джинсы и есть европейскую пищу — это лишь немного из того, на чем вырастает конфликт между поколениями.

Герои романа — Назнин и Шану — ищут свое место в новом мире для себя и своих дочерей. Шану хочет увезти дочерей на родину, когда они подрастут, «прежде, чем они начнут портиться». Назнин же не считает возвращение на родину нужным и полезным для дочерей. Не добившись повышения, Шану увольняется со службы и всерьез задумывается о возвращении на родину в Бангладеш. Чтобы как-то прокормить семью, Шану устраивается работать шофером и разрешает Назнин брать швейную работу на дом. Таким образом, в их дом попадает молодой посыльный Карим, который отдает заказы Назнин и забирает готовые изделия.

С появлением Карима нарушается весь жизненный уклад, которому следовала Назнин. Ее душевное равновесие буквально рассыпается в прах от постоянного выбора между тем, что должно делать, и тем, что бы ей хотелось на самом деле. Постепенно она осознает свои чувства к Кариму, но сама же говорит себе, что «влюбиться — это очень по-английски» [Али 2005: 554]. Назнин вступает в любовную связь с Каримом. В жизнь героини вместе с физическим удовольствием приходит мучительная душевная борьба — отдаться своим желаниям или задушить их и следовать традиционному образу жизни. У Назнин происходит нервный срыв, который ее домашние принимают за физическое переутомление от тяжелой работы за швейной машинкой.

Между тем Карим — не только участник любовного треугольника в романе. Он — представитель молодых бангладешцев, выросших уже в Лондоне. Его отец — пенсионер, двадцать пять лет проработавший кондуктором в лондонском автобусе. Сам Карим работает посыльным, но он еще и активист молодежной организации «Бенгальские тигры». Карим участвует в антирасистских митингах и маршах и делится с Назнин своим видением свободного будущего молодых бангладешцев в Тауэр Хэмлетс.

Конфликт долга и страсти разрешается для Назнин довольно неожиданным образом. Перед ней встает другой, более трудный для нее выбор. Шану, ее муж, которому так и не удалось реализовать себя в британском обществе и определить в нем свое место, постепенно убеждается в необходимости возвращения на родину в Банг-

ладеш. Он не смог заработать достаточно средств, чтобы осесть в Бангладеш и жить безбедно, но страх за дочерей вынуждает его принять окончательное решение об отъезде.

Дочери, как старшая Шахана, так и младшая Биби, абсолютно не принимают эту идею и не стесняются выражать свое недовольство перед отцом. Шахана даже решается на побег из дома, поскольку, рожденная в Англии, она не может себе и представить жизнь уже в чужой для нее стране Бангладеш. Назнин постоянно балансирует между убежденностью мужа в правильности традиционного мусульманского уклада и стремлением дочерей к европейской жизни. Она вынуждена выбирать между родиной и чужой страной. Представления Назнин о родине складываются из воспоминаний детства, из того, что она знала до замужней жизни, и из писем ее сестры Хасины, оставшейся в Бангладеш. Эту переписку Назнин тщательно скрывает от Шану, поскольку ее сестра, вышедшая замуж по любви, вскоре была вынуждена уйти от мужа и сама зарабатывать себе на жизнь как придется.

Посредством этих писем через своеобразное авторское видение показываются относительно безбедная жизнь Назнин в Англии и прозябание на грани нищеты ее родной сестры в Бангладеш. Хасина описывает сестре свою жизнь и происходящие вокруг нее события: побег из дома с мужчиной вопреки воле родных, не сложившаяся семейная жизнь, работа на швейной фабрике, жизнь в бараках, занятие проституцией, работа гувернанткой и снова побег с мужчиной и т.д. Из писем Хасины Назнин понимает, что в Бангладеш ни для нее самой, ни для ее дочерей хорошей жизни не будет. Дочери лишатся возможности выбирать свой жизненный путь, и повторят судьбу Назнин, т.е. должны будут выйти замуж за выбранных родителями людей, смириться с этим и выполнять весь традиционный жизненный уклад. «Если они поедут в Дакку, она будет с Хасиной. Но дети будут несчастны. Биби, может быть, быстро оправиться. Шахана же никогда не простит мать» [Али 2005: 226]. Ради своих дочерей, ради их возможности иметь свободу выбора Назнин принимает самостоятельное и главное решение в ее жизни — остаться в Англии. Вместе со своими подругами она занимается пошивом одежды на заказ и сама содержит себя и дочерей. Муж Назнин, Шану, уезжает домой в Бангладеш один.

Такова главная сюжетная линия романа «Брик Лейн». На примере героев романа автор прослеживает несколько вариантов того,

как именно проходят процессы культурной адаптации и социальной интеграции бенгальцев в британском обществе. Эти процессы протекают по-разному у различных социальных групп. Существуют как иммигранты, полностью прошедшие адаптационный процесс, так и те, кто не смог найти свое место в британском обществе и был вынужден вернуться на родину.

Переход от национальной культуры к новым традициям — болезненный процесс особенно для тех иммигрантов, кто приезжает в Англию впервые. Они сталкиваются со множеством проблем: социальными, культурными, бытовыми. Свобода выбора — одна из основных ценностей западной культуры, которая их привлекла и ради которой они идут на болезненный отказ от собственных традиций, делая это и для себя, и, что главное, для своих детей. Их дети также вынуждены искать свое место в новом для них обществе. «В этом вся наша беда — мы придумываем жизнь за наших детей. А они сами хотят ее прожить» [Али 2005: 626].

Следует сказать особо о важных изменениях, которые произошли в мировоззрении молодого поколения детей иммигрантов, рожденных уже в Англии. Если их родители могли с уверенностью называть себя прежде всего бенгальцами (а с 1971 г. бангладешцами) и эта самоидентификация была довольно четкой, то в настоящее время дети бывших иммигрантов порой затрудняются с однозначным выбором. В то время как для первого поколения иммигрантов связь с родиной была вполне естественным явлением, для их потомков, рожденных в Великобритании, ситуация предстает уже несколько в ином свете. Многие представители молодого поколения, родившиеся в Англии и воспитанные в условиях жизни среди представителей другой культуры, приезжая в Бангладеш, чтобы прикоснуться к истокам своей национальной культуры, иногда испытывают настоящий шок. Это характерно как для юношей, так и для девушек. Молодые люди, родившиеся и воспитанные в Англии, в отличие от своих сверстников в Бангладеш, не знакомы с условиями сельского быта. Они бывают чаще предоставлены себе, а не вовлечены в цикл домашних и сельскохозяйственных дел. Дети иммигрантов, как правило, лучше образованы, чем их бангладешские сверстники, и более свободны в выборе друзей и увлечений. «Ты в Англии. И можешь делать все, что хочешь» — так автор романа, Моника Али, определяет возможности для детей иммигрантов, предоставляя им право самим выбирать свою судьбу.

Роман «Брик Лейн», а также одноименный фильм, снятый на его основе с актрисой Танништхой Чаттерджи в главной роли в 2007 г., вызвали неоднозначную реакцию среди членов бангладешской общины в Великобритании. Некоторые члены общины, настроенные против данного произведения, выступали против съемок фильма, так как посчитали, что Моника Али описала район Брик Лейн и его обитателей крайне негативно, что не соответствует действительности и создает недопустимые образы представителей бангладешской общины в представлении зрителей Британии [Cacciottolo 2006]. По мнению других представителей общины, настроенных более либерально, книга и фильм могли бы стать хорошей рекламой для района и привлечь туда больше туристов.

* * *

Другой взгляд на Банглатаун — как на предмет исследования этнографа — проявляется в произведении Тарквина Холла «Салам, Брик Лейн: год Press, 1990. Р. 331–347. в Новом Ист Энде». Здесь мы предлагаем рассматривать этот роман как возможный источник этнографического изучения путем критического анализа фактов, изложенных писателем в контексте своего биографического опыта. Тарквин Холл — английский писатель и журналист. Он родился в Лондоне в 1969 г., его отец — англичанин, а мать — родом из Америки. Большую часть жизни Холл провел вдали от Англии. Он жил в Америке, Пакистане, Индии, Кении и Турции. Кроме того, в связи с профессиональной деятельностью он много путешествовал по Африке, Среднему Востоку и Южной Азии.

Тарквин Холл — автор не только рассматриваемого романа, но еще и множества статей, опубликованных в таких известных британских газетах и журналах как Таймс (Times), Санди таймс (Sunday Times), Дейли телеграф (Daily Telegraph), Обсервер (Observer) и Ньюстейтсмен (New Statesman). Он также работал на телевидении в должности заведующего отделением Ассошиэйтед Пресс ТВ (Associated Press TV) в Южной Азии. Темы его репортажей отличались широким спектром интересов: от поэзии на урду писателей смешанного британско-азиатского происхождения до эксклюзивных материалов, связанных с деятельностью Саддама Хуссейна.

Книги Тарквина Холла получили широкое освещение в британской прессе. Роман «Салаам, Брик Лейн», опубликованный в 2005 г. — третья по счету выпущенная им книга. В ней от первого

лица автор повествует читателю о том, как он провел целый год в лондонском Ист Энде, проживая на улице Брик Лейн. Холл делится с читателем своим непосредственно пережитым опытом, а также описывает окружающих его людей и действительность. Будучи не простым обывателем, а профессиональным репортером, Холл также обращается и к истории этого района, в том числе к литературным источникам прошлого, где встречаются упоминания о данном месте. В качестве одной из наиболее примечательных литературных иллюстраций лондонского Ист Энда автор приводит отрывок из произведения Джека Лондона «Люди бездны» (*The People of the Abyss*) [Лондон 1954], где описана такая ситуация: «Когда Джек Лондон прибыл в Лондон в 1902 г., он связался с Томасом Куком, туристическим агентом, для получения информации, как ему добраться до Ист Энда. Из агентства Джеку Лондону пришел ответ, что предоставить данную информацию невозможно никоим образом, поскольку об этом неизведанном уголке земного шара им ничего неизвестно». Тогда Джек Лондон решил сам отправиться в путешествие по данной местности. Он был шокирован ужасающей бедностью, а также замкнутостью этого своеобразного мира.

Многие писатели на протяжении долгих лет стремились создавать литературные шедевры на основе описания мрачных и пугающих глубин человеческого общества, но лишь немногим удавалось не только обозначить перед читателем волнующую их проблему, но и отнестись к рассматриваемым фактам без предвзятости и социальных предрассудков. Тарквин Холл не скрывает такие факты своей биографии, как, например, принадлежность его семьи к среднему классу.

Холл пишет, что прибыл в Лондон по истечении десяти лет, проведенных им в Азии, надеясь, что приобретенный им профессиональный и творческий опыт поможет ему обосноваться достойным образом на родине. Он обнаруживает, что его родители вынуждены были продать свое жилье в Лондоне и переехали в Барнс. Холл начинает поиски нового жилья для себя и своей невесты Ану, девушки южноазиатского происхождения, и обнаруживает, что его средств явно недостаточно даже для аренды приличной комнаты. Он находит объявление о «просторных сдаваемых студиях» в районе Брик Лейн и отправляется туда. В действительности студия оказывается запущенным чердаком, где едва можно выпрямиться в полный рост, а «панорамный вид» из плохо открывающегося окна на деле оказы-

вается отблеском от высокой башни делового центра Сити. «Современная мебелировка» едва ли подходит под это определение, а «отдельная ванная» представляет собой некую пристройку, находящуюся ниже этажом, построенную вопреки всем допустимым правилам планировки жилья. Потолок данного сооружения постоянно протекает, а потому в пространстве, где едва совмещены все удобства, стоят в придачу еще и пластиковые баки, куда во время дождя должна стекать вода.

Хозяин этой «студии», бангладешец мистер Али, живет в Англии уже около тридцати лет и обладает незабываемым акцентом, основанном на смешении южноазиатского и истэндского произношения. Высказывания его, приведенные Холлом, придают повествованию особую яркость. Мистер Али обращается к «белым людям», вместо имен употребляя «парень». Тех же, кто не вызывает у него симпатии, вне зависимости от их цвета кожи он зовет «уродами». Смешанный выбор одежды данного персонажа, как и его акцент, является проявлением его культурной идентификации. Наряду с длинным традиционным камизом без воротника он носит джинсы от Levi's и ковбойские сапоги из кожи аллигатора. На голове у него — белая шапочка (весьма поношенная) верующего мусульманина [Hall 2005: 2]. Мистер Али занимается сдачей комнат внаем уже давно, но все предыдущие жильцы, по его собственным словам, были «сплошные уроды» [Hall 2005: 3], и теперь он ищет кого-то более приличное.

Мистер Али еще и собственник магазина одежды, над которым и находятся сдаваемые им помещения. Однако неожиданным для Холла становится открытие, что в подвале магазина работает нелегальная швейная мастерская, где бангладешцы (мигранты) изготавливают женское и мужское нижнее белье и футболки. «Насколько безопасна ваша фабрика? — «Безопасней быть не может. На все сто процентов. Я — Мистер Ответственность. Впрочем, если случится пожар, я дам тебе лестницу, сможешь выбраться на крышу». — «А какие на фабрике условия?» — «Лучше не бывает. Те, кто там работают, готовы руки и ноги отдать, чтобы только работать у меня. Это ведь Возможность, так вот. Если тебя кто-то спросит, ты ничего не знаешь — держи это при себе, и я дам тебе куртку из змеиной кожи» [Hall 2005: 18].

Несмотря на жуткую обстановку, Холл все же решает остаться у мистера Али на какое-то время. Он ждет свою невесту Ану (родом

из Кашмира, но выросшая в Америке), которая работает журналисткой в Дели и собирается переехать в Лондон к Холлу. Он надеется, что на Брик Лейн многое будет напоминать ей об Индии, но вынужден признать, что жить семьей в таких условиях невозможно. Холл ищет достойно оплачиваемую работу, тем временем все больше осваиваясь в Ист Энде. Он знакомится с самыми разнообразными людьми и в живой манере передает читателю услышанные им истории.

Соседка Тарквина Холла, Сэйди (Sadie) — пожилая вдова-еврейка, больше всего на свете обожающая готовить куриный суп с вермишелью, а также привязанная к своему сиамскому коту. Другие персонажи повествования — беженцы: Гуль Мухаммад из Афганистана (Gul Muhammad), Большой Саша (Big Sasa) и Маленький Саша (Little Sasa) из Косово; «местный предприниматель» Чалки (Chalky), чья многогранная деятельность помимо прочего включает продажу карпов, ввезенных в страну нелегально. Также Холл знакомится с Назизом (Naziz), молодым бангладешцем, который сбегает из дому в местную библиотеку, чтобы отвлечься от проблем в семье. Другие колоритные персонажи — бангладешцы Шаик (Shaik) и Максуд (Muksood), которым удается организовать собственную контору такси, не имея при этом ни одной машины.

Особо следует упомянуть о миссис Сури — «индийской тетушке», которая после приезда невесты Холла, Ану, не дает им спокойной жизни: она названивает им каждые полчаса, приглашает Ану к себе в «традиционный дом» и всячески подчеркивает, что англичанин ей в мужья не годится, поэтому необходимо подобрать кого-то более подходящего. При этом она не состоит в родстве с Ану, а якобы выполняет просьбу ее матери, переданную по телефону.

Жуткое, захлавленное невообразимым мусором пространство, которое представляет собой крыша над снимаемым Тарквином Холлом помещением, его невеста Ану благодаря своему таланту флориста превращает в укромный закуток-патио с декоративными растениями, которые везут на Брик Лейн со всего света. Однако хозяин дома, мистер Али, взамен на разрешение использовать это пространство просит Тарквина Холла оказать ему услугу и поработать видеооператором на свадьбе его дочери Роханы. Тарквин Холл, описывая это событие, рассказывает читателю, что этот опыт по своей уникальности и многообразию впечатлений для него был сравним с операторской работой по созданию фильмов о речных

пиратах Сундарбана, болотистой местности в дельте рек Ганга и Брахмапутры, или документальных съемках в Кабуле о действиях военно-политической группировки Талибан.

Прежде всего его поразило число приглашенных гостей, которое составило не менее 300 чел., хотя традиционно свадьбы в Бангладеш тоже принято отмечать с размахом. Также нельзя было не отметить смешение южноазиатского и европейского стилей в нарядах гостей: наряд невесты и женщин на свадьбе соответствовал южноазиатской традиции — преобладали красочные сари и шальваркамизы с богатой декоративной вышивкой. Мужчины старшего поколения были облачены в традиционную одежду, а молодое поколение — в костюмы европейского кроя. Однако присутствовали на свадьбе и радикально настроенные родственники жениха, придерживающиеся жестких норм ислама. Их жены были облачены в хиджабы; этих женщин категорически запретили снимать даже на видео для семейного торжества. Сама гражданская церемония заключения брака отличалась тем, что невеста на протяжении всей церемонии не открывала лицо, спрятанное под прозрачным палантином, а также не было публичного поцелуя, которым обычно принято завершать оглашение создания нового союза. Когда молодые вышли из здания муниципалитета, их не обсыпали ни рисом, ни конфетти, ни цветочными лепестками. Вместо этого все гости погрузились в машины и отправились к дому отца невесты, мистеру Али. Будущий брак был заранее обговорен между родителями новобрачных, при этом молодым в течение трех месяцев разрешили сходить на несколько «свиданий» под присмотром многочисленных тетушек-родственниц. Родители с обеих сторон безоговорочно заявили, что этот брак заключен исключительно по любви [Hall 2005: 150].

Свадебный кортеж из машин прибыл к дому мистера Али в районе Уайтчепел (Whitechapel), или, как позднее назвал его Холл, «Уайтчепелистан». В обычные дни дом ничем не отличался по внешнему виду от прочих домов в этом районе, но по случаю праздника он был украшен немислимыми способами: «смесь того, чем принято украшать дом на Рождество, и то, что напоминает декорации из болливудских фильмов» [Hall 2005: 151]. Внутри дома стены были оформлены фотообоями с изображением сельских сцен, характерных для Бангладеш, дом переполняли ароматы восточных блюд, специально приготовленных женщинами по случаю праздника. Гости довольно скоро разделились на группы согласно возрасту,

полу и родству, а Холлу выпал уникальный шанс познакомиться с антропологом бенгальского происхождения — Актаром, который позднее изменил всю его систему представлений о местных выходцах из Бенгалии.

Актар — уроженец Западной Бенгалии, всегда готовый поделиться с благодарным слушателем историей о своем культурном наследии, в его речах наиболее значимые моменты перемежались цитатами из произведений Тагора. Он поддерживает антиимперские взгляды и с горечью вспоминает исторические моменты колониального прошлого: «В случае с Силхетом, вы, британцы, уничтожили всю местную текстильную промышленность, наводнили рынок британской фабричной тканью. Население округа так и не смогло приспособиться к данной ситуации, поэтому вам остается только винить себя, что вы способствовали обнищанию половины населения» [Hall 2005: 153].

При этом Актар отдает должное тому, что в Индии прекрасно проявила себя британская модель школьного образования, он сам был воспитан на поэзии Шекспира и традиции игры в крикет. После окончания школы ему посчастливилось поучаствовать в образовательных программах Оксфорда, Кембриджа, лондонского университета и некоторых других. После окончания учебы Актар смог отправиться в путешествие по Средней Азии, а затем и по Ближнему Востоку. Вернувшись в Англию, в частности в Лондон, он заметил, насколько изменилось городское пространство, причем он рассматривал его именно как антрополог. «Если бы сорок лет назад кто-нибудь предсказал, что к рубежу веков в Восточном Лондоне будут проживать шестьдесят тысяч силхетцев, что район Тауэр Хэмлетс получит имя “Банглатаун”, думаю, я бы не поверил. Это было непостижимо, что британцы, управлявшие такой мощной империей, позволят поселиться в стране такому количеству иммигрантов» [Hall 2005: 153].

Вместе с Актаром Холл проводит дальнейшие наблюдения за жизнью жителей Ист Энда, которую Актар описывает так: «У силхетцев огромные семьи. Традиционно они живут рядом друг с другом. Банглатаун — как большая деревня. Здесь все — либо родственники, либо знакомые» [Hall 2005: 157].

Постепенно от описания жизненных историй Холл переходит к размышлению о том, что такое «английскость» и кого можно называть настоящими англичанами. Несмотря на то что сегодня мест-

ность вокруг улицы Брик Лейн известна под именем «Банглатаун», а местные уличные указатели продублированы на двух языках (английском и бенгальском), живущие там бангладешцы (прибывшие преимущественно из округа Силхет) — всего лишь новая волна мигрантов, сменявших друг друга в районе Ист Энд на протяжении долгих лет. В XVII в., спасаясь от преследования католиков, сюда прибыли гугеноты, и французский язык стал преобладать в этом районе. В XIX в. им на смену пришли евреи, и французскую речь сменил разговор на идиш. Первые силхетцы, служившие на торговых судах Ост-Индской Компании, стали прибывать в Ист Энд уже в середине XIX в. В настоящее время в данном районе их (бангладешцев и силхетцев в частности) насчитывается более 80 тыс. чел. Как отмечает Холл в своем произведении, сегодня в популярном колл-центре на Уайтчепел, не считая бангладешцев, можно видеть множество мигрантов и беженцев из других стран: афганцев, бирманцев, китайцев, нигерийцев, сингалов, а также выходцев из Литвы и Косово.

Роман Холла служит своего рода напоминанием о том, что каждая «волна иноземцев», когда либо прибывавшая на территорию современной Британии, внесла свой культурный вклад в то, что в настоящее время исследователи пытаются осознать как «истинно английское» и выявить некие культурные маркеры, идентифицирующие «настоящих англичан» («the English») [Parker 2005].

Итак, проанализировав процессы адаптации бангладешцев в условиях инокультурной среды сквозь призму авторского восприятия с применением аналитического метода, все же удается подтвердить тот факт, что мигранты (бангладешцы в частности) уже стали неотъемлемой частью британского общества. Многие из них стараются приспособиться к не совсем привычным для них условиям окружающей жизни, но при этом и сами мигранты привносят новые культурные особенности, к которым постепенно привыкает британское общество.

Глава 4

БАНГЛАДЕШЦЫ ЛОНДОНА В БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ

4.1. Политизация лондонских бангладешцев

Отношение бангладешцев, живущих в Лондоне, к политике страны происхождения и принявшей их страны — Великобритании — привлекает внимание политологов и социологов, религиоведов, журналистов. Это неудивительно. В лондонском округе Тауэр Хэмлетс именно от бангладешцев зависит избрание местного представителя в парламент страны, их влияние также велико в лондонском избирательном округе Кэмден. Наличие зависимого от бангладешцев парламентария означает, что темы, связанные с Бангладеш, исламом, проблемами Тауэр Хэмлетс, будут звучать на высшем уровне. Наличие в Британии кроме бангладешского значительного количества пакистанского и арабского населения означает, что тема ислама и исламофобии, расизма и борьбы с расизмом будет подниматься в британском парламенте регулярно, что и происходит. В то же время мы можем наблюдать определенные изменения в настроениях бангладешцев Лондона. За последние десятилетия во многом изменились их пристрастия, страхи и ожидания.

Избирательные права имеют подавляющее большинство граждан Великобритании и Содружества, если они находятся в период выборов в Соединенном Королевстве и зарегистрированы на ближайшем избирательном участке. Такими правами индийцы пользовались еще в XIX в., и тогда в выборах участвовали индийские студенты, находившиеся на учебе в университетских городах Оксфорде и Кембридж или в Лондоне. В 1892 г. индеец-парс Дадабхай Наороджи даже был избран в английскую Палату общин — нижнюю палату английского парламента. В лондонском районе Тауэр Хэмлетс (с 2011 г. один из избирательных округов даже официально называется Спиталфилдс и Банглатаун) и других округах проживающие здесь бангладешцы старше восемнадцати лет имеют

право выбирать и быть избранными в местный муниципалитет, Городской совет Лондона и Парламент Соединенного Королевства, точнее — его нижнюю палату — Палату общин. Отметим, однако, что половине проживающих в Британии бангладешцев еще нет восемнадцати. Но оставшаяся половина — это 40 тыс. избирателей, т.е. в данном округе, где зарегистрировано около 60 тыс. избирателей, их большинство.

Действующая до сих пор в Великобритании мажоритарная система предполагает победу в избирательном округе того кандидата, который наберет хотя бы на один голос больше, чем другие претенденты на место в Вестминстерском дворце. До последних десятилетий в стране прочно доминировала система, при которой за право сформировать правительство реально боролись две главные политические партии. Лорду Сольсбери, британскому премьер-министру консерватору приписывают формулирование «великого закона маятника» британской политики, т.е. «предположения, что во время парламентских выборов английские избиратели пожелают заменить одну наскучившую им политическую партию другой» [Сэмпсон 1975: 49]. В Англии происходят заметные колебания, когда избиратели меняют симпатии от одной к другой основной политической партии — лейбористов и консерваторов [Городецкая 1974: 6]. К двум основным политическим силам в стране в последнее время присоединилась третья — либерал-демократы.

Приблизительно в одной пятой округов страны (т.е. в 100–150 избирательных участках из 659) большинство избирателей не являются абсолютно преданными той или иной партии в силу своего классового происхождения. В целом наблюдается рост усталости и апатии электората по отношению к традиционным «игрокам» на избирательном поле. В этой ситуации особенно велика роль так называемых «цветных» меньшинств, которые могут оказаться «делателями королей», т.е. в силу обстоятельств именно их голоса могут быть решающими на выборах. Видимо, неслучайно число округов, в которых возможна смена партии, чей кандидат побеждает на выборах, совпадает с числом округов со значительным «цветным» населением. Об этом свидетельствует и активная борьба за голоса меньшинств между основными политическими партиями страны.

Около 100 избирательных округов имеют не менее 10 тыс. избирателей из числа выходцев из бывших колоний Великобритании.

Соответственно представители меньшинств составляют не менее 10 % избирателей в этих округах [Anwar 1990: 300]. В 20 округах представители меньшинств составляют не менее половины избирателей. Это главным образом индийцы, пакистанцы, бангладешцы и вест-индцы (афро-карибцы). Индусы и джайны традиционно влиятельны в Лестере, в политике лондонского района Саутолл доминируют сикхи. В Тауэр Хэмлетс последнее десятилетие преимущественно обладают бангладешцы. Их, как и других носителей «этнического голоса», отличает в целом способность в массе изменить политические симпатии к той или иной партии в зависимости от того, представлена ли она в их округе «этническим» кандидатом. Иногда, как это было на местных выборах в Тауэр Хэмлетс в 1982 г., победу одерживал независимый кандидат, представляющий этническое меньшинство — бангладешцев. Однако позиции кандидатов гораздо сильнее, если они принадлежат к той или иной влиятельной партии, в условиях Великобритании это консерваторы (тори) и лейбористы, а в последнее время также либерал-демократы.

Традиционно лейбористы чаще, чем консерваторы, назначали своими представителями выходцев из этнических меньшинств. Этим объясняется и традиционная поддержка южноазиатами лейбористов. Однако обострение соперничества между двумя ведущими британскими партиями повлияло на более активное привлечение и консерваторами голосов «цветных» избирателей и их номинацию кандидатами на место в парламенте представителей меньшинств. При этом становление южноазиатского, в особенности — индийского, бизнеса отмечено ростом числа «азиатов», поддерживавших тори на выборах. В значительной степени это относится и к пакистанцам, в меньшей степени — к бангладешцам, которые больше рассчитывают на социальные программы (обеспечение нуждающихся муниципальным жильем), предлагаемые лейбористами.

1990-е гг. были временем, когда в «цветных округах» не только независимые кандидаты, но и номинанты от основных политических партий в «этнических» округах принадлежали к этническим меньшинствам, прежде всего — к южноазиатам. На парламентских выборах 1992 г. в парламент от лейбористов попало три «азиата» — пенджабец-индус Пьяра Хабра, христианин индийского происхождения Кейт Ваз и индус Ашок Кумар. От консерваторов на этих выборах победил индус Нирдж Дева.

Парламентские выборы 1997 г. были для выходцев из Южной Азии еще более удачными. Тогдашний премьер-министр Джон Мейджор совершил незадолго до выборов визиты в Индию, Пакистан и Бангладеш [Awaz. Jan. 17. 1997]. Лидер лейбористов и будущий премьер-министр Энтони (Тони) Блэр не преминул посетить перед выборами мечеть в Риджентс Парк, указав, что рассчитывает на голоса мусульман. Тогдашний лидер либеральных демократов Пэдди Эшдаун напомнил избирателям о своих «англо-индийских корнях» (родился в Дели). Все три лидера подготовили специальные заявления, рассчитанные на «избирателя-азиата». От консерваторов, лейбористов и либерал-демократов были выдвинуты кандидаты-южноазиаты.

По результатам парламентских выборов 1997 г. лейбористам досталось около 45 % голосов и 419 из 659 мест в нижней палате парламента [Перегудов 1998: 74–75]. Консерваторы, получившие на выборах почти треть голосов из-за особенностей мажоритарной системы, провели в парламент только 160 своих кандидатов. Либеральные демократы при 17 % полученных голосов получили 46 мест в Палате общин. Не в последнюю очередь победа лейбористов и относительный успех либеральных демократов объясняется отданными за них голосами меньшинств. Всего на парламентских выборах 1997 г. за голоса избирателей боролись 34 кандидата от «азиатов». Пятеро из них победили на выборах. Это были Пьяра Хабра, Кейт Ваз и Ашок Кумар от лейбористов, сохранившие свои парламентские мандаты от «азиатских цитаделей», и сикх Марша Сингх победил от округа Брэдфорд Вест, где доминировали пакистанцы, а британец пакистанского происхождения Мохаммед Сарвар победил на выборах в округе Глазго Гован в Шотландии, но позднее он был вынужден покинуть парламент из-за разгоревшегося скандала, связанного с подкупом избирателей. Это был первый мусульманин-парламентарий в Великобритании. Поэтому его победа воспринималась как победа и избирателями-бангладешцами в Великобритании.

Практика лоббирования этническими и этнорасовыми группами своих интересов через политические партии и их фракции в парламенте не была для лейбористов чем-то совершенно новым. В 1930-е годы лейбористы столкнулись с этническим лоббизмом со стороны избирателей-ирландцев. В 1960–1970-х годах лейбористам пришлось считаться с требованиями иммигрантов из Вест-Индии

номинировать их кандидата от надежного лейбористского округа, дабы видеть его членом парламента. Однако попытка лейбористов номинировать вест-индца доктора Дэвида Питта от «надежного» лейбористского округа Клэпхэм (Clapham) завершилась в 1970 г. его поражением, ибо местные избиратели, в том числе традиционные сторонники лейбористов не стали за него голосовать. Почти десятилетие после этого лейбористы воздерживались от выдвижения «цветного» кандидата от надежных округов. В 1980-х годах левые в партии выступали за «расовое» представительство, но они потерпели поражение на выборах 1983 г. С 1987 по 1993 гг. в лейбористской партии большую роль играли традиционные профсоюзы (тред-юнионы), имевшие право коллективного членства, не жаловавшие «цветных» как потенциальных штрейкбрехеров. В 1990-х годах лейбористская партия отошла от опоры на рабочий класс и тред-юнионы и ориентировалась на создание широкой коалиции «радуги» (rainbow coalition) в поддержку цветных и сексуальных меньшинств, женских организаций, за защиту окружающей среды и т.д. Тогда и выросла роль «этнического голоса» и усилились попытки «этнического энтризма». В этот период в рассматриваемом нами районе Тауэр Хэмлетс все политические партии выставили кандидатов от меньшинств, были среди них и бангладешцы.

Специальную работу, посвященную анализу общинной политики в Тауэр Хэмлетс, опубликовал в 1989 г. профессор одного из университетов в Лондоне (университет Вильяма и Мэри) Джон Ид. Как это принято в британских исследованиях «расовой» политики, Джон Ид большое внимание уделяет жилищной проблеме бангладешцев, которую считает основной. По мысли Ида, в 1960–1970-е годы район Спиталфилдс округа Тауэр Хэмлетс, в том числе улица Брик Лейн и окрестности, оказались востребованными бенгальцами-мигрантами из-за дешевизны там съемного жилья. Бенгальцы селились по несколько человек, арендуя недорогие комнаты в районе, постепенно приходившем в упадок. Дело в том, что евреи, некогда составлявшие большинство местного населения, рассредоточились по всему Лондону, а наиболее состоятельная их часть переместилась в северный Лондон. Район Тауэр Хэмлетс хоть и располагался относительно близко к центру, но старый жилой фонд пришел в упадок, его поддержание или восстановление требовало больших инвестиций. Большинство ранее живших здесь истэндцев могло позволить себе покупку сопоставимого по цене, но более качественно-

го жилья в других частях города. Поселившиеся на Брик Лейн и в ее окрестностях бангладешцы устраивались на работу на местных текстильных фабриках, открывали свои небольшие магазинчики.

В дальнейшем, в 1980-е годы лейбористский муниципалитет города стал строить муниципальное жилье для нуждающихся. Иммигранты, в данном случае бангладешцы, могли получить его в порядке очередности, иногда даже пользуясь определенными преимуществами в силу политики позитивной дискриминации, проводимой лейбористами. Позднее часть бангладешцев потеряла работу в текстильной промышленности, ибо система аутсорсинга, т.е. выполнения заказов на более дешевых производственных площадках за рубежом в 1990-е годы, сделала более выгодным создание текстильных фабрик в самой Бангладеш и покупку там готовой продукции. В этой ситуации как никогда остро для Тауэр Хэмлетс встал вопрос безработицы. Молодые бангладешцы, родившиеся и (или) выросшие в этом районе, оказались и без работы, и без перспектив ее получить. Состояние фрустрации приводило многих из них к увлечению наркотиками, к вхождению в местные дворовые криминальные банды. Наркотики, безработица, бандитизм стали тремя важнейшими проблемами, вокруг которых выстраивалась местная политика до начала 2000-х годов.

Отсутствие в течение долгого времени парламентария-мусульманина от района с бангладешским доминированием в Тауэр Хэмлетс (Лондон) объяснялось тем, что традиционно поддерживаемые меньшинствами лейбористы разыгрывали альтернативную этнической карту — «гендерную». Долгое время представителем округа Бетнал Грин была афро-карибка Уна Кинг. Однако в последнее десятилетие игнорировать голоса бангладешцев в этом районе Лондона ни одна партия уже не может. Поэтому с 2010 г. округ в парламенте представляет бангладешка Рушанара Али. До некоторой степени голоса бангладешцев, особенно молодых, сливаются с голосами других мусульман Великобритании — пакистанцев, сомалийцев, индийских мусульман, арабов.

Бангладешцы все больше вовлекаются и в британскую политику, активно участвуя в парламентских выборах (округа Бетнал Грин и Спиталфилдс-Банглатаун (Тауэр Хэмлетс, Лондон) и Брэдфорд Вест (Брадфорд, Зап. Йоркшир).

В округе Бетнал Грин 26 % избирателей составляют «азиаты» (подавляющее большинство которых — бангладешцы). В Спитал-

филдс бангладешцы доминируют. На выборах 1992 г. лейбористы имели в этих округах большинство в 28 % [Asian Times. 29 April 1997]. До конца марта 1997 г. лейбористы не называли своего кандидата в округе Спиталфилдс. Консерваторы назначили здесь своим кандидатом бангладешца Кабира Чаудхури. Бангладешец Сайид Нур-уль-Ислам представлял в округе либеральных демократов. Уже перед самыми выборами кандидатом от лейбористов в округе была назначена Уна Кинг, представительница «цветного» населения и женщин. Поэтому бангладешским активистам было трудно опротестовать решение лейбористов. Кроме того, большинство избирателей округа живет в муниципальных домах. Только лейбористы предложили программу поддержки системы муниципального жилья, гарантировав себе голоса избирателей центральных районов большинства старых городов страны.

Примечательно, что перед парламентскими выборами 1997 г. впервые за историю Великобритании Национальный Совет мечетей опубликовал документ, излагающий ряд рекомендаций избирателям-мусульманам. В руководстве нет призыва поддержать ту или иную партию. Он носит символический характер и содержит лишь призыв к поддержке тех кандидатов, которые уважают семейные ценности, защищают права рабочих и поддерживают законодательство, регламентирующее межэтнические отношения. Глава Совета мечетей д-р Заки Бадави в одном из интервью обвинил политиков всех толков в недостаточном внимании к мусульманам, однако добавил, что лейбористы больше других защищали интересы меньшинств.

Предвыборная кампания используется южноазиатскими избирателями не только для решения своих проблем в местах проживания, но и для поддержки интересов родных и земляков в странах выхода, тем более, что очень многое в жизни регионов выхода актуально и для больших общин в Соединенном Королевстве. И тут, и там существуют группы давления, берущие на себя задачи объяснить или навязать землякам свою позицию по тому или иному большому вопросу. Они апеллируют к своему депутату, который должен задавать в парламенте вопросы, интересующие избирателей.

Молодежные организации бангладешцев способствовали мобилизации бангладешского электората в Тауэр Хэмлетс. Уже в 1982 г. впервые багладешец Нурул Хак стал членом муниципального совета Тауэр Хэмлетс. Кандидаты-бангладешцы чаще стали

выдвигать свои кандидатуры в городской совет Тауэр Хэмлетс, который в настоящее время возглавляет бангладешец Лутфур Рахман.

В 1998 г. в верхней палате парламента — палате лордов стала представлять интересы южноазиатских мусульман и особенно — мусульманок бангладешка Паола уд-дин. Но на выборах в парламента 2001 г. лейбористы не выдвинули ни одного кандидата-бангладешца в округе Спиталфилдс. Они повторили эту игру и в 2005 г. и проиграли выборы в этой надежной «лейбористской цитадели» бывшему лейбористу, перешедшему в небольшую партию «Уважение» (Respect) Джорджу Гэловею. Бангладешцы голосовали за Гэловея, являя образец протестного голосования. Играло роль здесь и то обстоятельство, что кандидат от лейбористов Уна Кинг была женщиной, а бангладешцы по-прежнему консервативны. К тому же она вест-индка, что не добавляло ей популярности у южноазиатцев. В 2010 г. Гэловей, не чувствуя поддержки местного электората, решил не выставлять на выборах свою кандидатуру от округа Спиталфилдс. Здесь, по его мнению, мог выиграть только бангладешец.

В рамках следующей избирательной компании и лейбористы выдвинули представителя бангладешской общины — Рушанару Али, а представители партии Уважения (Respect Party), малой партии, популярной, однако, в отдельных районах Лондона, предложили своего кандидата — Абджол Мияна. Даже инициативная группа «Молодое Движение» (Young Foundation) выдвинула здесь своего кандидата — Аджмала Масрура, имама местной мечети и телеведущего. Наконец, и консерваторы не устояли и предложили своего кандидата — Закир Хана, предпринимателя, бывшего спортсмена и спортивного тренера. Выборы принесли победу Рушанаре Али, получившей более 21 тыс. голосов в своем округе, что составляло более 42 % от всех голосовавших, оставив позади Масрура с более чем 10 тыс. голосов, что составило более 21 % от всех проголосовавших, и других кандидатов. Бангладешцы выказали готовность голосовать за женщину, если она представляет их и за ней стоит влиятельная лейбористская партия. Можно предположить, что часть голосов консервативно настроенных бангладешцев-мужчин была отдана Абджолу Мияну, Аджмалу Масруру, Закир Хану. Рушанара Али сохранила за собой место в парламенте от округа Спиталфилдс и Банглатаун и в 2015 г., когда за нее голосовало 32 тыс. избирателей, что составило 61 % избирателей [BBC Election Results 2015].

Выпускница Оксфорда Рушанара Али показала себя весьма успешным политиком. Известно, что родилась Рушанара Али в Бангладеш, в возрасте семи лет приехала в Британию, выросла в районе Тауэр Хэмлетс, где училась в школе и колледже. Затем она училась в Оксфорде, где изучала политику, философию и экономику. Свою карьеру она начала как борец за права меньшинств, работала в институте публичной политики, а затем в министерстве внутренних дел и в офисе депутата-лейбориста Уны Кинг. Рушанара Али была инициатором создания в Тауэр Хэмлетс летнего университета — организации, призванной способствовать социализации местной бангладешской молодежи и получению ею образования [British Bangladeshi Who's Who 2011].

В июле 2006 г. британская бангладешка Дилвар Хусейн опубликовала на сайте «Открытая Демократия» свое исследование изменений политических интересов бангладешцев, произошедших за последние десятилетия. Основной вывод Хусейн следующий: «Бангладешцы в Лондоне все больше отходят от светских взглядов и все больше поддерживают так называемых фундаменталистов и исламистов». Одной из главных причин радикализации бангладешцев в Лондоне Хусейн называет «дело Рушди».

С конца 1980-х годов бангладешцы наряду с иранцами, пакистанцами, индийскими мусульманами выступали с требованиями наказания за хулу в адрес своей религии, первым объектом их ненависти стал писатель-мусульманин индийского происхождения Салман Рушди. Его роман «Дети полуночи» рассорил автора с Индирой Ганди и ее семьей, а книга «Сатанинские стихи», опубликованная в 1988 г., вызвала острую реакцию мусульман, ибо в ней усмотрели карикатурное изображение пророка Мухаммеда и его жен. 14 января 1989 г. совет мечетей г. Брэдфорда принял решение о необходимости сожжения романа. Вскоре после публичного уничтожения части тиража членами совета парламентарии Пэт Уолл и Макс Маддан выступили с умеренной критикой Рушди. Маддан, в чьем избирательном округе (Брадфорд Вест) мусульмане составляли большинство, призвал обсудить в прессе и по телевидению вопрос о распространении наказания за оскорбление религии не только на хулителей христианства, но и на критиков ислама.

В феврале 1989 г. после издания фетвы аятоллы Хомейни относительно книги Рушди в Брэдфорде прозвучали призывы к казни автора «Сатанинских стихов» и сожжению его книги. Группы моло-

дых активистов, выступавших за наказание Рушди и введение в Британии уголовного наказания за хулу на пророка Мухаммеда и ислам, возникли и в Тауэр Хэмлетс.

Незавидное положение молодых бангладешцев и других мусульман Соединенного Королевства осложняется общей неудовлетворенностью детей иммигрантов из Южной Азии безработицей и плохими жилищными условиями, трагическим восприятием ими судеб арабских и других стран со значительным по численности мусульманским населением. Следствием этого становятся беспорядки (riots), до 1990-х годов трактовавшиеся как «расовые бунты», но в последние десятилетия часто рассматриваемые как беспорядки, вызванные исламистами. Если до 1980-х годов волнения на расовой почве характеризовались насилием в отношении представителей этнорасовых меньшинств, то через десятилетие афро-карибцы (вест-индцы), индийцы, пакистанцы все чаще сами напоминают о своих проблемах битьем стекол, поджогами машин, гаражей, зданий, причинением другого ущерба членам «белого большинства».

В июне 1995 г. произошли самые масштабные «расовые беспорядки» в Брэдфорде, начавшиеся со столкновений подростково-мигрантов (пакистанцев) с полицией. Центром беспорядков стал район Мэннингэм, некогда центр города, а сейчас — зона старой викторианской застройки, недорогих домов, в которых селятся маргинальные группы населения. Став центром пакистанского расселения, Мэннингэм в силу дешевизны жилья сохранил значение и района «красных фонарей». После показа сериала о брэдфордских «жрицах любви» Мэннингэм «прославился». Попытка молодежных групп мусульман установить контроль над районом и не допустить в него «сомнительные элементы» привели к столкновению с полицией Брэдфорда.

Беспорядки в «малом Пакистане» как нередко называют Брэдфорд, начались в пятницу, которая почитается как особый для мусульман день общей молитвы, 9 июня 1995 г. Стоило только подросткам-мигрантам ввязаться в перепалку с полицейскими, как она закончилась их арестом. Преследуя одного из молодых хулиганов, Джавида Ранджа, 20-ти лет, полицейские вошли в его дом. Вслед за Джавидом они проникли в женскую его половину, где в это время обедали мать, младший брат и сестра Джавида. Это было расценено как нарушение «иззат» — чести семьи. В Брэдфорде начались поджоги машин, битье стекол, потасовки мирпурской молодежи с полицией.

Беспорядки перекинулись на соседний Лидс [Daily Times 12. June 1995], а сочувствие молодым мусульманам Йоркшира выразили бангладешцы Лондона и Бирмингема. В докладе правительственной комиссии об июньских событиях в Брэдфорде вина за беспорядки возлагается как на полицейских, пренебрегших нормами восточного этикета, так и на лидеров мусульманских общин, потерявших контроль над своей молодежью [Asian Age 1996]. Главной причиной беспорядков в Брэдфорде был назван антагонизм между «цветной» молодежью и полицией.

Новые беспорядки возникли в северных английских городах Брэдфорде, Олдхэме и Бернли летом 2001 г. Тогда взаимную ненависть выразили представители мусульманской молодежи и белые подростки. Дэвид Бланкетт, занимавший в то время пост министра внутренних дел Великобритании, признал, что в связи с концентрацией «азиатов» в отсталых районах центра и попытками правительства улучшить ситуацию именно в этих районах, у многих англичан сложилось впечатление, что «азиаты получают всю помощь» [Hindleу 2002: 59]. «Расовые беспорядки» в 2001 г. начались с криминальной войны между «белыми» и «индийскими» наркодельцами, но позднее их трактовали как «расовые» беспорядки. Дэвид Бланкетт увидел проблему в замыкании мусульман Британии в своих районах. Премьер-министр Великобритании Энтони Блэр в этой связи признал, что любые международные конфликты, в которые вовлечены Запад и мусульманские страны, могут спровоцировать столкновения [Times of India 2000].

Террористическая атака на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г., естественно, не оставила равнодушными молодых мусульман Великобритании. После событий 11 сентября 2001 г. и участия Великобритании в оккупации Ирака отмечается поляризация позиций британского истеблишмента и британских мусульман. В новых условиях была пересмотрена политика мультикультурализма. Мусульман Британии призвали изучать язык, традиции, нормы принимающего общества. В британских периодических изданиях (New Stateman, The Guardian, Observer, The Times) прозвучал призыв принятия доминирующей культуры при сохранении и культур меньшинств. Рост напряженности между странами Запада (прежде всего США) и миром ислама вызвал также внутреннюю напряженность в Соединенном Королевстве. Среди мусульман страны прозвучал призыв «наказать» Лондон.

7 июля 2005 г. — на следующий день после объявления Лондона столицей Олимпиады—2012 и в день саммита лидеров ведущих стран мира, а также на второй день после начала суда над радикальным имамом египтянином Абу Хамзой, многие годы проповедовавшим идею джихада в лондонских мечетях, в британской столице почти одновременно прозвучали три взрыва в тоннелях метро недалеко от станций Алдгейт, Кингс Кросс и Рассел Сквер. Через час произошел взрыв на двухэтажном автобусе, шедшем по 30-му маршруту и находившемся на Тэвисток Сквер. Четыре террориста-самоубийцы погибли, убив при этом пятьдесят два человека. Почти сразу после трагедии заговорили об «исламском следе» преступления.

Ответственность за взрывы взяли на себя организации «Secret Organisation. Al-Qaeda in Europe» и сама «Аль-Каида». Взрывы были объявлены мстью, даже наказанием Англии за участие в войне в Афганистане и оккупации Ирака. Исполнителями преступления, организованного Аль-Каидой, считают погибших вместе со своими жертвами самоубийц Хасиба Хусейна, Джалала Линдсея, Шехзада Танвира и Мохаммеда Сидик Хана — трех пакистанцев и одного обращенного в ислам афро-карибца. Террористы прибыли из Лидса. Но и в Лондоне у них могли быть единомышленники. В лондонском районе Тауэр Хэмлетс известие о теракте вызвало неоднозначную реакцию. Звучали здесь и слова сочувствия жертвам, были попытки понять и оправдать террористов.

Примечательно, что за последние годы в Тауэр Хэмлетс вырос авторитет Соборной мечети Восточного Лондона — East London Mosque — и движения, стоящего за деятельностью этой мечети, — «Джамиат-е-ислами». Отметим, что сам маулана выступал против раздела Индии по конфессиональному принципу, утверждая, что «кабийя», или «трибализм», деление человечества на народы, расы, племена, противоречит замыслу Аллаха и что национализм, даже с религиозным оттенком — дело рук шайтана. «Джамиат-е-ислами» выступала и против раскола Пакистана на собственно Пакистан и Бангладеш. В молодом восточно-бенгальском государстве это расценили как предательство.

Исламских фундаменталистов в Бангладеш в 1970—1980-е годы считали предателями и пособниками карателей. В 2000-е годы, однако, напряженность спала. Руководство «Джамиат-е-ислами» публично извинилось за «ошибки». Но в мае 2016 г. ряд лиде-

ров «Джамиат-е-ислами» были казнены в Бангладеш, что вызвало протесты в Восточном Лондоне и спровоцировало рост радикальных исламистских настроений среди лондонских бангладешцев.

Проблемы государства Бангладеш в политике Тауэр Хэмлетс последних лет имеют все меньшее значение, но усиливаются проблемы наркотиков, молодежных банд, безработицы. Большой резонанс получили также военные конфликты, в которых Великобритания втянута против арабских стран (войны в Персидском Заливе, позднее — уничтожение режима Муаммара Каддафи в Ливии, конфликт в Сирии). Наиболее политически активными оказались бывшие нарушители спокойствия, кто вошел в тридцатилетний возраст и склонен придерживаться консервативных позиций [Hussain: 2006]. Примечательно, что по призыву «Джамиат-е-ислами» на парламентских выборах 2002 г. бангладешцы Тауэр Хэмлетса голосовали за независимого кандидата Джорджа Гэллоуея, который критиковал «новых лейбористов» в том числе за их внешнюю политику и добивался освобождения пленных мусульман-британцев. Джордж Гэллоуей оказался более приемлем, чем лейбористский кандидат, хотя последний представлял партию, обеспечившую значительную часть бангладешцев района муниципальным жильем.

Хусейн не без опасения наблюдает происходящие метаморфозы, частично обвиняя в них и британскую политику мультикультурализма: «Если в ранние периоды британские бангладешцы были известны как национальная группа, теперь их видят как часть однородной мусульманской общины. В этом заключается ирония мультикультурализма: политика, направленная на признание различий, открыла дорогу фундаментализму. Исламисты больше всех выиграли от этих изменений. Средства масс-медиа могут изображать их “отсталыми” и “средневековыми”, отрицающими британские ценности, но их требования к британскому правительству получают легальный статус в созданной государством структуре (мультикультурализма. — *И.К.*)» [Husain: 2006].

Конечно, позиции светских групп бангладешцев Лондона еще окончательно не потеряны. За ними остается главная неправительственная организация «Свадхината», традиционно получающая поддержку британского правительства и занимающаяся и общественной работой среди молодых безработных бангладешцев.

4.2. Роль общественных организаций как агентов социализации бангладешцев

В настоящее время бангладешцами в Великобритании сформированы различные организации, ассоциации и сообщества профессионального и социально-культурного характера. Все они вносят значительный вклад в сохранение национальной культуры и традиций, а их деятельность во многом направлена на защиту прав бангладешцев [Faruque 2006: 234]. В данном разделе особое внимание будет уделено рассмотрению деятельности наиболее крупных их организаций в Лондоне.

Целью создания первых обществ такого характера в Великобритании было оказание помощи прибывшим мигрантам из Бангладеш. Они занимались вопросами занятости, получения жилья и изучения английского языка, который полагалось знать всем прибывающим в Англию трудовым мигрантам.

Новое направление в деятельности таких организаций возникло в период войны за независимость Бангладеш 1971 г. Это было действие борцам за независимость и участие в формировании мнения британской и мировой общественности в пользу Бангладеш. Еще одним значимым этапом стало создание в 1970–1980-х годов молодежных организаций, целью которых было противостояние деятельности прорасистски настроенных представителей британского общества. Впоследствии такие объединения продолжали защиту прав британских бангладешцев и в других сферах.

Исследуем деятельность нескольких наиболее крупных организаций британских бангладешцев социокультурного и научно-образовательного характера. Деятельность наиболее ранних организаций относится к началу 1950–1960-х годов. В настоящее время эти организации вносят значительный вклад в развитие социальной поддержки бангладешской общины. Кроме того, данные организации способствуют сохранению членами бангладешской общины связи с родной культурой, историей, литературой и традициями.

Бангладешские социальные организации в Лондоне

Бангладешская ассоциация социального обеспечения (Bangladesh Welfare Association)

Данная ассоциация является одной из самых значимых для бангладешцев организаций Лондона. История ее основания отно-

сится к периоду 1950–1960-х годов, когда после Второй мировой войны силхетцы, иммигрировавшие в Великобританию, в особенности прибывавшие в страну по морю, сталкивались с различного рода проблемами, вызванными незнанием или недостаточным владением языком, трудностями в получении жилья или устройстве на работу. В 1952 г. в Лондоне были созданы две организации: Пакистанская ассоциация социального обеспечения (Pakistan Welfare Association) и Пакистанский образовательный центр (Pakistan Educational Centre). Пакистанскую ассоциацию социального обеспечения возглавляли некоторые из представителей ресторанного бизнеса: Абдул Маннан (Sanu Miah), Суратур Рахман (Surat Miah) и Монфор Али (Monfor Ali). В 1964 г. было принято решение купить здание для размещения данной организации. Выходцы из Пакистана начали активно собирать средства для осуществления этого решения. Наконец в 1965 г. им удалось приобрести четырехэтажное здание № 39 на Фурньер стрит (Fournier Street), неподалеку от улицы Брик Лейн. Это место стало постоянным адресом для Пакистанской ассоциации социального обеспечения. Позднее здание получило имя «Шахид Бхабан» (бенг. — «Дом Шахидов») в память о мучениках молодежного движения, погибших в результате борьбы за сохранение родного языка в 1954 г. в Бангладеш.

Эта организация оказала значительную поддержку борцам за независимость Бангладеш в ходе вооруженного конфликта 1971 г. В этом же году, после провозглашения независимости Бангладеш, организация была переименована и получила свое теперешнее название «Бангладешская ассоциация социального обеспечения» (Bangladesh Welfare Association) [Faruque 2006: 137]. В настоящее время члены ассоциации продолжают защищать интересы выходцев из Бангладеш и их потомков.

Центр «Коби Назрул» (Kobi Nazrul Centre)

Несмотря на то что многие люди покидали Бангладеш по экономическим, социальным или другим причинам, среди старшего поколения бангладешцев, оставшихся в Великобритании на постоянное местожительство, нашлось немало ценителей родной литературы и творчества национальных поэтов и писателей. В Восточном Лондоне 23 октября 1982 г. на Ханберри Стрит (Hunbury street) был открыт «Центр Коби Назрул» (Kobi Nazrul Centre) в па-

мать о творчестве поэта Кази Назрул Ислама. Этот центр играет важную роль в поддержании высокого статуса литературы, культуры и традиций Бангладеш. Центр существует при поддержке и сотрудничестве молодежи и людей старшего поколения, следуя лучшим бенгальским традициям. В сентябре 1994 г. именем Кази Назрул Ислама была названа новая начальная школа на Сеттлз Стрит (Settles Street) в Восточном Лондоне. Эта школа расположена неподалеку от Восточной мечети Лондона. Центр Коби Назрул всячески способствует и поощряет молодое поколение выходцев из Бангладеш к изучению родного бенгальского языка и культуры, а также жизни и творчества своего национального поэта Кази Назрул Ислама.

Бангладешский центр (Bangladesh Centre)

Бангладешский центр — одна из старейших организаций, основанных выходцами из Бангладеш в Великобритании. Первоначально она располагалась в Лондоне по адресу Пэмбридж Гарден № 24 (Pambrige Garden). С этим центром тесно связана история войны за независимость 1971 г. Представители этого центра собрали значительные денежные средства в поддержку освободительной борьбы и оказали значительное влияние на мнение британской и мировой общественности о целесообразности ведения военных действий для обретения Бангладеш независимости от Пакистана.

После знаменитой речи Шейха Муджибура Рахмана о независимости Бангладеш, произнесенной им в Лондоне, над зданием Бангладешского центра впервые в Лондоне поднялся флаг независимого государства Бангладеш. До января 1972 г. в здании центра работал специальный представитель бангладешского правительства — судья Абу Сайид Чоудхари (Justice Abu Sayeed Chowdhury). До марта 1974 г. здесь располагалось дипломатическое представительство Бангладеш. Позднее офис дипломатического представительства Бангладеш перевели в район Квинс Гейт (Queens Gate) на юго-востоке Лондона, и здание на Пэмбридж Гарден назвали Бангладешским центром. Этот центр выполняет следующие функции: предоставляет гостиничные услуги, вмещает в себя языковую и музыкальную школы, дает советы в области социального обеспечения, а также устраивает культурные мероприятия.

*Совет Большого Силхета в Великобритании
по развитию и социальному обеспечению
(Greater Sylhet Development and Welfare Council UK)*

Это добровольная организация была создана в 1993 г., ее деятельность направлена на обеспечение социального благополучия бангладешцев в Великобритании. Совет Большого Силхета имеет 12 комитетов, представляющих интересы бангладешской общины в различных регионах страны. В деятельности Совета участвуют более 15 тыс. членов. Идея о создании данной организации возникла в начале 1990-х годов в процессе многочисленных встреч и дискуссий, проводимых внутри бангладешской общины в Лондоне, Бирмингеме и Эдинбурге. В июле 1991 г. организация получила свое современное название, а официальное торжество в честь создания Совета Большого Силхета состоялось в Бирмингеме в апреле 1993 г. Первым председателем Совета был избран Вахидуддин Ахмед Кутуб (Wahiduddin Ahmed Kutub). В настоящее время эта организация является самым большим демократическим объединением силхетских бангладешцев в Великобритании [Faruque 2006: 239].

4.3. Молодежные общества и представительство бангладешцев в политических организациях и муниципальных учреждениях Великобритании

Создание первых молодежных групп и сообществ британских бангладешцев относится к середине 1970-х годов. Первоначально деятельность многих из них носила характер антирасистских кампаний или музыкальных и театральных представлений, демонстрирующих культурное многообразие лондонского Ист Энда и бенгальскую составляющую мультикультурного спектра. Именно на эти цели выделял средства лейбористский муниципалитет Тауэр Хэмлетс. Старейшая Бангладешская ассоциация социальной поддержки (Bangladesh Welfare Association) эти функции не выполняла. Молодое поколение британских бангладешцев приступило к созданию новых организаций. В интервью Мохаммеда Абдус Салама, жителя района Тауэр Хэмлетс, опубликованного доктором Фаруком, приведены слова, характеризующие сложную проблематику того периода: «Я приехал из Бангладеш, ранее Восточного Пакистана, вместе с родителями. Я, как и другие, столкнулся с расистскими проблемами в школе и на улице. Я осознал, что жить в этой стране будет труд-

но. Позже я встретил друзей того же возраста, что и я, на Брик Лейн. Мы думали, что мы живем здесь, нам придется бороться. Но как? Мы поняли, что для политической и социальной борьбы нам нужно иметь соответствующий уровень образования» [Faruque 2006: 62].

В 1970-х годах при содействии муниципалитета в Тауэр Хэмлетс были созданы Молодежная лига Бангладеш (Bangladesh Youth League), Молодежное движение Бангладеш (Bangladesh Youth Movement), Молодежный фронт Бангладеш (Bangladesh Youth Front), Молодежная ассоциация Бангладеш (Bangladesh Youth Association). Создатели Молодежной лиги Бангладеш (Bangladesh Youth League) занимались в основном политической деятельностью. Других в большей степени интересовало оказание социальной помощи бангладешской молодежи и проведение культурных мероприятий.

Штаб-квартира Молодежного фронта Бангладеш находится на Брик Лейн, а Молодежное движение Бангладеш расположено к югу от Коммершиал Роуд (Commercial Road) в районе Кэнон Стрит Роуд (Cannon Street Road). Организация Молодежное движение Бангладеш (Bangladesh Youth Movement) была одним из создателей культурного центра бангладешцев — Центра Коби Назрул в Восточном Лондоне.

Молодежные организации бангладешцев, созданные в 1970-е годы, действовали разрозненно. Осознав необходимость некоей объединяющей их «зонтичной организации», они создали Федерацию Бангладешских молодежных ассоциаций (Federation of Bangladesh Youth Association — FBYO).

В начале 1970-х годов одной из важнейших своих задач молодые бангладешские активисты считали борьбу с расистами из партии Британский национальный фронт и других родственных ей структур. Эти движения имели большую поддержку среди деклассированных элементов «белого» населения Лондона, особенно среди безработных ирландцев и англичан. В районе Брик Лейн не раз происходили столкновения расистов и антирасистских группировок бангладешцев. Впрочем, порой это напоминало стычки молодежных банд, объединенных по расовому признаку, но занятых порой, несмотря на громкие политические лозунги, разделом территории и борьбой за контроль над сбытом наркотиков.

Активисты Британского национального фронта активно действовали в районе Тауэр Хэмлетс и не раз устраивали публичные шествия по Брик Лейн, напоминающие шествия протестантов-

оранжистов по районам Белфаста и других городов Северной Ирландии. Активисты этого движения называли иммигрантов главными виновниками бед «белого» населения, забравшими у него работу, перспективу получить новое муниципальное жилье и пособия по безработице [Tales of Three Generations 2006: 77]. Активисты Британского национального фронта распространяли на улицах литературу расистского содержания, выступали с провокационными речами.

Представители бангладешских молодежных организаций решили остановить эту деятельность, организуя «заградительные патрули». Эти действия вели к активизации бангладешцев. В 1978 г. убийство молодого бангладешца Альтаба Али стало катализатором политической и антирасистской активности бангладешской молодежи. Молодежные организации провели марш протеста против убийства на расовой почве, в котором приняли участие более 2 тыс. чел.

Постепенно антирасистские марши в районах Брик Лейн и Бетнал Грин стали проводиться почти каждое воскресенье. Это привлекло внимание местных муниципальных властей и испугало активистов Британского национального фронта, перенесших основную активность на более удаленный участок Тауэр Хэмлетс — район «Айл оф Догс» («Собачий остров»), расположенный напротив Гринвича. Даже расистски настроенные британцы были вынуждены считаться с молодежными организациями бангладешцев как с влиятельной силой в Тауэр Хэмлетс [Tales of Three Generations 2006: 78].

Тем не менее еще в конце 1970 — начале 1980-х годов ситуация оставалась напряженной. Многие коренные англичане и ирландцы, проживавшие в Тауэр Хэмлетс, в течение нескольких поколений по-прежнему не могли согласиться с соседством «новых граждан» из числа иммигрантов, особенно бангладешцев. Они даже писали жалобы в газеты по поводу своих соседей, «странных людей, готовящих странную еду, говорящих на чужом языке и имеющих чуждые обычаи и привычки, и т.д.» [Ibid: 79]. В этот же период в районе Брик Лейн и Кэннон Стрит Роуд (Cannon Street Road) нередко случались рукопашные схватки между членами бангладешской общины и представителями Национального фронта. В итоге территория осталась за бангладешцами. Однако в 1980-х годах еще существовали «запрещенные зоны и жилые комплексы» (no-go area) для бангладешцев, в частности в районе Бетнал Грин [Tales of Three

Generations 2006: 81], где появление членов общины в одиночку было опасно.

Активная деятельность бангладешской общины в Великобритании оказывает все возрастающее влияние на жизнь местного общества. Молодежные организации, чья деятельность изначально была направлена на сохранение культурного наследия бангладешцев в условиях миграции, в связи с усилением расистских настроений были вынуждены учиться обеспечивать правовую и социальную защиту бангладешцев в принимающем обществе.

В настоящее время отчетливо видно стремление бангладешской молодежи участвовать в социальных и политических процессах, появляется необходимость в развитии соответствующей документально-правовой базы и поддержке местных муниципальных советов.

Глава 5

ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ БАНГЛАДЕШЦЕВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

5.1. Проблемы самоидентификации бангладешцев в Великобритании

Рассмотрение проблемы самоидентификации бангладешцев в Великобритании предполагает обращение к отечественным и зарубежным публикациям по проблемам этничности, этнической идентификации, миграции населения и существования этнических групп иммигрантского происхождения в инокультурной среде.

Проблема этнической идентификации стала особенно актуальна по причине интенсивных социальных и политических изменений в современном обществе. С одной стороны, происходит интенсификация международных хозяйственных и культурных связей, создание глобальной коммуникационной и транспортной структуры. Люди, оказавшиеся вдали от исторической родины и родственников, сохраняют с ними многочисленные виртуальные связи. С другой стороны, возвращается интерес к малой родине, этнической самобытности, тому, что выделяет культурно-близких людей [Соболева, Эпштейн 2004: 246].

Особое внимание исследователями проблем этнической идентификации уделяется феномену межэтнических отношений и взаимодействий между этническими общностями. Акценты ставятся на раскрытии закономерностей и особенностей процессов взаимодействия этносов, психологии конфликтов, соперничества, сотрудничества, межэтнической коммуникации, процессов аккультурации и адаптации [Афонасенко 2007: 5].

В настоящее время в научной среде придается особая актуальность исследованиям, посвященным формированию, развитию и функционированию этнического самосознания в условиях инокультурной среды. Интенсивное развитие межкультурных контактов делает актуальной проблему не только культурной, но и этниче-

ской идентичности. Содержание этнической идентичности составляют разного рода этносоциальные представления, разделяемые в той или иной степени членами данной этнической группы. Эти представления формируются в процессе внутрикультурной социализации и во взаимодействии с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения и государственности. Центральное место среди этносоциальных представлений занимают образы собственной и других этнических групп. Совокупность этих знаний связывает членов данной этнической группы и служит основой ее отличия от других этнических групп. Этническая идентичность — это не только принятие определенных групповых представлений, образа мыслей и разделяемых этнических чувств. Она также означает построение системы отношений и действий в различных межэтнических контактах. С ее помощью человек определяет свое место в полиэтническом обществе и усваивает способы поведения внутри и вне своей группы. Для каждого человека этническая идентичность означает осознание им своей принадлежности к определенной этнической общности, уникальности и неповторимости своего этноса. Многие авторы придерживаются мнения, согласно которому этничность — «прежде всего разделяемая членами группы культурная общность с объективными характеристиками принадлежности: территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и даже психологический склад» [Тишков 1997: 4].

Среди антропологов культурная теория этничности на протяжении долгих лет остается объектом разнообразных исследований. Сторонники культурно-языковой или психо-культурной интерпретации этничности иногда ссылаются на знаменитого американского лингвиста Эдварда Сэпира, который полагал, что «подлинная» культура на уровне индивида может выражаться только на одном, «родном» языке. Второй, приобретенный язык, никогда не сможет обрести эмоциональное богатство, которое передается через язык, на котором человек говорит от рождения. Поэтому изменения этнической идентичности могут рассматриваться как навязанные и неестественные, если они происходят уже со взрослым человеком [Тишков 1997: 5].

Норвежский ученый Фредерик Барт, анализируя феномен этничности, выделил следующее определение, которое в дальнейшем

было названо конструктивистским подходом. «Этническую идентичность следует рассматривать больше как форму социальной организации, чем выражение определенного культурного комплекса» [Barth 1989: 120]. «Процесс рекрутирования в состав группы, определения и сохранения ее границ свидетельствует, что этнические группы и их характеристики являются результатом исторических, экономических и политических обстоятельств и ситуативных воздействий» [Barth 1969: 15].

Существует также инструменталистский подход к термину «этничность». Этот подход ориентирован на рациональное рассмотрение этничности как инструмента. Под этим подразумевается, что этничность может использоваться в целях социальной мобильности, преодоления доминирования и подчинения, социального контроля, осуществления взаимных услуг и социального поведения. Инструменталистский подход позволил исследователям сделать ряд важных выводов и наблюдений, особенно в сфере экономических и социальных отношений, а также в сфере политики, языковых и межэтнических контактов [Тишков 1997: 6].

Иммигранты и их потомки, формирующие этнические меньшинства, являются предметом пристального изучения американских, британских, канадских антропологов и социологов в силу своей непохожести на представителей большинства, непохожести, получившей название «этничность», и восходящей к греческому слову «этнос» — «народ».

Гарвардская Энциклопедия этнических групп в США [Harvard Encyclopedia 1980], рассматривающая преимущественно именно иммигрантские по происхождению группы, перечисляет следующие характерные черты этнической группы:

1. Общее географическое происхождение.
2. Статус мигранта.
3. Принадлежность к той или иной расе (понимаемой весьма широко).
4. Язык или диалект.
5. Религиозная принадлежность или исповедуемые религии.
6. Родственные, соседские, коммунные и другие связи, а также факторы разграничения между общинами.
7. Разделяемые традиции, ценности и символы.
8. Литература, фольклор и музыка.
9. Пищевые предпочтения и запреты.

10. Районы проживания и экономические ниши.

11. Интерес к проблемам политики стран происхождения и принимающих стран.

12. Учреждения, служащие целям группы и поддерживающие ее сохранение.

13. Присущее членам группы чувство своей особенности.

14. Восприятие посторонними данной общности как особой группы.

Отечественные исследователи уделили внимание такому связанному с понятием этноса явлению, как этническое самосознание, которое «сформировавшись в ходе этногенеза, фактически выступает затем не только как важнейший определитель принадлежности, отгесняющий в этом отношении даже признак родного языка, но и как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их в этническом отношении другим этносам» [Бромлей, Козлов 1987: 6]. Для этноса характерны определенная территория и язык, но он может и не обладать ими или утратить их: «В ходе исторического процесса может значительно измениться этническая территория, а некоторые части этноса могут даже отколоться от его основного ядра; может измениться словарный состав языка, его морфологические, синтаксические и другие особенности, а некоторые части этноса вообще могут сменить язык, т.е. подвергнуться языковой ассимиляции; может сильно измениться материальная и духовная культура и т.д., но пока у входящих в этнос людей сохраняются специфические этнические черты и самоназвание, этнос продолжает существовать как таковой» [Бромлей, Козлов 1987: 6–7].

Исследователи опираются на трактовку термина «этнос», предложенного Ю.В. Бромлеем. Этнос понимается как «исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований» [Бромлей 1973: 37]. При этом данное определение дополняется рядом характеристик, традиционно выделяемых представителями конструктивистских и инструменталистских течений в этносоциологии. Решающая роль принадлежит этническому самосознанию, возрастающему по мере увеличения «спроса» на этничность; границы этноса определяются через дихотомию «мы» и «они», однако противопоставление переходит в противостояние под влиянием экономических и политических факторов; этнос

является одной из наиболее надежных «групп поддержки» человека, при этом этничность выступает как способ преодоления отчуждения, превращения чуждого социального мира в «свой».

Необходимость вовлечения в научный оборот западной литературы об этничности и задача определения качества «этнического», присущего любому этносу помимо его основных (порой отсутствующих) признаков, побудила С.В. Чешко дать следующее определение этому феномену: «Этничность, с одной стороны, — это представление о групповой солидарности, основанное на представлениях же об общих (не всегда реально общих) происхождении, исторических судьбах, интересах и культуре. С другой стороны, такие представления имеют объективную основу — они действительно вырабатываются реально существующими группами людей (народами), занимающими относительно обособленное положение в окружающей социальной среде» [Чешко 1994: 40].

В 1995 г. появилась статья В.И. Козлова «Проблематика «этничности»», где автор предлагает понимать «этничность» как «совокупность признаков или свойств, отличающих один реально существующий этнос от другого» [Козлов 1995: 50]. В 1997 г. вышла статья В.А. Тишкова, продолжившая дискуссию о феномене этничности. Он делает вывод о том, что «этническая идентичность — это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, но это всегда борьба за контроль над данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы».

Проблема идентификации, т.е. «эмоционального самоотождествления личности с другим человеком, группой, образом» [Идентификация: 105], очень важна для бангладешцев. Представители британских социальных низов (так называемый «андеркласс») из числа коренных англичан, валлийцев, шотландцев, а также ирландцев, определяющих себя как «белые», в том числе и в переписях населения, склонны идентифицировать бангладешцев как «черных», «цветных», «паки(станцев)», «мусульман». Лишь конфессионизм «мусульманин» оказывается приемлемым, но не единственным идентификатором для самих бангладешцев. Переписи населения 1991, 2001 и 2011 гг. предлагают широкий выбор идентификаций на выбор, в том числе — «азиаты», а в рамках этнорасовой категории «азиаты» мы видим опции-политонимы «индийцы», «пакистанцы» и «бангладешцы». В качестве наиболее приемлемых категорий

самоидентификации, как показали результаты переписей, для бангладешцев стали категории «азиаты» и «бангладешцы». Перепись 2011 г. предложила также весьма востребованную категорию «британские бангладешцы». «Энциклопедия социальной и культурной антропологии» определяет «ethnic identity» как «сходство, то, с чем личность ассоциирует себя или ассоциируется другими с какими-то группами или категориями, на основе какой-то важной черты» [Encyclopedia 2001: 292].

Е.М. Галкина замечает, что «в этническую идентификацию включается совокупность представлений как об этнообъединяющих, так и этноразграничительных признаках, проявляющихся при определении человеком связей со своим этносом и при сопоставлении “своей” этнической общности с другими» [Галкина 1993: 5].

Огромное влияние на формирование этнических общностей и «чувства этничности» имеют государственные структуры, которые могут манипулировать этническим самосознанием и конструировать этническую общность, используя те культурные, религиозные и социальные традиции, которые существуют в интегрируемом обществе. Многие события современности показывают, как власть и государственная администрация превращают культурные различия в основу для политической разобщенности между народами. В данном исследовании это положение рассмотрено на примере разделения в 1947 г. единого государства Индии по конфессиональному признаку на Индию и Западный и Восточный Пакистан. В свою очередь из состава Пакистана в 1971 г. в ходе войны за независимость выделилась по национальному признаку независимая республика Бангладеш, до этого времени входившая в состав государства как Восточный Пакистан.

Отметим также влияние внешних факторов на характер самоидентификации того или иного индивидуума или группы. Специфика расовых представлений и особенности проведения переписи, религиозная и политическая пропаганда предлагают индивидууму или группе ряд экзоэтнонимов, порой — приемлемых для индивидуума или группы, порой — отвергаемых ими.

До 1991 г. переписи Великобритании содержали только информацию о странах, откуда приехали лица, рожденные вне Соединенного Королевства. Это подчас вызывало путаницу и курьезы. Так, отставные солдаты-сикхи (индийцы) и гуркхи (непальцы), прибывшие в Соединенное Королевство из Кипра, где они находи-

лись в 1950-х годах в составе британских войск и полицейских частей, технически учитывались как иммигранты-киприоты. Тот факт, что многие называвшие себя индийцами прибывали с территории Пакистана, а «пакистанцы» — с территории Индии, не добавлял ясности в ситуацию. Как уже говорилось, республика Бангладеш была признана мировым сообществом, включая Великобританию, лишь в 1972 г. Британские исследователи многие годы лоббировали в правительстве необходимость введения в общebritанские переписи населения категорию «этничность», и она наконец появилась в 1991 г.

В 2001 г. в переписные листы была добавлена категория «религиозная принадлежность», сохранившаяся и в 2011 г., наряду с «этничностью». В некоторых комментариях эта категория трактуется исследователями как «национальная идентичность», между ними ставится знак равенства. Для нас важно то, что человек вправе сам определить свою этничность из ряда предложенных категорий, причем они образуют сложную номенклатуру из «этнорасовых категорий» («белый»), региональных категорий («азиат»), политонимов («индиец», «пакистанец», «бангладешец»). Перепись 2011 г. предлагает уточнения, подчеркивающие лояльность принимающего государства, например «британский бангладешец».

5.2. Соотношение национального и конфессионального фактора в самоидентификации мигрантов и их потомков

В течение последних десятилетий существенно изменилось отношение британских бангладешцев к собственной идентификации. Как отмечалось ранее, этническая идентификация может изменяться под действием разных причин, что можно наблюдать на примере нескольких поколений оставшихся в Великобритании на постоянное местожительство эмигрантов из Бангладеш, а также их потомков.

Следует сказать о важных изменениях, которые наблюдаются в мировоззрении детей бывших иммигрантов, рожденных и выросших в Великобритании. Если их родители могли с уверенностью назвать себя прежде всего бенгальцами (а с 1971 г. — бангладешцами), то в настоящее время молодые люди затрудняются с однозначным выбором. Сложность ситуации заключается в ответе на вопрос о том, что именно выбрать в качестве основного идентификационного признака: религию, национальную культуру или британский

образ жизни — и в зависимости от этого идентифицировать себя как мусульманина, бангладешца или британца.

Ислам играет огромную роль в жизни бангладешцев на родине и за рубежом. Как и другие мусульмане, бангладешцы следуют пяти основным положениям — «столпам ислама» (“аркан-уль-ислам”), т.е. почитают Бога под именем Аллах единым и единственным, а Мухаммада — величайшим и последним из пророков, совершают ежедневную пятикратную молитву, держат пост в месяц рамадан, жертвуют деньги на нужды бедных или для блага общины (закят) и стараются хотя бы раз в жизни совершить паломничество (хадж) в Мекку и Медину. При этом большая часть бангладешцев, особенно старшее поколение, относятся к традиционалистам, исповедуя ислам в той форме, которая была известна в Бенгалии многие столетия и которая допускает поклонение святым и их могилам. В Бенгалии популярны суфийские братства чиштие и сухравардийе, а среди отдельных святых сохраняется культ упомянутого ранее святого Шах Джалаля. Традиционалисты, известные как «барелви» — по имени одного из идеологов традиционного ислама Сайид Ахмад Хана Барелви, посещают могилы известных пиров, отмечают дни их памяти — *урс*, имеют при себе амулеты *тавиз-ганда*, практикуют чтение Корана от начала до конца (*хатм-е-куран*), придавая этому действию магическую функцию.

Радикально настроенные реформаторы ислама, в Бангладеш и в бангладешской диаспоре известные как дебандхи — по названию мусульманского университета Дар уль-улум в Деобандхе (Северная Индия), требуют возрождения изначального монотеизма этой религии, отказа от поклонения людям, могилам и амулетам.

В то время как для первого поколения иммигрантов связь с родиной была вполне естественным явлением, для их потомков, рожденных в Великобритании, ситуация предстает уже в несколько ином свете. Многие представители молодого поколения, воспитанные в условиях жизни среди представителей другой культуры, приезжая в Бангладеш, чтобы прикоснуться к истокам своей национальной культуры, иногда испытывают настоящий шок. Это характерно как для юношей, так и для девушек. Молодые люди, родившиеся и воспитанные в Великобритании, в отличие от своих сверстников в Бангладеш, не знакомы с условиями сельского быта. Они бывают чаще предоставлены себе, а не вовлечены в цикл домашних и сельскохозяйственных дел.

Дети иммигрантов, как правило, лучше образованы, чем их бангладешские сверстники, и более свободны в выборе друзей и увлечений. Кроме того, в отличие от своих родителей, которые в свое время прибыли из сельской местности и поселились в городах, дети иммигрантов часто не готовы столкнуться с реалиями крестьянского быта, приезжая в дома родственников в Бангладеш. Как это ни странно, именно такие поездки на родину иногда заставляют детей бывших иммигрантов осознать, насколько они «британизированы». В то же время у них есть возможность идентификации себя не с британцами, а с представителями вселенской мусульманской уммы. Таким образом, отказавшись от бенгальских корней, многие молодые бангладешцы ссохраняют мусульманскую идентичность и даже могут в отдельных случаях делать на ней акцент.

В сознании молодого поколения благодаря рассказам родных и близких возникает довольно четкий образ Бангладеш. Их также учат дома «как быть бангладешцем». Тем не менее этот идеальный образ и конкретные реалии страны часто на практике для них совершенно не совпадают. Для первого поколения иммигрантов «миф о возвращении» создавал некую иллюзию того, что миграция не вносит каких-либо особых изменений в их жизнь. Они ощущали себя в Великобритании лишь лицами, временно пребывающими в стране. Родина их оставалась в Бангладеш. Это ощущение сохранялось у них вне зависимости от того, насколько благополучно им удавалось обосноваться. Дети иммигрантов столкнулись в Великобритании уже совершенно с другими реалиями. Несмотря на свою определенную «британизованность», они чувствовали себя «нежеланными гостями» в британском обществе. Для молодого поколения Бангладеш это та идеальная страна, где они могли бы чувствовать себя полностью принятыми в общество.

Таким образом, в сознании детей иммигрантов Бангладеш предстает как «земля обетованная, красивая и мирная страна» [Gardner and Shukur 1995: 158], где жить можно легко, честно и благополучно. (Любопытно отметить, что в сознании тех, кто живет в Бангладеш, «благополучная страна» — Великобритания.) Этот миф о «благополучном доме», родине, куда можно вернуться, поддерживается в сознании молодого поколения благодаря рассказам их родных, фотографиям и пр. Однако у многих из них «идеальный дом» исчезает, как только они воочию сталкиваются с реалиями Бангладеш. Бывает так, что дети иммигрантов лучше говорят по-

английски, чем по-бенгальски, предпочитают носить европейскую, а не традиционную одежду и имеют совсем другие привычки и увлечения, чем их сверстники в Бангладеш.

«Британизированность» особенно заметна в поведении девушек, рожденных и воспитанных в Соединенном Королевстве: они могут вести относительно «свободный» образ жизни: учиться в смешанных школах, дружить с британскими сверстниками и даже ходить на вечеринки и дискотеки. Когда эти девушки приезжают в Бангладеш, они шокируют своих родственников тем, что не могут вести себя, «как положено» девушкам из традиционной мусульманской семьи. Понятие «скромного и благочестивого поведения» у коренных бангладешцев и их «британизированных» родственников не всегда совпадает, а чаще вызывает непонимание между ними. Рожденные в Великобритании девушки из семей бангладешских иммигрантов все чаще настаивают на том, чтобы продолжать учебу после школы, иметь работу не в семейном бизнесе, тратить заработанные деньги на себя и даже жить отдельно. Конечно, родители все еще редко идут на подобные уступки. Однако следует признать, что в последнее время женщины и девушки из семей британских бангладешцев предпочитают выбирать работу вне дома и даже не в семейном бизнесе. Кроме того, если девушка из семьи бангладешских иммигрантов выходит замуж за молодого человека, который так же, как и она, родился и вырос в Великобритании, то после свадьбы супруг не препятствует желанию жены работать там, где она захочет.

Когда девушку из семьи бангладешских иммигрантов, рожденную в Великобритании, спросили, что она думает по поводу своей идентификации, она ответила: «Я знаю много о культуре Бенгалии и своей религии. Мы все помним о своих корнях, но нет сомнения в том, что мы уже "британизировались". Однако в конце дня мы ведь по-прежнему остаемся коричневыми?» [Gardner and Shukur 1995: 160]. Это замечание важно для понимания того, что, столкнувшись с проявлениями расизма в той или иной мере, бангладешцы осознали, что британское общество их не принимает как полноправных членов. Этот факт стимулировал бангладешскую общину объединиться и бороться за свои права наравне с другими представителями британского общества. В этой борьбе особенно заметна роль молодого поколения, которое формирует собственные общественные организации национального и религиозного характера, изучает британскую законодательную базу и стремится также зару-

читься поддержкой политиков и получить возможность защиты прав представителей бангладешской общины и лоббирования интересов на различных уровнях.

Можно говорить, что члены бангладешской общины, живущие в Великобритании, сохраняют свою этническую идентичность несколько поколений. Однако следует признать, что молодое поколение британских бангладешцев находится на распутье. Несмотря на то что большинство из них считают Бангладеш «своей исторической родиной» (во многом благодаря рассказам родных, а также деятельности различных организаций, направленной на сохранение родной культуры и языка), они все чаще подчеркивают свою «британизированность» и/или акцентируют религиозный аспект своей идентичности. Помимо прочего, «немаловажным моментом во взаимоотношениях различных поколений мусульман в Великобритании (в том числе бангладешцев) становится акцентирование религиозного признака идентификации» [Котин 2008: 154].

Отдельные аспекты этой темы привлекли внимание исследователей как британского, так и азиатского происхождения. Отметим, что при многообразии влияющих на процесс самоидентификации факторов рассмотренная проблема имеет и другие пути и средства изучения.

5.3. Обряды жизненного цикла: традиционные черты и новые тенденции как попытка интеграции бангладешцев в инокультурное общество

Многие традиционные нормы бангладешцев, связанные как с мусульманской традицией, так и с бенгальской культурой, нередко мешают их полной интеграции в британский социум. Более приемлемо для них вхождение в этот социум в качестве членов меньшинства, имеющего собственные нормы и обычаи, которые британский социум вынужден признать. Многое в жизни бангладешцев в Лондоне определяется традиционным циклом обрядов, привязанных к определенным стадиям жизни человека — обрядам жизненного цикла.

В духовной культуре иммигрантов из Бангладеш важными критериями религиозности являются религиозное сознание и религиозное поведение [Котин 2008: 154]. В истории создания независимого государства Пакистан для мусульман Индии религия была

главным фактором идентификации. Однако уже при отделении Восточной Бенгалии в качестве независимого государства Бангладеш стало очевидно, что именно особенности обрядов жизненного и календарного цикла, культурно-бытовые различия стали основным разграничительным фактором [Котин 2005: 73]. Идея «национального ислама» неявно принимается всеми традиционалистами, которые исповедуют ислам в той форме, в которой его знают в Индии, Пакистане и Бангладеш: с культурами святых и верой в их магическую силу, с множеством суеверий, с приданием авторитета местному праву, семейным нормам, кастовым установкам и т.д. Особенно это касается обрядовой сферы жизни, и поскольку она представляется чрезвычайно разнообразной, необходимо выделить три ключевых момента, которым будет уделено особое внимание. Они связаны с главными событиями в жизни человека: рождение, свадьба и смерть.

5.3.1. Обряды, связанные с рождением

Прежде всего обратимся к традиционным обрядам, непосредственно связанным с рождением детей. Для бангладешцев — приверженцев мусульманской традиции барелви — в планировании семьи большое значение уделяется астрологии. Время зачатия ребенка стараются подгадать с учетом благоприятного расположения звезд. В случае бесплодия женщины ищут помощи не только у врачей, они обращаются за помощью и к «святым людям». Особой популярностью у бездетных женщин пользуются «дарга» — усыпальница великих шейхов, по поверьям обладающих целительной силой (например — могила шейха суфийского ордена Салима Чишти в Фатехпур Сикри близ Агры в Индии). Не запрещается узнавать пол будущего ребенка (в том числе, делать ультразвуковое обследование), но подчеркивается, что это знание нельзя использовать во вред.

Рождение ребенка — особый день в жизни семьи. Существуют семейные традиции, описанные в Коране, относительно того, как правильно ознаменовать этот радостный день, какие необходимые молитвы и ритуалы надо провести. Молодым родителям следует вознести благодарность Аллаху за его благословение и данного им ребенка. По предписаниям ислама рождение как мальчика, так и девочки должно восприниматься родителями с одинаковой радостью, так как все дети в равной степени получают благословение

Аллаха. Выражение недовольства полом ребенка или другие неблагоприятные мысли в отношении новорожденного воспринимаются как тяжкий грех.

Первое, что должен услышать новорожденный — это краткая молитва (adhan — призыв к молитве, который обычно произносит муэдзин со стен мечети), прочитанная в правое ушко кем-то из мужчин семьи или родственников. В левое ушко произносят (iqamah — араб.) — второй призыв к молитве. Таким образом, как только первые звуки молитвы достигают ушей младенца, он получает защиту от злых сил [Чтение адхана 2003] и символически приобщается к миру, в котором, согласно представлениям ислама, все подчинено воле Аллаха. По предписаниям ислама данный обряд желательно провести так быстро, насколько это возможно. В современном информационном поле молодые родители могут узнать о целесообразности проведения данного обряда со ссылками на хадисы из разнообразных источников [Там же].

Игнорирование этого обряда приводит к осложнению отношений к роженице и младенцу со стороны родственников, что потребовало организации совершения данного обряда в родильных отделениях британских больниц [Козлов 1987: 135]. Этот факт подтверждают и материалы британской статистики, опубликованные в прессе. Согласно данным, приведенным в газете «Европиан Юнион Таймс» [The European Union Times] со ссылкой на сайт Британской Национальной Партии [British National Party], почти 80 % новорожденных детей в Илинг Хоспитал в Западном Лондоне были рождены матерями небританского происхождения. Молодые матери из Бангладеш и Пакистана (родившиеся за пределами Великобритании) составляют две самые большие группы матерей в Англии, на их долю в 2007 г. приходилось 5 % всех новорожденных.

Следующий важный ритуал в жизни новорожденного называется «тахник» (tahniq — араб.), когда новорожденному в рот кладут небольшое количество разжеванного финика или другой сладости (например, меда), чтобы малыш почувствовал сладкий вкус. Это нужно сделать на седьмой день жизни ребенка. Для этой церемонии принято приглашать уважаемого шейха, чтобы ребенок получил его благословение и мудрость. Если же нет такой возможности, то этот обряд может провести отец ребенка или другой мужчина семьи. Кроме того, на седьмой день ребенку посыпают голову шафраном,

собирают волосы и срезают их (halaq). Затем волосы взвешивают и оценивают их вес в серебре. Сумму, примерно равную этому весу, принято раздавать в благотворительных целях. Этот акт благотворительности становится первым благим делом в жизни новорожденного.

В мусульманских семьях разрешается давать малышу имя как сразу после рождения, так и в течение семи дней после этого. Многие будущие родители задумываются об имени для своего малыша еще до его рождения. Те, кто не определил пол будущего ребенка заранее, как правило, загадывают два имени — для мальчика и для девочки. В мусульманских семьях принято называть детей именами-эпитетами Аллаха, пророка Мухаммада и именами других выдающихся деятелей ислама. Также детям дают имена в честь кого-то из родственников. Выбор имени часто связан с днем недели, в который родился ребенок. Практиковавшийся до недавнего времени в Южной Азии обычай давать ребенку имена уничижительные, дабы избежать сглаза, среди британских бангладешцев замечен не был. Однако уже во втором поколении иммигрантов могут встретиться христианские имена или их уменьшительные формы, наряду с именами, данными при рождении (Бобби Сайид, Пол Ахмад, Ник Мухаммад) [Котин 2008: 159].

Традиционно женщины в Южной Азии (в том числе и в Бангладеш) рожают дома. Как показывают исследования, проведенные западными (в частности, британскими) центрами защиты и помощи матери и ребенку (BRAC, Save the Children, Women and Children First, Safe Motherhood и т.д.), примерно 93 % женщин в Бангладеш рожают дома, и 80 % из них — без присутствия медицинских работников. По вполне объективным причинам это огромный риск как для матери, так и для новорожденного.

Женщины в семьях иммигрантов из Бангладеш, живущие в Великобритании, пользуются услугами квалифицированных медицинских работников и рожают в госпиталях. В британских больницах муж может находиться с женой в родовом отделении в ожидании процесса родов. Сам процесс, как правило, совершается без присутствия мужа. Однако в настоящее время в некоторых медицинских учреждениях мужья могут находиться рядом с женой даже непосредственно в процессе родов (последнее не характерно для британских бангладешцев). После благополучного разрешения отцу выносят показать ребенка, и он может совершить необходимый

ритуал нашептывания в ушко новорожденному молитвы, обращенной к Аллаху. Данный обряд должен совершать кто-то из мужчин семьи в первые минуты жизни малыша, отсюда возникает необходимость присутствия мужчины рядом с молодой матерью.

Примечательно, что некоторые молодые родители снимают семейное видео про рождение ребенка и выкладывают данный материал на общедоступные интернет-порталы. Такие записи, однако, демонстрируют не весь физиологический процесс родов, а только ожидание ребенка с начала первых схваток и первые минуты жизни малыша после родов. Тем не менее это уже довольно существенный момент в новом отношении к процессу родов, не только как к таинству, но и как к радостному семейному событию, которым можно поделиться с окружающим миром. Такое отношение вряд ли возможно было бы представить в условиях Бангладеш, особенно в сельской местности, где процесс родов проходит, как правило, в домашних условиях под присмотром старшей женщины в доме и является своего рода таинством.

Интересно отметить, что в британской прессе все чаще появляются статьи о том, что в последнее время число детей, рожденных матерями небританского происхождения, резко возросло. В частности, в газете «Таймс» от 12 декабря 2007 г. приведена следующая статистика: в 2007 г. двое из пяти детей рождены в семьях не коренных британцев. По прогнозам социологов, следующие 25 лет 70 % естественного прироста населения будет обусловлено высокой рождаемостью в семьях иммигрантов, в том числе из Бангладеш. Карен Даннел, специалист в области национальной статистики, говорит о «динамических изменениях в размере всего общебританского населения». Цифры, приведенные Офисом национальной статистики, показывают, что между 2001–2005 гг. не-белые этнические группы (non-white ethnic groups) увеличились до 945 тыс. чел. Это составляет 11 % от всей численности англичан на 2005 г.

По оценкам 2001 г. почти половина бангладешцев — это дети и подростки до 15 лет. Молодые матери, рожденные в Бангладеш и Пакистане, составляют 5 % от всех рожениц в Великобритании. Кроме того, они являются одной из самых репродуктивных групп. В среднем в семье бангладешцев три-четыре ребенка, а в среднебританской семье один или два.

По данным другого печатного издания Европейского союза (The European Union Times), в 2011 г. из 3 тыс. детей, рожденных

в системе национального здравоохранения NHS (National Health Service), у 2,5 тыс. родители — не коренные британцы. В этой газете приводятся опасения, что в Великобритании, согласно данным официальной статистики, к 2021 г. дети коренных британцев в школах будут представлять меньшинство. Однако отмечается, что в семьях первого поколения иммигрантов из Бангладеш в Великобритании детей больше, чем в последующих поколениях.

Итак, несмотря на то что в целом обрядовые действия бангладешцев, связанные с рождением ребенка, сохраняются внутри их общины в Великобритании, можно отметить и некоторые новые тенденции. Женщины из семей британских бангладешцев отправляются рожать в госпитали, под присмотром квалифицированных медицинских работников, что гарантирует большую безопасность будущей матери и ребенку. Наблюдается несколько изменившееся отношение к процессу родов со стороны семьи: появление семейных видео и выкладывание их для общего просмотра в социальных сетях и на популярных интернет-порталах свидетельствует об изменении представления молодого поколения британских бангладешцев о личном пространстве.

5.3.2. Детское образование

Огромное значение для понимания процесса интеграции и адаптации британских бангладешцев в принимающее общество имеет рассмотрение проблемы образования детей бывших мигрантов. В отношениях с мусульманскими общинами власти Великобритании придерживаются политики мультикультурализма, предоставляя различным этническим и религиозным группам равные права и возможности для участия в жизни государства. Однако, требуя и нередко получая все новые права и уступки, выходцы из мусульманских стран и их потомки вовсе не спешат интегрироваться в социальную структуру государства [Плещунов 2008: 74].

Законы, принятые правительством Великобритании в 1965 и 1968 гг., запрещали расовую дискриминацию в общественных местах, а также по цвету кожи, признаку расового или этнического происхождения в области занятости, предоставления услуг и др. [Козлов 1991: 164]. Эти законы стали одной из причин, способствовавших развитию активной деятельности мусульманских общин, в частности направленной на продвижение своих интересов в сфере образования, как светского, так и религиозного.

В городах с крупными мусульманскими общинами ее представители борются за право своих детей «быть другими». Особенно показателен пример г. Брэдфорда, где в 1960-х гг. резко увеличилось число детей-мусульман в средних школах. В июле 1972 г. местное образовательное управление дало разрешение на проведение мусульманских занятий в средних школах Брэдфорда во внеурочное время, а в 1975 г. в Бирмингеме был утвержден первый устав, учитывающий интересы нескольких религий, а не только христианства [Плещунов 2008: 76].

В 1974 г. в Брэдфорде было введено совместное обучение мальчиков и девочек в средних школах, что послужило поводом для двух мусульманских семей забрать своих дочерей из школ. Это событие было широко освещено в прессе и стало импульсом к созданию Ассоциации родителей-мусульман. Эта ассоциация выдвинула свои требования к местному совету по образованию, некоторая часть которых была одобрена. К примеру, на уроки физкультуры можно было приходить в абсолютно закрытой одежде, также отменялись совместные занятия по плаванию. В 1982 г. в Брэдфорде специально для детей мусульман в школу для завтраков поставляли мясо халяль, разрешенное к употреблению исламской традицией. Кроме того, имамам разрешалось приходить в школы для служения пятничной молитвы. Родителям по желанию разрешили забирать из школы детей на религиозные праздники.

Несмотря на эти уступки по отношению к правам членов мусульманской общины, мусульмане Брэдфорда пожелали также получить контроль над пятью школами, где их дети составляли большинство учеников. Некоторые родители хотели ввести в обязательное расписание преподавание основ ислама, а также арабский язык. Была создана Ассоциация мусульманских родителей (Muslim Parents' Association), которая стремилась, чтобы дети пакистанцев и бангладешцев сохраняли свою этническую идентичность. Между тем местные представители Азиатского молодежного движения (Asian Youth Movement) просили отказаться от идеи о раздельном обучении, поскольку, по их мнению, дети могли стать мишенью для расистских проявлений [Fyson 1984: 45]. Эти проявления, в том числе, могли получить непосредственное отражение в отношении работодателя к выпускникам таких раздельных школ при приеме на работу.

В 1980-х годах в Англии появились частные мусульманские школы с добровольным финансированием. Однако это не мешало

британским властям осуществлять контроль над этими учреждениями, поскольку согласно Акту об образовании такие школы подлежали обязательной регистрации. Получить ее можно было лишь соответствуя определенным требованиям и критериям, установленным для школьных помещений, преподавательских кадров и качества образования [Плещунов 2008: 77].

Целесообразность государственной поддержки мусульманских школ стала предметом широкой дискуссии, развернувшейся в британском обществе. Национальное светское общество (National Secular Society) выдвинуло теорию о том, что решение правительства субсидировать мусульманские школы может привести к сегрегации, основанной на расовом признаке и цвете кожи [National Secular Society 2012]. Подобные взгляды разделяли и другие организации. Многие высказывались против учреждения мусульманских школ, их возражения базировались на страхе возможной изоляции и разделении по расовому признаку. Так, Национальный совет учителей категорически высказался против мусульманских школ, выражая опасения, что на местном уровне эти школы спровоцируют усиление расовых предрассудков [Плещунов 2008: 78].

Тем не менее в существовании специальных школ для мусульман наблюдались и положительные акценты. Рост численности детей иммигрантов (в том числе бангладешцев) в британских школах спровоцировал кризис системы образования. Прежде всего британские преподаватели столкнулись с плохим знанием английского языка детьми бывших мигрантов, что значительно затрудняло учебный процесс. К тому же британские учителя не знали языков таких учащихся. В силу этих причин большинство детей иммигрантов объективно отставали в обучении от своих сверстников. Это обстоятельство заставляло учителей адаптировать материал к их возможностям и уровню подготовки, что повлекло за собой понижение общего уровня образования и для остальных британских детей [Там же: 79].

В 1988 г. вышел Закон о реформе образования, согласно которому увеличивалась роль родителей и местных общин в управлении школами, вплоть до передачи под их контроль большей части школьного бюджета. В результате к концу 1980-х годов во многих британских школах имелись советы, где большинство составляли родители-мусульмане. К началу 1990-х годов в Англии существовало уже около 20 частных мусульманских школ.

Сложности для детей иммигрантов начинаются, когда они поступают в школу. Многие члены этнических меньшинств живут на отдельных территориях внутри городов (дешевые районы), в которых уровень образования в школах хуже, чем где-либо еще. Низкие требования учителей в таких школах и явное превосходство белых детей над другими делают хорошее образование для детей иммигрантов практически невозможным. Некоторые богатые индийцы вносят большие суммы денег в образование своей нации в Британии. Так, например, Далвич Колледж на юго-востоке Лондона, один из самых престижных колледжей страны, является индийским колледжом и построен на деньги индийских меценатов.

В среднем по сравнению с другими учениками Великобритании, дети бангладешцев имеют более низкие показатели по учебе на всех уровнях британской школьной системы. Однако в последнее время все большее число учеников совершенствуется в процессе обучения и достигает значительных успехов. Особенно эта тенденция наблюдается среди девочек. В Лондоне дети бангладешцев учатся лучше, чем в других городах. Иногда проблемы с обучением обусловлены культурными признаками: продолжительные каникулы и праздники, религиозные требования и членство в подростковых группировках. Несмотря на все сложности, необходимо признать и успехи детей бангладешцев в получении ими начального и среднего образования. Преподавание в школах ведется на английском языке, а поскольку для детей бангладешцев он не является родным, все они совершенствуют его, начиная с разных уровней. Например, для 97 % учеников-бангладешцев в районе Тауэр Хэмлетс английский является вторым языком после бенгальского/силхетского, но они на равных сдают экзамены вместе со своими «белыми» сверстниками. Иногда ученики, принадлежащие к этническим меньшинствам, вступают в конфликт со школьными властями по поводу ношения традиционной одежды, еды и других обычаев [Fyson 1984: 43]. В большинстве случаев администрация британских школ настаивает на соблюдении правил и норм, общепринятых в Англии.

Особо следует упомянуть о роли общественных организаций, сформированных британскими бангладешцами, в учреждении школ, которые находятся под патронажем бангладешской общины. В мае 1986 г. в Восточном Лондоне на Валенс Роуд выходцы из Бангладеш основали «Школу Османи» (Osmani School), названную в честь одного из главных военных лидеров Бангладеш, Бангабира

М.А.Г. Османи¹⁵. До этого школа носила другое название — «Средняя школа им. Роберта Монтифьюри». В 1986 г. в школе вели занятия всего четверо учителей, а в настоящее время там работают более 30 преподавателей. В школе Османи учится более 500 учеников, из которых 99 % являются бангладешцами [Faruque 2006: 138].

В 1989 г. в одном из центров общины в память о Бангабандху¹⁶ Шейх Муджибуре Рахмане, управлявшим Бангладеш после обретения ей независимости, была учреждена подготовительная и начальная детская школа им. Бангабандху (Bangabandhu Primary Infant and Junior School). В 1991 г. в Лондоне появилась еще одна школа, учрежденная бангладешцами для своих детей, на Вэксес стрит (Waxes street).

Благодаря поддержке социальных организаций, сформированных их земляками, бангладешцам удалось учредить собственные школы не только в Лондоне, где численность бангладешской общины наиболее заметна, но и в других городах Великобритании.

В г. Рочдейл в 1996 г. при участии «Бангладешской ассоциации социального обеспечения Рочдейла» (Bangladesh Welfare Association Rochdale) была открыта общинная школа им. Бангабира Османи (Bangabir Osmani Community School). До этого времени Бангладешская ассоциация Рочдейла осуществляла активную поддержку программы по домашнему изучению бенгальского языка для детей и подростков бангладешской общины. В школе дети учатся от начальной группы (Play Group до пятого класса (Class 5)). Занятия в школе ведут шесть преподавателей полный рабочий день. Всего в школе учатся более 140 учеников. Еще одна школа, учрежденная бангладешцами, находится в Олдхэме. Начальная школа Шер-э-Бангла (Sher-e-Bangla Primary School) была названа в честь Шер-э-Бангла А.К. Фазлул Хака (Sher-e-Bangla A.K. Fazlul Haque), выдающегося лидера Бангладеш. В настоящее время в этой школе учатся более 150 учеников. Учебный процесс ведут четыре преподавателя. По выходным здесь преподают бенгальский язык. Ученики,

¹⁵ Бангабир Мухаммад Атаул Гани Османи — лидер бангладешских вооруженных формирований, принимавший активное участие в Войне за независимость Бангладеш 1971 г. (Бангабир — бенг. «Герой Бенгалии»).

¹⁶ «Бангабандху» (хинди) / «Бонгобондху» (бенг.) — «Друг бенгальцев», имя, данное Шейхху Муджибуру Рахману в ходе войны за независимость 1971 г.

прошедшие экзамены в этой школе, соответствуют британским стандартам (“A” Level Examination).

За последние годы проявляется тенденция к улучшению положения детей бангладешцев в области образования (уровень GCSE — General Certificate of Secondary Education), особенно среди девочек. Тем не менее они еще сильно уступают своим сверстницам в других группах Англии [Faruque 2006: 78]. Высшее образование воспринимается молодежью британских бангладешцев как путь к успеху, благополучию и социальной мобильности. Молодые люди зачастую не хотят заниматься семейным бизнесом (ресторанным в частности), работать на низкооплачиваемых должностях и т.д. Поэтому они стремятся разнообразить свою учебу и занимаются различными предметами: от компьютерных программ до навыков работы в социальных сферах [Gardner, Shukur 1995: 152]. Девушки также склонны продолжать свое образование после окончания школы. Тем не менее, несмотря на успешно сданные экзамены, после 16 лет относительно небольшое число бангладешских студентов (как юношей, так и девушек) продолжают образование. Это во многом объясняется экономическими причинами: недостаток средств на дальнейшее обучение, необходимость работы в семейном бизнесе, замужество (для девушек).

5.2.3. Изменение стратегии выбора брачных партнеров и свадебная обрядность

Решение выходцев из Южной Азии в Великобритании оставаться в этой стране навсегда и связанное с этим воссоединение семей и появление нового поколения породили ряд проблем для них самих и для окружающего населения. Для выходцев из Южной Азии, практикующих браки по договоренности родителей, актуальна проблема иммиграционных законов. У них также возникли особые требования и нужды, связанные со спецификой традиционного быта и культуры.

По сравнению с другими общинами Англии, бангладешцы могут быть названы группой с наименьшей склонностью к интеграции. Это весьма замкнутая группа. Особенно это касается брачной сферы — наибольшее количество (99 %) браков заключается только между партнерами бангладешского происхождения.

На основе наблюдений за одним из наиболее значимых жизненных этапов — свадьбой, предлагается отметить у британских

бангладешцев некоторые новые тенденции, которые смешиваются с традиционной обрядовой практикой. Причем, следует понимать, что хотя бангладешцы и исповедуют ислам, нельзя назвать свадьбу британских бангладешцев исключительно мусульманской. Во всех странах с мусульманским населением в обрядовой практике, связанной с заключением брака, есть свои отличительные черты.

В настоящее время брачные традиции внутри бангладешской диаспоры претерпевают значительные изменения. Под термином «брачные традиции» здесь подразумеваются: выбор брачного партнера, ритуалы и стереотипы поведения в момент брачной церемонии (как залог будущего благополучия).

Для большинства народов Южной Азии, в том числе и для интересующих нас бангладешцев, характерна большая или так называемая «расширенная» семья [Fyson 1984: 19]. Расширенная семья — это семья, состоящая из главы дома, его жены, взрослых женатых и незамужних детей, невесток (реже — зятьев), внуков, которые живут под одной крышей. Взрослые женатые сыновья могут иметь свою комнату и свой очаг, на котором их жены готовят пищу отдельно. «Семейные ценности имеют первостепенное значение для сохранения культурных традиций; глава семьи, как правило, пользуется непререкаемым авторитетом. Таким образом, в расширенной семье устанавливается субординация, регулирующая отношения между старшими и младшими» [Karadia 1966: 275].

Несмотря на официальное законодательство Бангладеш, в котором четко регламентирован разрешенный возраст для вступления в брак для юношей (21 год) и девушек (18 лет) [Legal System 2012], формальное заключение брака у многих жителей страны (особенно в сельской местности) совершается часто до достижения невестой брачного возраста¹⁷. Частично это связано с бытующими местными представлениями о неспособности женщин устоять перед соблазнами (например, сбежать из дому и вступить в брак против воли родителей, тем самым покрыв семью позором). Другим существенным основанием для раннего заключения брака становится желание родителей обеспечить своим дочерям более благоприятные (в финансовом отношении) условия, чем они способны предоставить сами [Khan 2012]. Таким образом, большинство южноазиатских женщин

¹⁷ Этот факт также отмечают многие исследователи, напр., см. [Ganopadhyay 1964: 102].

выходит замуж в возрасте 13–18 лет. Вступление девушек в брак в более позднем возрасте считается проблематичным, поэтому родители стремятся решить судьбу дочерей как можно раньше. У бангладешцев широко распространено заключение между родителями договоренности о браке их детей по достижении мужчиной определенного достатка и положения в обществе, а девушками — половой зрелости. Таким образом, обычно в бангладешских семьях жены примерно на 10 лет моложе супругов. Кроме того, в Бангладеш распространены кросскузенные браки и брачные союзы между другими родственниками, что способствует укреплению родственных связей и уменьшает обременительные расходы на выкуп за невесту. Также браки между родственниками способствуют большей защищенности невесты в новом доме.

Решение мигрировавших британских бангладешцев остаться в Англии навсегда, приезд членов их семей и появление нового поколения породили ряд проблем, в том числе и сложности, связанные с сохранением традиционного уклада, как в воспитании подростков, так и в выборе для них будущих брачных партнеров.

Родительское стремление поскорее решить судьбу своих дочерей во многом объясняет их нежелание позволять им получать высшее образование. Это обстоятельство часто порождает серьезные конфликты между поколениями. Для детей иммигрантов из Бангладеш, живущих в Англии, возникают определенные трудности в сфере выбора брачных партнеров.

Юноше, родившемуся в семье бангладешцев, живущих в Англии, его родные скорее выберут в супруги девушку, родившуюся и выросшую в Бангладеш. Частично этот выбор обусловлен еще и тем, что этот брак даст возможность иммигрировать тем родственникам, у кого иначе не будет никакой возможности сделать это.

В других случаях выбор будущей супруги обусловлен не родственными связями, а предпочтениями тех родственников, которые уже иммигрировали в Великобританию. Наиболее частым обоснованием для такого «предпочтительного» выбора является распространенное мнение о том, что дети в Бангладеш получают лучшее (традиционное) воспитание, и только там можно найти лучшего зятя или невестку. Это особенно актуально для тех молодых людей, чьи матери живут с ними в Англии.

Влияние матерей, как правило, очень велико. Довольно часто матери просят сыновей оставить учебу и начать работать для того,

чтобы собрать средства и жениться. Традиционно молодые женщины живут в доме мужа вместе со свекровьями. Невестка обязана выполнять все работы и поручения, данные ей свекровью. У свекровей часто возникают опасения, что если их сыновья возьмут в жены девушку, воспитанную в Англии, то она не будет с должным почтением слушаться свою свекровь и мужа. Кроме того, предпочтение девушке, воспитанной и выросшей в Бангладеш, отдается родней жениха еще и потому, что от нее как от будущей матери ожидают достойного обучения детей бенгальскому языку и привитию им традиционных культурных ценностей. Чаще всего именно юноши — «лондоны»¹⁸ отправляются на поиски своей будущей жены в Бангладеш.

Случаи, когда девушки из семей «британских бангладешцев» выходят замуж за урожденного бангладешца, встречаются намного реже. Это объясняется прежде всего следующими причинами.

Бангладешские девушки, выросшие и получившие образование в Великобритании, имеют стереотипы более свободного поведения, чем их сверстницы на родине. Например, они могут свободно разговаривать и обращаться с вопросами к мужчинам в их семье, что было бы недопустимо в Бангладеш. Многие девушки стремятся продолжить образование, получить работу за пределами дома, и поэтому они не всегда согласны полностью подчиняться свекрови и мужу, как требует от них традиционный уклад. Такие девушки чаще стремятся завести свое независимое домашнее хозяйство, чем жить согласно традиционным бангладешским предписаниям вместе со свекровью в доме мужа. Девушки, воспитанные в Англии, не дают помыкать собой дома так, как их сверстницы из Бангладеш.

Тем не менее многие британские бангладешцы отсылают на время своих выросших в Англии дочерей на родину в Бангладеш, поскольку у этих девушек, имеющих право на постоянное проживание в Англии, резко возрастает потенциальное количество женихов.

¹⁸ Термином *Londoni* в Бангладеш (в округе Силхет, в частности) принято называть эмигрантов, уехавших на заработки, а позднее оставшихся в Лондоне на постоянное местожительство, и в особенности их потомков. В современной литературе также используется термин «поколение *лондоны* (*Londoni generation*)» [Gardner, Shukur 1995: 157], и данное слово все чаще употребляется при упоминании о потомках бывших мигрантов, рожденных и выросших в Англии.

Сами бангладешцы, т.е. люди, живущие в Бангладеш, особенно приветствуют брак своих детей с «лондони» (т.е. детьми тех, кто в свое время иммигрировал в Великобританию), поскольку видят в этом прекрасную возможность для них иммигрировать в Англию. Однако мужчинам из Бангладеш, женившимся на девушках-лондони (*Londoni women*), британское правительство не слишком охотно предоставляет право на въезд в страну. Это связано с тем, что иногда такой брак рассматривается только как предлог, и нередко британское правительство обращается с предложением жене (рожденной в Англии) последовать за мужем, т.е. вернуться на родину в Бангладеш.

По мере увеличения численности бангладешской общины в Великобритании необходимость в возвращении в Бангладеш за брачными партнерами постепенно отпадает. Кроме того, в настоящее время британские бангладешцы предпочитают укреплять родственные связи посредством брака не с оставшимися родственниками в Бангладеш, а уже внутри своей общины в Великобритании.

В последнее время участились случаи заключения брака не только между детьми дальних родственников, но и с детьми деловых партнеров. Таким образом, в настоящее время представители общины британских бангладешцев отдают наибольшее предпочтение укреплению своих «британских» связей внутри самой общины.

В стратегии выбора брачных партнеров появилась еще одна проблема. Как уже было отмечено, традиционно браки заключаются по договоренности родителей, а молодые люди, как правило, лишены инициативы в данном вопросе, хотя по предписаниям ислама родителям запрещено заставлять своих детей вступать в брак против их воли. Кроме того, по официальным законам Бангладеш заключение брака, совершившееся против воли одного из партнеров (невесты, например), может быть оспорено и признано недействительным.

Сейчас в обществе британских бангладешцев намечается некоторое изменение в данной области. Здесь следует отметить отношение будущих брачных партнеров к выбору спутника\цы жизни. Молодые люди (как юноши, так и девушки), воспитанные и выросшие в Великобритании, наблюдая за жизнью остального британского общества, стремятся к заключению брака не по родительской договоренности, а по любви. Кроме того, большинство из них, имея свободу выбора, предпочли бы строить дальнейшую жизнь с теми, кто

разделяет с ними общие интересы, подразумевая под этим как национальное наследие, так и некоторые прозападные тенденции. Проблема брака по любви и брака по договоренности — одна из наиболее обсуждаемых тем в самой общине британских бангладешцев.

Для молодых «британизированных» бангладешцев, воспитанных не только в национальных традициях, но и ощутивших на себе влияние европейской культуры, сама идея о том, чтобы заключить брак с тем, кого они раньше никогда не видели и кто был выбран им семейным советом, просто неприемлема. Нередки случаи, когда девушки, увезенные родителями из Англии в Бангладеш и выданные там замуж, смогли через суд добиться аннулирования такого брака [Bowcott and Percival 2008].

Все чаще родители и дети стремятся найти компромисс в вопросе выбора партнера. Случаев брака по любви по-прежнему очень мало, но молодым людям родители все же делают некоторые уступки. Например, если бенгальский юноша или девушка, выросшие в Великобритании, будут настаивать на выборе партнера среди других британских бангладешцев, то родители, скорее всего, пойдут им навстречу и даже дадут возможность пообщаться с возможным/ой (однако выбранным / ой ему / ей родителями) супругом / ой, разумеется, в присутствии других родственников. Чаще будущим супругам предоставляют возможность увидеть друг друга на фотографии. Если же молодым людям (или их родным) не удастся найти партнера в Великобритании, то родители отправляют своих отпрысков в Бангладеш, где родственники находят им подходящего по их мнению спутника/цу жизни [Меренкова 2013 а: 446].

Итак, в бангладешской общине в Англии сегодня наметились некоторые изменения в стратегии выбора партнера для заключения брака. Однако традиционный брак по договоренности по-прежнему остается доминирующей формой брака британских бангладешцев.

Интересно также проследить новые тенденции, появляющиеся в свадебной обрядности бангладешцев, проживающих в Великобритании. Прежде следует сказать вкратце о традиционных формах заключения брака в Бангладеш, где преобладают два типа церемонии (или лучше сказать цикла различных обрядов) бракосочетания — индуистская модель брачной церемонии и условно «мусульманская» модель. Причем следует понимать, что хотя бангладешцы и исповедуют ислам, нельзя назвать свадьбу бангладешцев исключительно мусульманской, поскольку в каждом регионе, где распро-

странено учение ислама, оно не могло не приобрести свои локальные индивидуальные черты. Поскольку преобладающее население Бангладеш исповедует ислам и выходцы из этого региона в Англии соответственно являются мусульманами, мы остановимся подробнее на второй модели.

Свадебная церемония у мусульман Бангладеш состоит из цикла различных обрядов и проводится несколько дней. Первый этап — «помолвка». В этот день в дом невесты приносят выкуп — махр (mahr). Он включает в себя не только определенную денежную сумму, оговоренную заранее с родителями невесты, к нему также обычно прилагаются многочисленные подарки. Величина выкупа за невесту, как правило, пропорциональна благосостоянию семьи жениха. По принятым в Бангладеш правилам, выкуп может выплачиваться частями: часть во время проведения свадебных церемоний, остаток чуть позднее по оговоренному между родственниками жениха и невесты сроку.

За день до свадьбы в домах жениха и невесты проводят праздничный обряд «гайе хулуд» (gaye hulud). Семья жениха (кроме него самого) идет с процессией к дому невесты с многочисленными подарками, которые принято дарить в этот день. Как правило, это сари, украшения, цветочные гирлянды, порошок из куркумы для нанесения узоров, хна, сладости и др. Невеста должна надеть подаренные ей одежду и украшения, а родственники украшают ее лицо и тело принесенной родней жениха куркумой. Затем все родственники с обеих сторон угощают друг друга сладостями. После процессия из дома невесты отправляется в дом жениха и проводит такую же церемонию нанесения куркумы. Куркуму как косметическое средство, однако, наносят на лицо и руки в разумных количествах, поскольку она имеет свойства оставлять пятна, которые перед самой свадьбой трудно будет удалить. Вечером в этот же день в доме невесты собираются женщины — ее родственницы и близкие подруги — и наносят узор хной на различные участки тела невесты.

Свадьба (nikah) проводится в присутствии кади, мусульманского духовного лица, уполномоченного заключать браки. Жених и невеста сидят рядом на возвышении. Их окружают родственники и друзья с обеих сторон. Кади читает подобающие суры из Корана. Далее он спрашивает согласие на брак у жениха и невесты, они должны повторить это три раза, дабы никто не усомнился, что они вступают в брак добровольно. Кади просит свидетелей подтвердить

услышанное ими согласие невесты на брак. Затем в присутствии кади заключается брачный контракт (*nīkah nama*), иногда здесь же выплачивается оставшаяся часть выкупа за невесту. Формальная часть свадебной церемонии на этом завершена.

Во время свадебной церемонии фигура и лицо невесты обычно покрыты палантином. После окончания всех положенных формальностей жених открывает палантин, молодые обмениваются цветочными гирляндами и сладостями. Торжества с песнями и танцами по случаю официального заключения брака в Бангладеш принято проводить в доме жениха. Первую совместную ночь после брака молодые проводят в специально подготовленной комнате в доме жениха. Комнату для молодых могут подготавливать родственники с обеих сторон.

На следующий вечер в доме жениха проводится еще одна церемония, где жених еще раз формально представляет свою молодую жену всем своим родным и близким.

Описанная выше модель проведения свадебной церемонии, характерная для мусульман Бангладеш, в целом сохраняется и у мигрировавших в Великобританию бангладешцев и их потомков, но в свадебной атрибутике активно проявляются новые тенденции. Под свадебной атрибутикой здесь подразумеваются: наряды невесты и жениха, украшения и макияж, средства передвижения и места проведения торжеств.

В Бенгалии традиционно невесты надевали сари, сделанные в Варанаси (Бенарес) с широкой вышивкой золотной нитью — *зари* — по краям, кофточку — *чоли* — и палантин, покрывающий голову¹⁹. Сари из Варанаси до сих пор считаются одним из обязательных подарков невесте ко дню свадьбы. Их ценят за богатое сияние (вышивка золотными и серебряными нитями), сложные растительные и цветочные орнаменты, а также высокое качество ткани («бенаресский шелк» считается лучшим во всей Индии). Как правило, в Бангладеш невесты обычно надевают шелковое сари различ-

¹⁹ Варанаси (Бенарес) — пользуется легендарной славой по всему Индийскому субконтиненту как центр производства тончайшего шелка и парчи «кинххаб» («золотой ткани»). Особенно ценятся свадебные сари из Варанаси, с изображением цветочных и лиственных орнаментов, украшенные переплетением золотных и серебряных нитей, с изображением цветочных и лиственных орнаментов.

ных оттенков красного и розового цветов, щедро вышитое золотыми нитями. Голову невесты покрывают палантином, который плавно спадает на плечи и спускается по спине до самой талии.

Лицо невесты обрамляют украшенными драгоценностями цепочками, которые закрепляют в волосах, в ушах должны быть красивые серьги, на шее — ожерелья различной длины. Иногда нос невесты украшает натх — носовое кольцо, которое бывает разных видов. На руках невесты всегда множество браслетов. Также невеста опоясывает специальным украшением талию или бедра, надевает браслеты на лодыжки и кольца на пальцы ног.

Что касается соблюдения обрядности и изменения свадебной атрибутики в процессе проведения брачной церемонии, то основываясь на видео и фотоматериалах, выложенных фирмами, занимающимися проведением свадеб бангладешцев в Англии, можно отметить значительные изменения. Кроме того, в качестве источника для наблюдения за изменениями в свадебной атрибутике предлагается также рассмотреть и журналы свадебной моды, ориентированные на выходцев из Южной Азии, в том числе бангладешцев.

В настоящее время в Великобритании представлены несколько журналов свадебной моды, ориентированные на выходцев из Южной Азии (в том числе на бангладешцев): «Эйжиан брайд» (Asian Bride), «Эйжиан вумен» (Asian Woman), «Азиана веддинг» (Asiana Wedding), «Саут эйжиан брайд» (South Asian Bride). Все они созданы по примерно одинаковой схеме, согласно которой вниманию читателя представлен не только весь комплекс услуг, которые могут потребоваться в процессе организации свадебной церемонии, но и модные тренды (свадебные наряды для жениха и невесты, украшения, аксессуары и др.), а также советы для будущих новобрачных, как лучше подготовиться к церемонии бракосочетания.

Взаимовлияние южноазиатской и европейской свадебной моды особенно легко проследить на примере свадебных костюмов новобрачных. Здесь заметны различные вариации и смешение стилей. В настоящее время можно увидеть свадебные костюмы как выдержанные в южноазиатской культурной традиции²⁰, так и сочетающие различные стили. Например, невеста может быть одета

²⁰ Свадьба британских бангладешцев. Презентация фирмы «Каньядаан» 1. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.youtube.com/watch?v=sJQnd1iSf-g&feature=related> — дата обращения 03.01.2012.

согласно южноазиатской традиции, а жених в европейский костюм (галстук, смокинг, брюки). Иногда можно наблюдать на невесте наряд, выполненный в южноазиатском стиле, но белого цвета (что нехарактерно в традиционном обряде, так как женский наряд белого цвета в Бангладеш символизирует вдовство). Становятся нередки случаи, когда молодые полностью одеты в костюмы «европейского образца» (вечерний смокинг для мужчин и белое платье с фатой для девушек).

Несколько слов хотелось бы также добавить относительно макияжа невесты и росписи хной, которая принята в Бангладеш. Внешность женщины в праздничном наряде традиционно не столько открывалась для любования, сколько скрывалась, точнее, украшалась таким образом, чтобы «затемнить» ее природные черты и фигуру. «Все видимое глазу предстает измененным или полускрытым: волосы окутаны покрывалом; шея и грудь спрятаны под массивными ожерельями и гирляндами; очертания тела скрыты нарядом; узор из хны меняет цвет кожи, форму глаз не узнать под толстым слоем сурьмы; нос не разглядеть из-за кольца или подвески» [Суворова 1996: 131]. Такое обилие аксессуаров, подчеркнутый макияж, палантин и широкий наряд выполняли защитную функцию «оберегов», предотвращавшую возможность сглаза невесты.

В настоящее время в Англии многие невесты из семей британских бангладешцев по-прежнему предпочитают наносить яркий подчеркнутый макияж. Также на тело невесты наносят рисунок хной с благоприятным значением, красный оттенок которой символизирует будущее плодородие. С помощью металлических или деревянных палочек, опытные родственницы вручную выводят замысловатые узоры на ступнях и кистях. Как правило, над традиционным рисунком работают несколько дней, а затем по традиции невесту освобождают от всех домашних дел до тех пор, пока держится эта своеобразная свадебная роспись.

Тем не менее в последнее время наряду с выбором нарядов «европейского образца» невесты в некоторых случаях предпочитают наносить умеренный макияж, не используют роспись хной (по крайней мере, на видимых участках тела), а также надевают необходимый минимум украшений. Этот выбор подтверждается не только информацией из приведенных выше журналов, но и в частных фото- и видеоматериалах, которые молодые пары британских банг-

ладешцев выкладывают для публичного просмотра на интернет-порталах и в социальных сетях²¹.

По мере увеличения общины бангладешцев в Великобритании растет и число фирм, предлагающих свои услуги, как в вопросе выбора будущего партнера, так и в проведении свадебной церемонии. Известны также сайты знакомств (Bengalimarrriages.co.uk), куда выкладываются анкеты молодых людей, желающих подобрать себе невесту среди членов бангладешской общины в Великобритании или в Бангладеш.

5.3.4. Погребение умерших

Помимо обрядовых практик, связанных с рождением и браком, следует отдельно остановиться на практиках последнего жизненного цикла человека. Речь пойдет о погребальной обрядности, в частности о том, как удастся бангладешцам проводить принятые ритуальные практики в условиях инокультурной среды.

В исламе, где смерть принимается как неотъемлемая часть человеческого бытия, а жизнь — как переход, долгий или краткий, существуют специальные предписания для тех, кто готовится к смерти, и для родственников, потерявших своих близких [Philips 2005: 8]. После смерти, согласно правилам ислама, покойный должен быть похоронен в течение 24 часов и в той местности, где наступила смерть [Ibid: 31]. Тело умершего омывают мужчины или женщины семьи, заворачивают в белую ткань во время общего семейного моления. Затем тело относят в мечеть или на кладбище, где перед погребением читается молитва. Следует добавить, что ислам запрещает вскрытие, поэтому в британских больницах оно производится только в случаях крайней необходимости и с разрешения родственников. Кремация тел недопустима.

Умершего помещают в яму в сидячем положении, лицом к Мекке (на восток). Допускается одновременное погребение двух и более тел, но только при определенных условиях (принадлежность одной семье, чрезвычайные ситуации) [Ibid: 115]. Могильный холмик должен быть чуть приподнят над землей, желательна закруглен, на него допускается установка камня (без надписи) для индикации места захоронения.

²¹ Свадьба британских бангладешцев. Презентация фирмы «Каньядаан» 2. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.youtube.com/watch?v=veWTIJ88-Jc> — дата обращения 03.01.2012.

В условиях инокультурной среды британские бангладешцы (как представители мусульманского сообщества) хоронят своих умерших на мусульманских кладбищах. Они пользуются услугами фирм, организующих процесс погребения, и ставят памятники на могилы своих родных.

В Англии существуют кладбища, где для мусульман отведены специальные секции, как, например, на кладбище Бруквуд в Суррее (Англия). Это самое большое кладбище в Великобритании и одно из самых больших во всей Западной Европе. Кладбище Бруквуд также называют «Лондонским некрополем», оно было создано в 1849 г., когда население столицы Великобритании настолько возросло, что потребовало создания такой огромной погребальной площади.

К сожалению, в британской прессе за последнее время участились известия об актах вандализма, связанных с осквернением могил мусульман на смешанных кладбищах. Эти действия вызвали возмущенные отклики не только со стороны мусульманского сообщества в Великобритании, но и остальных жителей Соединенного Королевства.

В настоящее время возникают различного рода трудности с организацией погребальных площадей для мусульман. В 2007 г. широкий резонанс вызвали планы муниципалитета Лондона сформировать крупнейшее мусульманское кладбище в стране на 350 тыс. мест на территории исторического кладбища района Тауэр Хэмлетс (Tower Hamlets Cemetery). При этом требовалась эксгумация 350 тыс. тел, захороненных до 1841 г. на историческом кладбище Лондона (Church of England Cemetery), для организации площадки, где в дальнейшем будут мусульманские захоронения. План вызвал многочисленные протесты со стороны британской не-мусульманской общественности. Формально кладбище провозглашалось «мультирелигиозным», но такой статус отпугнул бы от него консервативных христиан и иудеев. В то же время, учитывая существующую мультикультурную парадигму, противники создания на этом месте мусульманского кладбища аргументировали его историческое значение и выступили как защитники природы и памятников культуры.

Стало очевидно, что проблема организации отдельных мусульманских кладбищ требовала скорейшего решения. Представителям мусульманского сообщества удалось добиться от британских властей разрешения на организацию мусульманских кладбищ, где они могут хоронить только своих единоверцев.

В 2011 г. в Англии существовали два кладбища, принадлежащих мусульманской общине. Первое из них с поэтичным названием «Сады мира» (Gardens of Peace) находится в г. Илфорде в округе Эссекс. Оно было основано в 1998 г. На сегодняшний день на этом месте расположено самое большое мусульманское кладбище в Великобритании. Второе кладбище для мусульман — «Волтхэм Форест Маслим Бёриал Траст» (Waltham Forest Muslim Burial Trust), которое существует в Лондоне в районе Фолли Лейн (Folley Lane) с 1999 г.

Кроме того, нельзя не упомянуть о различных фирмах, которые предлагают помощь в связи с погребением умершего и другие услуги ритуального характера, характерные для мусульманской традиции. В качестве одного из примеров можно привести организацию Хаджи Таслим Фюнералс (Haji Taslim Funerals — East London Mosque, 94 Whitechapel Road), организованную в 1950 г. в Лондоне. Эта компания стала первой в Европе организацией, предоставляющей ритуальные услуги для мусульман. В настоящее время она считается самой известной фирмой по оказанию данного рода услуг во всей Англии. Во многом этим признанием, по словам ее представителей, организация обязана своим клиентам (в том числе пакистанцам и бангладешцам).

Важно отметить, что в числе прочих ритуальных услуг некоторые фирмы предлагают свою помощь в организации перевозки тела на историческую родину. Этот аспект актуален и для британских бангладешцев, так как в некоторых семьях представители старшего поколения выражают желание после смерти быть похороненными на родине. Такое изменение традиции погребения (когда тело должно быть захоронено по возможности в течение 24 часов и в той местности, где наступила смерть) подчеркивает значимость для британских бангладешцев их связи с исторической родиной.

* * *

Обобщая все вышесказанное, следует отметить, что каждый из вышеописанных этапов жизни человека мог бы стать темой для отдельного, более пристального изучения. Все же, несмотря на несколько беглый обзор, на каждом из этих этапов удастся выявить некоторые новые тенденции, которые трудно было бы представить в традиционном обществе Бангладеш. В жизни британских бангладешцев появляются новые черты и повседневные практики, кото-

рые позволяют говорить о процессе культурно-бытовой адаптации бангладешцев в Великобритании.

Из трех сфер жизненного цикла — рождения, брака и смерти — последняя представляется наименее подверженной изменениям, обусловленным жизнью в инокультурной среде. Больше всего заметны изменения в сфере ритуальных практик, связанных с рождением и браком, так как последующие поколения британских бангладешцев помимо традиционных практик постепенно привносят в жизнь и новые тенденции.

В целом иммигранты-мусульмане из Бангладеш (особенно старшее поколение) более стойко противостоят культурно-бытовой ассимиляции и продолжают сохранять большинство своих религиозных и этнокультурных особенностей. Однако происходят и некоторые изменения, заметные в последующих поколениях семей иммигрантов, где дети растут и получают образование в Великобритании [Hale 2007].

5.4. Интеграция бангладешцев в британское общество (по материалам анализа биографических справочников)

Данный раздел основан на материалах таких источников, как биографические справочники «British Bangladeshi Who is Who 2009», «British Bangladeshi Who is Who 2011». Эти справочники содержат данные, собранные представителями бангладешской общины в Великобритании для предоставления информации о наиболее выдающихся достижениях британских бангладешцев в различных сферах деятельности. По словам издателя Шахадотха Карима (Shahadoth Karim), данное печатное издание «иллюстрирует тот вклад, который вносят представители бангладешской общины в процесс интеграции, а также подчеркивает ценность этнических меньшинств» [British Bangladeshi 2009: 3]. В предисловии к справочнику 2011 г. мэр Лондона Борис Джонсон (Boris Johnson) отметил, что эта книга — «прекрасный способ рассказать о выдающихся успехах представителей бангладешской общины в Лондоне и во всей Великобритании. В бизнесе, финансовой сфере, литературе и искусстве, а также в сфере массовой информации (телевидение, пресса, информационные технологии) бангладешцы вносят огромный вклад, важный для общественной жизни страны и ее экономики» [Ibid: 5]. В других обращениях видных британцев к издателям справочника

отмечается также активное участие членов бангладешской общины в политической деятельности. Помимо высоких отзывов от представителей британских органов власти, в издании приводится внешний отзыв Высокого Комиссара от Бангладеш в Великобритании М. Сайедура Рахмана Кхана (M. Sayeedur Rahman Khan), где отмечается, что «успехи бангладешской общины в Великобритании способствуют улучшению ее имиджа и репутации среди мировой общности» [Ibid: 6].

В указанных печатных изданиях (British Bangladeshi Who is Who 2009, British Bangladeshi Who is Who 2011) не проводится анализ собранного материала, биографии носят скорее репрезентативный характер. Вероятнее всего, людям, предоставившим свои биографические данные, был предложен опросный лист с кратким перечнем категорий, по которому предлагалось структурировать ответы и изложить данные в краткой форме.

На основе предоставленных информантами данных, О.Н. Меренковой была составлена аналитическая таблица по таким категориям: имя, пол, возраст, место рождения, конфессиональная принадлежность, семейный статус, образование, количество детей, сфера деятельности, интересы / предпочтительный вид деятельности. В данную таблицу по случайному принципу были отобраны 140 биографий мужчин и женщин.

Статистический анализ половозрастной группы показал, что основная часть опрошенных — мужчины не старше 60 лет. Из общего числа опрошенных (140 чел.) мужчин — 124 чел., женщин — 16 чел., что составляет 87 % и 13 % от общего числа соответственно. Наиболее старшие представители общины, указавшие свои биографические данные, — мужчины в возрасте от 80 лет.

Отметим, что на основе анализа таблицы по критерию «место происхождения» выявлено, что большая часть опрошенных британских бангладешцев идентифицировали свою историческую принадлежность к округу Силхет или к различным его районам (Бинибазар, Голапгандж, Вишванатх, Балагандж). Также наблюдается наличие выходцев и из других округов Бангладеш, в частности Сунамганджа, Маулвибазар, Хабиганджа и Ноакхали. Шесть опрошенных участников указали Великобританию в качестве страны рождения, а 41 чел. из 140 не предоставили данные о себе в этой категории.

В категории «конфессиональная принадлежность» получены следующие результаты: среди 124 мужчин (100 %) религиозная при-

надлежность не выделена у 76 (61 %); выделена — у 48 чел. (39 %). У 16 женщин (100 %) религиозная принадлежность выделена только у одной в возрасте до 30 лет; у остальных 15 (99 %) — не выделена. Интересно отметить, что почти половина участников опроса не подчеркнули в биографических данных свое вероисповедание. Здесь возможно следующее объяснение. Поскольку не известен точный вариант предложенного опросного листа, не исключено, что многие участники предпочли отметить собственные успехи в профессиональной деятельности и не указали данные более индивидуального свойства. Это особо заметно при анализе биографий тех людей, кто так или иначе связан с политической деятельностью, бизнесом или с областью телекоммуникаций.

Анализ семейного положения участников опроса выявил, что большинство из них состоят в браке. Из 124 мужчин в браке состоят 87 чел., не указали свой статус 37 чел. У женщин: замужем — 6 чел., не указали — 10 чел. Среди не указавших семейный статус мужчин и женщин (47 чел.) выделены участники, занимающиеся следующей деятельностью: политика, медиа / журналистика, бизнес, религиозная деятельность, юриспруденция, связи с общественностью. Из них наибольшее число (14 чел.) заняты в сфере политики, а также в бизнесе (13 чел.) и области медиа / журналистики (11 чел.).

По данным о количестве детей в семьях участников опроса выделены следующие группы: н/у, 1, 2, 3, 4, 5 и более детей. Наибольшая численность представлена в группах «2» и «3» — 25 и 27 чел. соответственно, в чьих семьях двое или трое детей. У 15 чел. в семье — 4 ребенка, у 13 чел. — более 5 детей. 53 участника опроса не указали данные в этой категории. Отмечена также группа, в чьих семьях один ребенок. Как правило, эти люди относятся к возрастной группе до 30 лет. В целом отметим наличие больших семей у участников данного опроса.

В категории «образование» получены следующие цифры: у мужчин наибольшее число (44 чел.) получили образование в Великобритании, 32 чел. — учились в Бангладеш, еще 18 чел. получили образование и в Бангладеш и в Великобритании. 30 чел. из 124 не указали информацию о своем образовании. Среди женщин наибольшее число — 8 чел. — также получили образование в Великобритании, 2 чел. указали образование в бангладешских учебных заведениях и 2 чел. отметили обучение в обоих государствах. 4 женщины не предоставили данных о своем образовании. В Великобри-

тании женщины обучались в высших учебных заведениях: университетах Оксфорд, Варвик, Лидс. Одна из опрошенных, получившая образование в Бангладеш, отметила наличие докторской степени²². В целом отмечается высокий уровень образования, как у мужчин, так и у женщин, причем большинство участников опроса получили его в Великобритании.

Анализируя сферы деятельности британских бангладешцев, приведем следующие результаты²³. У мужчин наибольшее число опрошенных связаны с политикой, бизнесом (логистика, ресторанный бизнес, инвестиции), средствами массовой информации (медиа) и работают в области связи с общественностью. У женщин, несмотря на их незначительное число в данной выборке (16 чел.), большее число относится к сфере медиа/искусства/культуры. Отмечается также существенное число женщин-политиков (4 чел.) и юристов (3 чел.), что позволяет говорить об активной позиции бангладешского женского социума в Великобритании.

Одной из наиболее интересных областей для анализа стала категория «интересы / предпочтительная деятельность». При ее описании участники опроса пользовались общими понятиями, как, например, «благотворительность», «поддержка национальных интересов общины», «религиозная деятельность», что позволило выделить примерное количество людей с общими предпочтениями. Наибольшее число опрошенных (46 чел.) указали в качестве предпочтительной деятельности «поддержку национальных интересов общины». При этом данная формулировка включает в себя такое понятие, как «продвижение интересов общины на муниципальном уровне и в политической сфере», поскольку из выше проведенного анализа по роду деятельности отчетливо видно, что наибольшее число опрошенных (29 чел.) соотносят себя с областью политики. Они занимают (или занимали) различные должности (от чиновников на государственной службе до глав районов — в частности Тауэр Хэмлетс) и являются (или являлись) представителями политических партий в различных районах Великобритании (лейбористы, консерваторы). В частности, Рушанара Али²⁴, получившая образование в Оксфорде по специальности «политика, философия и экономика»,

²² См. Приложение, таблица 3, п.60. Махмуда Кабир (Kabir, Mahmuda).

²³ См. Приложение, таблица 3.

²⁴ См. Приложение, таблица 3, п.21. Рушанара Али, (Ali, Rushanara).

в 2009 г. выступала как кандидат на выборы в местный совет от округа Бетнал Грин и Боу. С 2011 г. и по настоящее время она представляет округ Спиталфилдс и Банглатаун в британском парламенте.

Категория «поддержка национальных интересов общины» включает деятельность, направленную на развитие социального обеспечения. С ней также можно соотнести и выделенную отдельно категорию «защита прав членов общины». Причем защита прав членов бангладешской общины подразумевается не только как защита прав в социальной сфере и защита этнических меньшинств, но и в области криминального права. В данной выборке представителями этого рода деятельности являются как мужчины²⁵, так и женщины²⁶.

Значительное число опрошенных (36 чел.) указали «благотворительность» как один из предпочитаемых видов деятельности. В эту категорию могут быть включены следующие аспекты: «поддержка образования и помощь сиротам»²⁷, «благотворительность в поддержку религиозных организаций»²⁸, «создание денежных фондов на благотворительные цели»²⁹, «сбор средств для родной деревни в Бангладеш»³⁰, «поддержка больниц для бедных в г. Дакке и в округе Силхет»³¹.

Категория «религиозная направленность» включает в себя такие понятия, как «помощь в строительстве мечетей»³², «выступление на тему религии на телевидении»³³, «религиозное преподавание»³⁴. Участие в данного рода деятельности отметили 13 чел. (мужчины).

²⁵ См. *Приложение*, таблица 3, п.102. Мазаммел Хоссейн (Hossain, Mazammel).

²⁶ См. *Приложение*, таблица 3, п.51. Шофна Бегум (Begum, Shofna)

²⁷ См. *Приложение*, таблица 3, п.2. Абул Азад Калам (Kalam, Abdul Azad)

²⁸ См. *Приложение*, таблица 3, п.11. Афзал Али (Ali, Afzal)

²⁹ См. *Приложение*, таблица 3, п.118. Ахмед Ус Самад Чоудхури (Chowdhury, Ahmed Us Samad)

³⁰ См. *Приложение*, таблица 3, п.131. Салим Чоудхури (Chowdhury Salim)

³¹ См. *Приложение*, таблица 3, п.112. Азиз Чоудхури (Chowdhury, Aziz)

³² См. *Приложение*, таблица 3, п.98. М.А.Харид (Harid M.A.)

³³ См. *Приложение*, таблица 3, п.107. Ризван Хуссейн (Hussain, Rizwan)

³⁴ См. *Приложение*, таблица 3, п.30. Хафиз Моулана Ахмад (Ahmad, Hafiz Moulana)

Не указали свою предпочтительную деятельность (н/у) 17 чел. Возможно, это продиктовано нежеланием указывать более подробную информацию в силу профессиональной занятости: принадлежности к политической области, прессе, юриспруденции, а также сфере бизнеса.

Однако помимо перечисленных категорий в таблице приведены данные участников, в персональной характеристике которых отчетливо проявляется их самоидентификация в британском обществе, а также важность сохранения национального языка и культуры для них самих и их детей.

Так, персональная характеристика, данная одним из участников, демонстрирует самоидентификацию индивидуума в принимающем обществе. Машук Ахмед Кхан (Mashuk Ahmed Khan)³⁵, родом из деревни Гангаджал округа Силхет, получивший образование в Великобритании и занимающийся академической деятельностью, пишет о себе: «Идентифицирую себя как “британский мусульманин” (British Muslim), сохраняя свои религиозные убеждения и национальные ценности, при этом разделяю интересы [других] представителей британского общества».

Проблема самоидентификации — предмет изучения для другого участника проведенного опроса: Мухаммад Абдул Бари (Bari, Muhammad Abdul) занимается исследованиями на тему «идентичности среди молодежи»³⁶. Интересно отметить характеристику Энама Али (Ali, Enam), в которой указывается, что важное значение для него приобретает «укрепление [чувства] идентичности (принадлежности к “своим”) среди членов бангладешской общины, что способствует большему уважению по отношению к представителям общины повсюду в Великобритании»³⁷.

Другие участники опроса в категории «предпочтительная деятельность» указывают такие понятия, как «продвижение бенгаль-

³⁵ См. Приложение, таблица 3, п.69. Машук Ахмед Кхан (Khan, Mashuk Ahmed).

³⁶ См. Приложение, таблица 3, п.50. Мухаммад Абдул Бари (Bari, Muhammad Abdul).

³⁷ Дословно: «Giving British Bangladeshis a much stronger identity and far greater respect within the UK». Приложение, таблица 3, п.26. Энам Али (Ali, Enam).

ской культуры»³⁸, «увеличение бангладешского социально-культурного и экономического влияния посредством телевидения»³⁹, «обучение детей в школах бенгальскому языку»⁴⁰, а также «продвижение идей мультикультурализма»⁴¹.

Политика мультикультурализма, под которой понимают свободное параллельное развитие этнических культур иммигрантов и их потомков, в британских условиях оказалась неэффективной. И без того разделенное по классовому и сословному принципам британское общество оказалось разделено также на «белое большинство» и «цветные меньшинства» иммигрантского происхождения.

Глобализация приводит к формированию транснациональных связей, которые, благодаря наличию всемирной компьютерной сети — Интернета, дешевой телефонной (спутниковой) связи, недорогого, быстрого и эффективного авиасообщения сделала возможным создание и поддержание тесных ежедневных связей между иммигрантами и членами их семей в принимающем обществе.

В заключение к данному разделу следует сказать, что, несмотря на случайный выбор и неполные данные, которые привели участники опроса, представляется возможным дать краткие характеристики по каждой из выбранных категорий. Проанализированные выше биографические сведения позволяют предположить, что участники опроса заинтересованы в сохранении национально-культурных особенностей. При этом указанные данные косвенно демонстрируют, в каких сферах и в какой степени британским бангладешцам удается интегрироваться в окружающий их социум.

³⁸ См. *Приложение*, таблица 3, п.9. Алхаз Шукур Али (Ali, Alhaz Shukur).

³⁹ См. *Приложение*, таблица 3, п. 49. Хафиз Алам Бакхш (Bakhsh, Hafiz Alam).

⁴⁰ См. *Приложение*, таблица 3, п.91. Голам Мостафа Фарук (Faruk, Golam Mostafa).

⁴¹ См. *Приложение*, таблица 3, п.140. Шету Чоудхури (Chowdhury, Shetu).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный в данном исследовании материал позволяет разделить процесс миграции с территории нынешнего государства Бангладеш (до 1971 г. — Восточной Бенгалии) на два основных периода: до и после 1971 г. В первый период трудовые мигранты-мужчины прибывали в Великобританию, планируя заработать средства, достаточные для относительно безбедной жизни на родине после возвращения. Вопрос социокультурной адаптации для них не был особенно важен. Второй период характеризуется становлением процесса воссоединения семей мигрантов и их отказом от возвращения на родину, что вызвало резкое увеличение численности бангладешцев в Великобритании, и позволило говорить о формировании бангладешской общины.

По результатам статистических данных на основе переписей населения (2001, 2011 гг.) бангладешцы признаны самой «быстрорастущей этнической группой» (точнее — политонимной) в британском обществе, увеличение которой в последние годы происходит в основном за счет естественного прироста внутри самой группы. На этом этапе особую роль приобретает вопрос социокультурной адаптации.

Взаимодействие мигрантов и их потомков с исторической родиной не прерывалось и продолжается в настоящее время. Это проявляется в различных сферах: как в социокультурной (браки с партнерами из Бангладеш), так и в экономической (переводы денежных средств и покупка земли на родине, развитие торговых связей).

Формирование многочисленных организаций, ассоциаций и сообществ профессионального и социокультурного характера британскими бангладешцами отражает степень их интегрированности в принимающее общество. В жизни британских бангладешцев появляются новые практики поведения, позволяющие говорить о процессе культурно-бытовой адаптации бангладешцев в Великобритании. Из ритуальных практик, связанных с рождением, браком и смертью, наименее подверженной изменению представляется похоронная обрядность. Больше заметны изменения в сфере обрядов рождения и брака.

В целом мигранты-мусульмане из Бангладеш (особенно старшее поколение) более стойко противостоят культурно-бытовой ассимиляции и сохраняют большую часть своих религиозных и этнокультурных особенностей. Однако в последующих поколениях происходят определенные изменения, особо заметные в семьях мигрантов, дети которых растут и получают образование в Великобритании.

Анализ отношения представителей бангладешской общины к вопросу самоидентификации показал следующее.

Во-первых, важные изменения наблюдаются в мировоззрении детей бывших иммигрантов. Если их родители могли с уверенностью назвать себя в первую очередь бенгальцами (с 1971 г. — бангладешцами), то рожденное и выросшее в Великобритании поколение затрудняется с однозначным выбором. Им сложно дать ответ на вопрос, что они выбирают в качестве основного идентификационного признака: религию, национальную культуру или британский образ жизни. В зависимости от этого выбора они идентифицируют себя как «мусульманин», «бангладешец» или «британец».

Во-вторых, живущие в Великобритании члены бангладешской общины старшего поколения сохраняют этническую идентичность. Однако молодое поколение британских бангладешцев находится на распутье. Несмотря на то что большинство из них считают Бангладеш «своей исторической родиной» (во многом благодаря рассказам родных, а также деятельности различных организаций, направленной на сохранение родной культуры и языка), юные британские бангладешцы все чаще подчеркивают свою «британизованность» или религиозный аспект своей идентичности.

Представители бангладешской молодежи стремятся к интеграции в британское общество, что особенно заметно в политико-экономической сфере. При этом члены общины продолжают сохранять свои национально-культурные особенности: язык, культурно-бытовые нормы, религиозные предписания. Наблюдая за проходящим процессом адаптации данной группы в принимающем обществе, отметим, что британские бангладешцы считают себя неотъемлемой частью британского общества и требуют признания собственных прав в социальной сфере и на политическом уровне.

ИСТОЧНИКИ

Государственные организации:

Office For National Statistics // Сайт Правительства Великобритании <http://www.statistics.gov.uk/hub/index.html>

British National Party // Сайт Британской национальной партии <http://www.bnp.org.uk>

Centre for Social Markets // Сайт исследования социальных рынков <http://www.csmworld.org>

National Secular Society // Сайт Британского национального светского общества <http://www.secularism.org.uk>

Печатные издания:

Awaz

India Today

London Evening Standard // www.standard.co.uk

The Daily Mail // www.dailymail.co.uk

The Daily Telegraph // www.telegraph.co.uk

The Guardian // www.guardian.co.uk

The Asian Age.

The Asian Times.

The East

The Eastern Eye

India Today.

Радиостанции:

BBC

Биографические справочники:

British Bangladeshi Who is Who 2009 // <http://www.bbwhoswho.co.uk>

British Bangladeshi Who is Who 2011 / Ed. M.A. Karim. L.: Bangla Mirror Group, 2011/12. 129p.

Литературные произведения:

Али М. Брик Лейн. Перевод Е.Скрылевой. М.: ЗАО Росмэн-Пресс, 2005. 640 с.

Ali M. Brick Lane. L.: Doubleday, 2003. 389 p.

Daljit Nagra, Look. We Have Coming to Dover. L.,: Faber&Faber, 2007. 55 p.

Hall T. Salaam Brick Lane: A Year in the New East End. Manchester: John Murray Publishers, 2005. 270 p.

Видеоматериалы:

Свадьба британских бангладешцев. Презентация фирмы «Канья-даан» 1. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.youtube.com/watch?v=sJQnd1iSf-g&feature=related> — дата обращения 03.01.2012

Свадьба британских бангладешцев. Презентация фирмы «Канья-даан» 2. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.youtube.com/watch?v=veWTlJ88-Jc> — дата обращения 03.01.2012

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамова С.Ю. Африка: четыре столетия рабства. 2-е изд. М.: Наука, 1992. 298 с.

Аксянова Г.А. Критика использования биологических и психологических особенностей человека в идеологии и практике расизма // Расы и расизм. История и современность. № 21. М.: Наука, 1991. С. 46–61.

Антонова К.А., Бонгард-Левин ГМ., Котовский Г.Г. История Индии. М.: Мысль, 1973. 558 с.

Арутюнов С.А. Диаспора — это процесс // Этнографическое обозрение. М.: Наука, 2000. № 2. С. 74–78.

Афонасенко Е.В. Психология межэтнических взаимодействий. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 105 с.

Борисов А.А. Мультикультурализм: теории и практики // История. Культура. Общество. Междисциплинарные подходы. Ч. II. История. Культурология. М.: Аспент-Пресс, 2003. С. 513–575.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.

Бромлей Ю.В., Козлов В.И. Этноты и этнические процессы как предмет исследования // Этнические процессы в современном мире / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1987. С. 5–43.

Бьюкенен Дж. Политическая экономия государства благосостояния // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 5. С. 46–52.

Великобритания. Экономический обзор. М., 1960. 659 с.

Великобритания. Экономика и политика стран современного капитализма / Отв. ред. С.В. Пронин, Е.С. Хесин. М.: Мысль, 1972. 478 с.

Воронихина Л.Н. Лондон. Л.: Искусство, 1969. 302 с.

Галкина Е.М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей: По материалам этносоциол. исслед. в Москве: Дис. ... к.и.н. М., 1993. 231 с.

Городецкая И.Е. Великобритания: избиратели, выборы, партии 1945–1970. М.: Наука, 1974. 223 с.

Демкина Л.А. Национальные меньшинства в странах Восточной Африки (социально-экономическое и политическое положение индо-пакистанского и арабского населения). М.: Наука, 1972. 127 с.

Дорохин П. Хоссейн Мохаммад Эршад // Азия и Африка сегодня. 1990. № 6. С. 25–27.

Дриздо А.Д., Кочнев В.И., Семашко И.М. Индийцы и пакистанцы за рубежом. М.: Наука, 1978. 253 с.

Дубинский Л.С. Современные проблемы воспроизводства и использования рабочего населения в Англии. МГУ, 1971. 104 с.

Заринов И.Ю. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность») // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 21–31.

Звидриньш П.П. Население Великобритании (размещение, состав и воспроизводство). М.: Статистика, 1979. 183 с.

Идентификация // Большая советская энциклопедия. Т. 10. М.: Советская энциклопедия, 1972. 592 с.

Иконников А.В. Лондон. Л.: Стройиздат, 1972. 86 с.

Клеман Н.М. Социальные программы политических партий и формирование электората Великобритании. М.: ИНИОН, 1987.

Козлов В.И. Этнорасовые изменения в составе населения Великобритании // Советская этнография. 1980. № 4. С. 40–56.

Козлов В.И. Иммигранты и этнорасовые проблемы в Великобритании. М.: Наука, 1987. 205 с.

Козлов В.И. Сущность бытового расизма и проявление его в Британии // Расы и расизм. История и современность. М.: Наука, 1991. С. 158–177.

Козлов В.И. Проблематика «этничности» // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 39–55.

Котин И.Ю. Рождение Банглатауна. Бангладешцы в лондонском Ист Энде // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003 а. Вып. 13. С. 81–87.

Котин И.Ю. Побег баньяна: Миграция населения из Южной Азии и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003б. 265 с.

Котин И.Ю. Ислам в Южной Азии. Мечом и молитвой. СПб.: Петербургское востоковедение — Азбука, 2005. 248 с.

Котин И.Ю. Ислам в Южной Азии и Великобритании. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 280 с.

Котин И.Ю. Тюрбан и «Юнион Джек». Выходцы из Южной Азии в Великобритании. СПб.: Наука, 2009. 228 с.

Лондон Дж. Люди бездны. Сочинения. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 2. 595 с.

Маретина С.А. Касты у бенгальцев // Кюнеровские чтения 1995–1997: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 118–120.

Международная миграция населения / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 3. 370 с.

Меренкова О.Н. Влияние национального и конфессионального аспекта идентификации бенгальцев на формирование независимого государства Бангладеш // Этнические процессы в глобальном мире. СПб., 2010. С. 13–16.

Меренкова О.Н. Бангладешцы в Великобритании. Мифы и реальность // Азия и Африка сегодня. 2011 а. № 4. С. 32–35.

Меренкова О.Н. «Британские бангладешцы» в поиске идентичности // Этнографическое обозрение. 2011б. № 5. С. 109–117.

Меренкова О.Н. Британское время, бенгальское пространство: тема миграции и иммигрантов в романе Моники Али «Брик Лейн» // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты 2010 г. // Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб., 2011 в. С. 296–301.

Меренкова О.Н. История бангладешской иммиграции // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение, африканистика. СПб., 2011 г.. Вып. 4. С. 42–50.

Меренкова О.Н. История бангладешской общины в Великобритании // Материалы докладов XXVI международной конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки. Модернизация и традиция». СПб., 2011 д. С. 142–143.

Меренкова О.Н. Банглатаун в британском мегаполисе // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты 2011 г. // Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб., 2012. С. 392–396.

Меренкова О.Н. Журналы свадебной моды как источник информации о взаимовлиянии культур // Европейское культурное пространство. Сборник МАЭ / Отв. ред. А.А. Новик. Т. 58. СПб.: Наука, 2013 а. С. 437–449.

Меренкова О.Н. Пространство выбора брачных партнеров у британских бангладешцев // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты 2012 г. // Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб., 2013 б. С. 47–53.

Михайлов С.В. Рабочий класс США и Великобритании в 1980-е годы. Социальные последствия технологической перестройки в условиях капитализма. М.: Наука, 1988. 208 с.

Мортон г.В. Лондон: Красота и величие столицы мира. СПб.: Мидгард, 2005. 570 с.

Народы Южной Азии / Под ред. Н.Р. Гусевой и др. М.: АН СССР, 1963. 964 с.

Пакистан / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1966. 484 с.

Перегудов С.П. Великобритания после выборов 1997 года: обычная смена власти или прорыв в XXI век // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 3. С. 74–84.

Плещунов Ф.О. Мусульманские школы Великобритании: борьба за государственное финансирование // Восток (Oriens). 2008. № 1. С. 74–82.

Рабочее движение Великобритании: расовая и национальные проблемы / Отв. ред М.А. Заборов. М.: Наука, 1982. 328 с.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.

Сапего Г. Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 50–58.

Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 64–74.

Соболев В.Г. Мусульманские общины в государствах Европейского союза: проблемы и перспективы. СПбГУ, 2003. 148 с.

Соболева Е.С., Эпштейн М.З. Роль российских музеев в формировании национальной идентичности // *Studia culturae*. СПб.: Центр изучения культуры, Санкт-Петербургское философское общество, 2004. Вып. 7. С. 246–249.

Спейт О.Х.К. Индия и Пакистан. Пер. с англ. / Спейт О.Х.К.; Ред. А.М. Рябчиков. М.: Иностранная литература, 1957. 834 с.

Сэмпсон А. Новая анатомия Британии. Пер. с англ. Гуровой И.Г., Тихомировой И.Р. М.: Прогресс, 1975. 461 с.

Суворова А.А. Женщина и ислам // Индийская жена: исследование, эссе / Отв. ред. И.П. Глушкова. М.: Восточная литература, 1996. С. 127–141.

Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.

Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63.

Тринич Ф.А. Бангладеш. М.: Мысль, 1974. 256 с.

Щеглова А.М. Сельское общество Бангладеш. М.: Наука, 1988. 164 с.

Чапек К. Сочинения. Очерки, путевые заметки. Пер. с чеш. М.: Художественная литература, 1959. Т. 2. 719 с.

Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35–49.

Чтение адхана на ухо новорожденному. *Azan and Iqamat for the newborn and deceased*. 26.02.2003. [Электронный ресурс]: URL: <http://islamanswers.co.uk/2011/11/adhan-and-iqamah-in-the-ears-of-baby>. Дата обращения 09.11.2012.

Adams C. *Across Seven Seas and Thirteen Rivers*. L.: Tower Hamlets Arts Projects, 1987. 230 p.

Aitihashik dolilopotre shadhinotar ghoshona. Объявление о независимости. Газета «Протхом Ало» (Prothom Alo) [Электронный ресурс]: URL: <http://www.prothom-alo.com/26-march>. Дата обращения 05.04.2012.

Alexander C., Firoz Sh., Rashid N. The Bengali Diaspora in Britain: A Review of the Literature. L.: LSE, 2010. 32 p.

Anwar M. The Myth of Return. Pakistanis in Britain. L.: Heinemann Educational Books, 1979. 278 p.

Anwar M. Race and Politics. Ethnic Minority and the British political system. L.; N.Y.: Tavistock Publications, 1986. 208 p.

Anwar M. The Participation of Asians in the British political system // South Asians Overseas / Eds. C. Clarke, C. Peach, S. Vertovec. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 297–315.

Anwar M. “New Commonwealth” Migration to the UK // The Cambridge Survey of World Migration / Ed. by R. Cohen. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 274–278.

Ballard R. Migration and Kinship: The Differential Effect of Marriage Rules on the Processes of Punjabi Migration to Britain // South Asian Overseas / Eds. C. Clarke, C. Peach, S. Vertovec. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 219–249.

Ballard R. Differentiation and disjunction among the Sikhs // Desh Pardesh. The South Asian Presence in Britain / Ed by R. Ballard. L.: Hurst and Company, 1995. P. 88–116.

Ballard R. The construction of a conceptual vision: ‘Ethnic groups’ and the 1991 UK Census // Ethnic and Racial Studies. January 1997. Vol. 20. № 1. P. 182–194.

Balls J. The changing population and ethnic mix of England and Wales // Evening Standard Daily Mail Express. 19 May. 2011. [Электронный ресурс]: URL: http://fullfact.org/factchecks/Evening_Standard_Daily_Mail_Express_reportin_ONS_population_ethnic_mix_England_Wales-2717. Дата обращения 20.10.2012.

Barton S.W. The Bengali Muslims of Bradford. Leeds: Department of Theology and Religious Studies, Leeds: University of Leeds, 1986. 244 p.

Barth F. Introduction // Barth F. (ed.). Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences / Bergen; L.: George Allen and Unwin, 1969. P. 1–16.

Barth F. The Analysis of Culture in Complex Societies // Ethnos Sweden (Stockholm). Ethnographical Museum of Sweden, 1989. V. 54. P. 120–142/

The Bengali East End. Booklet prepared by the Tower Hamlets Local History Library and Archives. L.: Tower Hamlets Council, 2015. 41 p.

Bentham M. UK ethnic population has risen 40 per cent in the last eight years // London Evening Standard. 18 May. 2011. [Электронный ре-

сурс]: URL: <http://www.standard.co.uk/news/uk-ethnic-population-has-risen-40-per-cent-in-the-last-eight-years-6402695.html>. Дата обращения 28.10.2012.

Black E.L. Poetry Alive. An Anthology. L.: London and Basingtoke, 1984. 246 p.

The Bengali East End. Histories of Life and Work in Tower Hamlets. L.: Tower Hamlets Council, 2015. 42 p.

Bowcott O, Percival J. Bangladeshi ‘forced marriage’ GP due back in Britain tomorrow // The Guardian, 15 December 2008/ [Электронный ресурс]: URL: <http://www.guardian.co.uk/uk/2008/dec/15/gp-bangladesh-forced-marriage>. Дата обращения 02.03.2012.

British Asians Today — a statistical overview, Centre for Social Markets, July. 2001. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.csmworld.org>. Дата обращения 20.10.2012.

British National Party. 80 % of Babies Born in “British” Hospital Are Foreign. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.bnp.org.uk/news/80-babies-born-%E2%80%99british-%E2%80%9D-hospital-are-foreign>. Дата обращения 03.11.2012.

Brown C. Black and White Britain: The Third PSI Survey. Aldershot: Gower, 1984. 331 p.

Sacciottolo M. Brick Lane protesters hurt over ‘lies’. 31 July 2006 [Электронный ресурс]: URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/5229872.stm. Дата обращения 05.01.2011.

Carey S., Shukor A. A Profile of the Bangladeshi Community in East London // New Community. Community Relations Commission. 1985. Vol. 12. No. 3. P. 405—417.

Crick B. The sense of identity of the indigenous British // British national identity in a European context. New Community / Ed. B. Parekh. Carfax Publishing Ltd, 1995. April. 21 (2). P. 167—182.

Diversity in London. L.: Greater London Authority, 2013. 41 p.

Dutt K., Dasgupta R., Chatterjee A. Bangladesh Economy. An Analytical Study. New Delhi: People’s Publishing House, 1973. 268 p.

Eade J. The Politics of Community. The Bangladeshi Community in East London. England: Avebury, 1989. 213 p.

Eade J. Bangladeshi community organisation and leadership in Tower Hamlets, East London // South Asians Overseas / Ed. by C. Clarke, C. Peach, S. Vertonec. Cambridge: Cambridge University Press, 1990 a. P. 317—331.

Eade J. Nationalism and the quest for authenticity: Bangladeshis in Tower Hamlets // New Community. 1990 b. Vol. 16. No. 4. P. 493—503.

Eade J., Vamplew T., Peach C. The Bangladeshis: the encapsulated community // Ethnicity in the 1991 Census. Vol. 2. The ethnic minority

populations of Great Britain / Ed. By C. Peach. L.: HMSO, 1996. P. 150–160.

Eaton R.M. *The Rise of Islam and the Bengal Frontier, 1204–1760*. Berkeley: University of California Press, 1993. 210 p.

Edwards J. *Positive Discrimination: Social Justice in Social Policy*. L.: Tavistock, 1986. 243 p.

Edwards J. *When Race Counts. The Morality of Racial Preference in Britain and America*. L.: Routeledge, 1995. 260 p.

Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology / Ed. by A. Barnard, J. Spencer. L., N.Y. Routledge, 2001. 658 p.

Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences / Ed. by Barth Bergen; L.: George Allen and Unwin, 1969. 153 p.

Eversley J., Ullah A.A. *Bengalis in London's East End*. L.: Swadhinata Trust, 2010. 116 p.

Farwell B. *Armies of the Raj. From the Great Indian Mutiny to Independence: 1858–1947*. L.; N.Y.: W.W. Norton & Company, 1989. 399 p.

Faruque O. *Bangladeshi Expatriates in Britain*. Dhaka; London: Nihal Publications, 2006. 544 p.

Forced Marriage in Bangladesh // Embassy of the USA. Dhaka. Bangladesh. [Электронный ресурс]: URL: http://dhaka.usembassy.gov/forced_marriage_definitions.html. Дата обращения 09.02.2012.

Ford R. *One baby in five born to mothers who came from outside Britain* // *The Times*. 12 December, 2007. [Электронный ресурс]: URL: http://www.timesonline.co.uk/tol/life_and_style/health/article3037523.ece. Дата обращения 10.11.2012/

Fyson N.L. *Multi-Ethnic Britain*. L.: Batsford Academic and Educational Ltd, 1984. 72 p.

Gangopadhyay B. *Marriage regulations among certain castes of Bengal*. Poona: Deccan College, 1964. 121 p.

Gangulee N. *Indians in the Empire Overseas. A Survey*. L.: New India Publishing House, 1947. 263 p.

Garbin D. *Bangladeshi diaspora in the UK: some observations on socio-cultural dynamics, religious trends and transnational politics* // Conference Human Rights and Bangladesh. 17 June 2005. SOAS (School of Oriental & African Studies), University of London, [Электронный ресурс]: URL: <http://www.surrey.ac.uk/cronem/files/BE04B01Ed01.pdf>. Дата обращения: 18.02.2013/

Gardner K. 'Desh-bidesh'. *Sylheti Images of Home and Away* // *Man* (New Series), 28 (1), March, 1993. P. 1–15 / Reprint: Vertovec S. and Cohen R. (Eds.). *Migration, Diasporas and Transnationalism*. Cheltenham, 2001. P. 488–503.

Gardner K., Shukur A. I'm Bengali, I'm Asian, and I'm living here. The changing identity of British Bengalis // *The South Asian Presence in Britain*, L.: Hurst and Company, 1995. P. 158–163.

Gordon M. *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins*. N.Y.: Oxford University Press, 1964. 272 p.

Greenberg S. *Race and State in Capitalist Development: Comparative Perspectives*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1980. 489 p.

Hale B. Anger over plan to dig up 350,000 bodies in historic London cemetery for Muslim burial site // *Daily Mail*. 12 October 2007. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-487017/Anger-plan-dig-350-000-bodies-historic-London-cemetery-Muslim-burial-site.html>. Дата обращения 09.02.2012.

Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. Cambridge: Belknap Press of Harvard University, 1980. 1076 p.

Hussain D. Bangladeshis in East London: from secular politics to Islam // *Open democracy*. 6 July 2006. [Электронный ресурс]: URL: https://www.opendemocracy.net/democracy_protest/Bangladeshs. Дата обращения 16.01.2016.

Inside European Identities. *Ethnography in Western Europe* / Ed. Sh. Macdonald. USA, Providence: Berg Publishers, 1993. 247 p.

Kapadia K.M. *Marriage and Family in India*. L.: Oxford University Press, 1966. 395 p.

Khan Z.I. Nuptial Nightmare: Child Marriage in Bangladesh // *Dispatches International Newsmagazine*. [Электронный ресурс]: URL: http://www.dispatchesinternational.org/index.php?option=com_content&view=article&id=104:nuptial-nightmare-child-marriage-in-bangladesh&catid=44:bangladesh&Itemid=58. Дата обращения 09.02.2012

Kondapi C. *Indians Overseas 1838–1949*. New Delhi: Indian Council of World Affairs, 1951. 558 p.

Kotin I. Religious Pluralism in London: Ethnicity, Religion and Caste Among Indians in Southall (Middx, UK) // *Pluralism in the Diaspora* / Ed. P. Kumar. Leiden: Brill, 2006. P. 175–187.

Legal System of Bangladesh. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.law.emory.edu/ifl/legal/bangladesh.htm>. Дата обращения 09.02.2012.

Le Brack B. *The New Patrons. Sikhs Overseas* // *The Sikh Diaspora. Migration and the Experience Beyond Punjab* / Eds. By N.G. Barrier and V.A. Dusenbury. Columbia (Missouri): South Asia Books, 1989. P. 261–304.

Macdonald Sh. *Identity Complexes in Western Europe: Social Anthropological Perspectives* // *Inside European Identities. Ethnography in Western Europe* / Ed. by Sh. Macdonald. USA, Providence: Berg Publishers, 1993. 247 p.

Madan T.N. Coping with ethnicity in South Asia: Bangladesh, Punjab and Kashmir compared // *Ethnic and Racial Studies*. 1998. Vol. 21. № 5. Routledge: Taylor & Francis Group. P. 969–989.

Mariott J. *Beyond the Tower. A History of East London*. New Haven; L.: Yale University Press, 2011. 366 p.

Mariott McK. *Caste and Community Structure in five regions of India and Pakistan*. Poona: Deccan College, 1960. 75 p.

Mehta G.M.T. Parsees in Britain: The experiences of a religious minority group // *New Community*. 1982. Vol. 10. No/ 2. L.: Routelege, P. 243–250.

Messina A.M. *Race and Party Competition in Britain*. Oxford, Oxford University Press, 1989. 200 p.

Miller D. Reflections on British national identity // *British national identity in a European context* / Ed. by B. Parekh // *New Community*. 1995. Vol. 21. No. 2. Carfax: Carfax Publishing Ltd. P. 153–166.

National Secular Society. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.secularism.org.uk/uploads/faith-schools.pdf>. Дата обращения 20.11.2012.

Newbald E.B. *Portrait of Coventry*. L.: Robert Hale Ltd, 1972. 208 p.

Office for National Statistics (UK). *Ethnicity and National Identity in England and Wales*. L.: HMSO, 1992. 28 p.

Office for National Statistics UK. *UKCensus 2011*. L.: Her Majesty's Statuary Office, 2011. 24 p.

The Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic world / Ed. by J.A. Esposito. Oxford: *Oxford*University Press, 1995. 1904 p.

Pal A., Chakraborty T. *Theorizing and Critiquing Indian Diaspora*. New Delhi: Creative Books, 2004. 274 p.

Parker P. Meet the Real East Enders // *The Daily Telegraph*. 24 April 2005. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/3641315/Meet-the-real-East-+-Enders.html>. Дата обращения 25.05.2012/

Patterson Sh. *Dark strangers. A sociological study of the Adoption of recent West Indian migrant group in Brixton, South London*. Boomington: Indiana University Press, 1964. 388 p.

Peach G.C.K. *West Indian Migration to Britain* // *The International Migration Review*. 1967. Vol. 1. No. 2. N.Y.: Center for Migration Studies of New York, Inc. P. 34–45.

Peach G.C.K. *The Meaning of Segregation* // *Planning Practice and Research*. 1996. Vol. 11. No. 2. L.: Routelege. P. 137–150.

Peach G.C.K. *The United Kingdom. A Major Transformation of the religious landscape* // *The Changing Religious Landscape of Europe* / Ed. by H. Knippenberg. Amsterdam, 2005. P. 44–57.

Peach G.C.K. Islam, Ethnicity and South Asian Religions in the London 2001 Census // Transactions of the Institute of British Geographers. 2006. No. 3 (31). P. 353–370.

Philips A.A.B. Funeral Rites in Islam. Riyadh. Saudi Arabia: International Islamic House, 2005. 160 p.

Phillips D. The Social and spatial segregation of Asians in Leicester // Social Interaction and Ethnic Segregation / Eds. by P. Jackson and S. Smith. L.: IBG Special Publication. 1981. No. 12. P. 101–122.

Rich P.B. Conservative Ideology and Race in Modern British Politics // Race, government & politics in Britain / Eds. by Z. Layton-Henry and P.B. Rich. L.: Macmillan, 1986. P. 45–67.

Qureshi H.A. The 1971 Indo-Pakistan War: A Soldier's Narrative. Oxford; L.: Oxford University Press, 2002. 325 p.

Report of the High Level Committee on the Indian Diaspora. New Delhi: Indian Council of World Affairs, 2001. 576 p.

Richardson C., Harris E. Twentieth Century Coventry. Coventry: Macmillan, 1972. 380 p.

Robinson V. Correlates of Asian immigration: 1959-1974 // New Community. 1980. No. 8. L.: Routeledge. P. 115–123.

Robinson V. Transients, Settlers, and Refugees. Asians in Britain. Oxford: Clarendon Press, 1986. 261 p.

Robinson V. Boom and gloom: The success and failure of Asians in Britain // South Asians Overseas: Migration and Ethnicity / Eds. by C. Clarke, C. Peach, S. Vertovec. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 263–295.

Rubbi Kh.F. The Origin of the Musalmans of Bengal: Being a Translation of Haqiqate Musalman-I-Bengalah. Calcutta: Thacker, Spink and Co., 1895. 196 p.

Rushby K. Way out East, innit? // <http://www.guardian.co.uk/profile/kevinrushby> The Guardian, Saturday 16 April 2005 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2005/apr/16/highereducation>. biography. Дата обращения 05.08.2012.

Samad Y. Book burning and race relations: Political mobilization of Bradford Muslims // New Community. 1992. Vol. 18. No. 4. L.: Routeledge. P. 507–520.

Schuman J. The ethnic minority populations of Great Britain — latest estimates // ONS (Office for National Statistics) Population Trends. 1999, P. 33–43. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/publications>. Дата обращения 20.10.2012.

Srinivasan Sh. The South Asian Petty Bourgeoisie in Britain. Great Britain. L.: Oxford University Press, 1995. 680 p.

Stillwell J., Phillips D. Diversity and Change: Understanding the Ethnic Geographies of Leeds // *Journal of Ethnic and Migration Studies (JEMS)*. 2006. Vol. 32. No. 7. L.: Routledge. P. 1131–1152.

Summerfield H. Patterns of Adaptation: Somali and Bangladeshi Women in Britain // *Migrant Women. Crossing Boundaries and Changing Identities* / Ed. by G. Buijs. Cross-Cultural Perspectives on Women. Providence. USA: Berg Publishers Ltd, 1993. Vol. 7. P. 83–98.

Tales of three generations of Bengalis in Britain / Ed. by J. Eade, A.A. Ullah, J. Iqbal, M. Hey. L.: Nirmul Committee, 2006. 143 p.

The Asian Business / *Ethnic Minority Business Service Newsletter*. Oxford: Clarendon Press, 1992. 24 p.

The London Encyclopedia / Eds. by B. Weinreb, Ch. Hibbert. L.: Macmillan, 1993. 1060 p.

Tinker H. The Banyan tree: overseas emigrants from India, Pakistan, and Bangladesh. L.: Oxford University Press, 1977. 204 p.

Vertovec S., Peach G.C.K Islam in Europe and the Politics of Religion and Community // *Islam in Europe. The Politics of Religion and Community*. Basingstock and London., 1997. P. 1–41.

Walter N. Citrus scent of inexorable desire // *The Guardian*, Saturday 14 June 2003. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2003/jun/14/featuresreviews.guardianreview20>. Дата обращения 12.03. 2012.

Werbner P. Manchester Pakistanis: division and unity // *South Asians Overseas: Migration and Ethnicity* / Eds. by C. Clarke, C. Peach, S. Vertovec. Cambridge: Cambridge University, год. К-во страниц

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Оценка роста бангладешской общины в Великобритании 1961–1991

Год	Родившиеся в Бангладеш	Родившиеся в Великобритании бангладешцы	Общее число бангладешцев в Великобритании
1961	6.000		6.000
1971	21.000	1.000	22.000
1981	48.517	16.000	64.561
1985/87	79.000	32.000	111.000
1991	105.012	59.679	162.835

Источник: Eade J., Vamplew T., Peach C. The Bangladeshis: the encapsulated community // Ethnicity in the 1991 Census. Vol.2. The ethnic minority populations of Great Britain / Ed. C. Peach. L.: HMSO, 1996. p. 150-160.

Примечание: по данным 1981 г. и 1991 г. общее число бангладешцев может немного отличаться, так как не все родившееся в Бангладеш принадлежат этнически к бангладешцам.

Рост численности бангладешцев 1961-2009 гг.

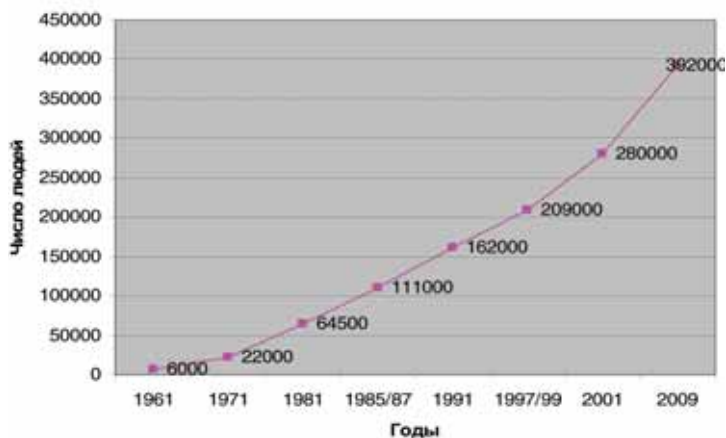

Рисунок 1. Данные по оценкам Офиса Национальной Статистики Великобритании (ONS) 1961–2009 гг.

Источник: Таблица составлена О.Н.Меренковой на материале данных, приведенных в официальных отчетах Бюро Национальной Статистики Великобритании (ONS UK)

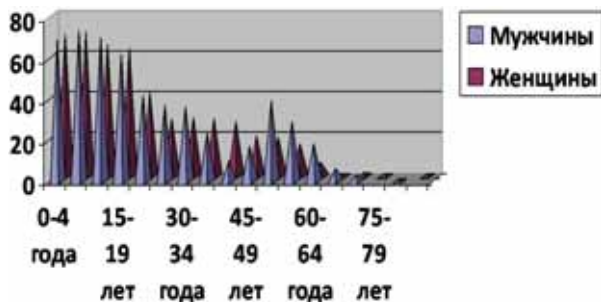

Рисунок 2. Примерное соотношение пола и возраста бангладешцев в Великобритании (1991).

Источник: Таблица составлена О.Н Меренковой по данным переписи населения (ONS UK) 1991 г.

Таблица 2

**Рост населения, оценка по этническим группам.
Англия и Уэльс. 2001–2009
(размеры исчисления в тысячах и процентах)**

Этнические группы	Населе- ние. Середина 2001	Естест- венный прирост	Миграция и другие измене- ния	Населе- ние. Середина 2009	Средне- годовой прирост населения
Все группы	52,360.0	1,093.8	1,355.3	54,809.1	0,6 %
Белые: британцы (White: British)	45,718.9	359.9	-396.7	45,682.1	0,0%
Белые: ирландцы (White: Irish)	646,6	-51.3	-21.1	574,2	-1,5%
Белые: Прочие (White: Other White)	1,379.7	38.6	514.3	1,932.6	4,3%
Смешанные: Белые и выходцы из Кариб- ского региона (Mixed: White and Black Caribbean)	240.4	72.8	-2,6	310.6	3,3%
Смешанные: Белые и Черные Африканцы (Mixed: White and Black African)	80.7	35.6	15.5	131.8	6,3%

Смешанные: Белые и Азиаты (Mixed: White and Asian)	192.3	82.8	26.5	301.6	5,8%
Смешанные: Прочие Смешанные (Mixed: Other Mixed)	158.6	61.8	22.2	242.6	5,5%
Азиаты: Индийцы (Asian: Indian)	1,053.9	88.8	291.5	1,434.2	3,9%
Азиаты: Пакистанцы (Asian: Pakistani)	728.4	138.4	140.6	1,007.4	4,1%
Азиаты: Бангладешцы (Asian Bangladeshi)	287.0	55.5	49.7	392.2	4,0%
Прочие азиаты (Other Asian)	247.3	35.5	102.9	385.7	5,7%
Черные: Выходцы из Карибского региона (Black Caribbean)	572.4	22.3	20.5	615.2	0,9%
Черные: Выходцы из Африки (Black African)	494.9	89.5	214.4	798.8	6,2%
Прочие Черные (Other Black)	98.1	21.9	6.1	126.1	3,2%
Китайцы (Chinese)	233.3	22.6	195.6	451.5	8,6%
Прочие (Other)	227.6	19.1	175.9	422.6	8,0%
НЕ Белые Британцы (Non-“White British”)	6,641.2	733.9	1,752.0	9,127.1	4,1%

Источник: Бюро Национальной Статистики Великобритании.¹

Примечание: Из-за округленного значения общие данные могут в сумме не совпадать.

¹ Office for National Statistics (ONS), Population by Ethnic Group 2002–2009. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/taxonomy/index.html?nscl=Population+Estimates+by+Ethnic+Group> – дата обращения 28.10.2012

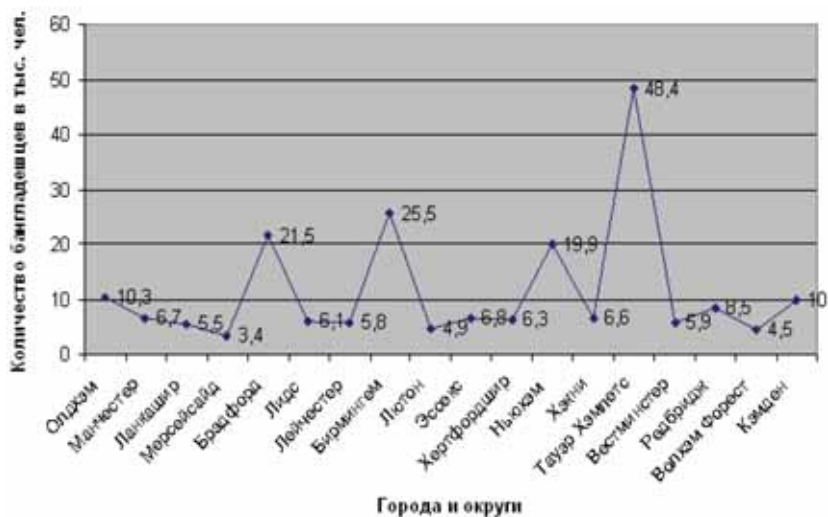

Рисунок 3. Основные города и округа Великобритании, где проживают бангладешцы. 2002-2009 гг.

Примечание: график составлен О.Н.Меренковой по данным Бюро Национальной Статистики Великобритании.²

² Office for National Statistics (ONS), Population by Ethnic Group 2002–2009. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/taxonomy/index.html?nscl=Population+Estimates+by+Ethnic+Group> – дата обращения 28.10.2012

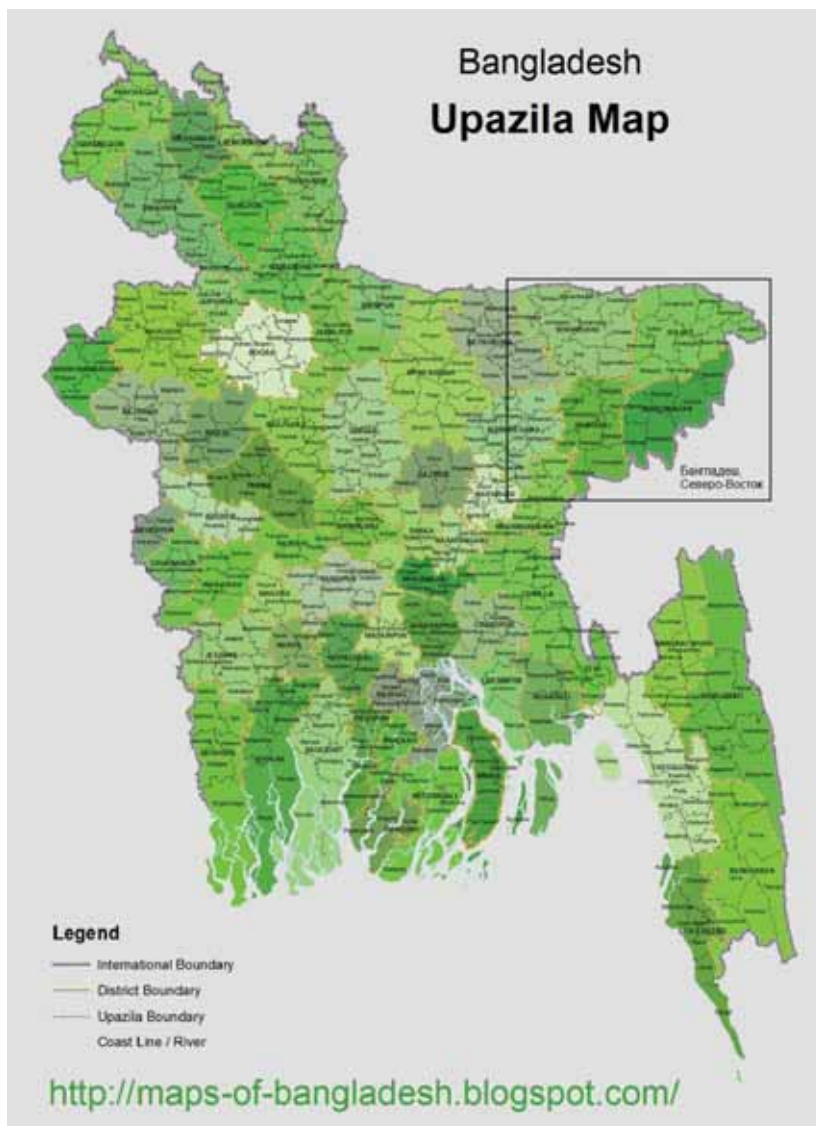

Рисунок 4. Карта округов Бангладеш

Примечание: карта округов Бангладеш приведена с использованием графического материала сайта <http://maps-of-bangladesh.blogspot.com>

Рисунок 5. Фрагмент карты округов Бангладеш (Северо-Восток)

Указатели:

- 1. округ Силхет (39 чел.);
 - 1.1. Силхет (10 чел.);
 - 1.2. Бинибазар (10 чел.);
 - 1.3. Голапгандж (6 чел.);
 - 1.4. Вишванатх (5 чел.);
 - 1.5. Балагандж (4 чел.);
- 2. округ Сунамгандж (12 чел.);
- 3. округ Моулвибазар (8 чел.);
- 4. округ Хабигандж (6 чел.).

Примечание: данный фрагмент карты округов Бангладеш (северо-восток) выбран авторами для иллюстрации статистических данных, приведенных в *Таблице 3*.

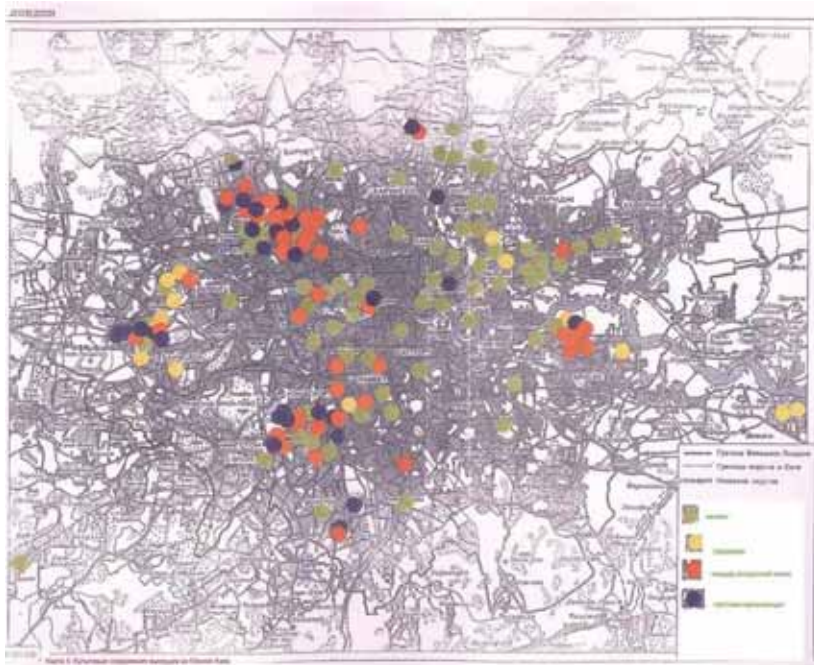

Рисунок 6. Карта религиозных сооружений южноазиатов в Лондоне.
Составлена И.Ю.Котиным по полевым материалам (2007–2009)

Рисунок 7. Карта Банглатауна в лондонском районе Ист Энд

Примечание: графическая основа карты взята с сайта: www.towerhamlets.gov.uk. Цифровые значения и указатели значимых мест составлены по полевым материалам О.Н.Меренковой (2011, 2013)

1. East London Mosque / Мечеть Восточного Лондона (Приложение, рис. 8)
2. London Muslim Centre / Лондонский мусульманский центр (Приложение, рис. 9)
3. Altab Ali Park / Парк Альтаба Али (Приложение, рис. 10)
4. Shahid Minar 'Martyr's Monument' / Монумент Шахид Минар в память о жертвах, погибших в борьбе за родной язык в Бангладеш (Приложение, рис. 11)
5. Sonali Bank / Банк «Сонали» (Приложение, рис. 12)
6. Brick Lane / Брик Лейн (Приложение, рис. 13)
7. Christ Church School / Христианская церковная школа (Приложение, рис. 14)
8. London Jamme Masjid / Лондонская соборная мечеть Джамме Масджид (Приложение, рис. 15)
9. Kobi Nazrul Centre / Центр поэта Коби Назрула (Приложение, рис. 16)
10. Toynbee Hall / Тойнби Холл (Приложение, рис. 17)

Рисунок 8. Мечеть Восточного Лондона — East London Mosque

Примечание: Мечеть Восточного Лондона является конфессиональным центром для представителей бангладешской общины. Фото — О.Н. Меренкова, 2011.

Рисунок 9. Лондонский мусульманский центр на Уайтчепел Роад — London Muslim Centre

Фото — О.Н.Меренкова. 2011

Рисунок 10. Парк Альтаба Али — Altab Ali Park

Примечание: Парк Альтаба Али, названный в 1988 г. по имени бангладешского рабочего, убитого в результате расистского нападения. Фото — О.Н.Меренкова, 2011.

Рисунок 11. Монумент Шахид Минар — Shahid Minar 'Martyr's Monument'

Примечание: Монумент Шахид Минар установлен в парке Альтаба Али в память о жертвах, погибших в борьбе за родной язык в Бангладеш. Фото — О.Н.Меренкова, 2011.

Рисунок 12. Банк «Сонали» — Sonali Bank

Примечание: Через банк «Сонали» бенгальские рабочие переводили деньги семьям, оставшимся в Бангладеш. Фото — О.Н.Меренкова, 2011.

Рисунок 13. Арка у входа на улицу Брик Лейн

Примечание: Арка в начале улицы Брик Лейн, символизирующая вход в Банглатаун. Фото О.Н.Меренкова, 2011.

Рисунок 14. Christ Church School / Христианская церковная школа

Примечание: 95% учеников в этой школе — дети британских бангладешцев. Фото — О.Н.Меренкова, 2011.

Рисунок 15. Лондонская соборная мечеть Джамме Масджид — London Jamme Masjid

Примечание: Конфессиональный центр бангладешцев в Лондоне.
Фото -О.Н.Меренкова, 2011.

Рисунок 16. Центр поэта Коби Назрула — Kobi Nazrul Centre

Примечание: Культурный центр, названный в честь поэта Кази Назрул Ислама (Kazi Nazrul Islam). Фото — О.Н.Меренкова, 2011.

Рисунок 17. Тойнби Холл — Toynbee Hall

Примечание: Тойнби Холл — центр проведения различных социокультурных программ, в том числе для членов бангладешской общины. Фото — О.Н.Меренкова, 2011.

Рисунок 18. В магазине бенгальской литературы на Брик Лейн.
Фото — И.Ю.Котин, 2011.

Рисунок 19. Бенгальские лавки Банглатауна.
Фото — И.Ю.Котин, 1997.

Рисунок 20. Бенгальские кафе в центре Банглатауна.
Фото — И.Ю.Котин, 2011.

Рисунок 21. В центре Банглатауна.
Фото — И.Ю.Котин, 2011.

Рисунок 22. Сотрудник бангладешского ресторана.
Фото — И.Ю.Котин, 2009.

Рисунок 23. Банглатаун. Соборная мечеть Ист Энда
Фото — И.Ю. Котин, 1997.

Таблица 3

Сводная таблица биографических данных британских бангладешцев
(по материалам Who is Who 2009, 2011)

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
№	Имя	Год рожд. Возр.	П О Л	Место рождения	Конфесси- ональная принад- лежность	Семей- ный статус	Образование	Кол-во детей	Сфера деятельности	Интересы/ Предпочтитель- ная деятельность
1	Аббас, Хелал Улдин (Abbas Helal Uddin)	<40	м	Не укр.	Не выд.	Не выд.	Не укр.	Не укр.	Политика/ Глава Совета района Тауэр Хэмлетс	Поддержка национальных интересов общины
2	Азад, Абул Калам (Azad Abul Kalam)	1963	м	Ноакхали	Не выд.	женат	Образо- вание в Бангладеш	2м	Информа- ционные технологии	Культурная и политическая деятельность, благотворитель- ность – поддержа- ние образования и помощь сиротам
3	Азад, Шамим (Azad Shamim)	<50	ж	Не укр.	Не выд.	Не укр.	Не укр.	Не укр.	Искусство, культура и образование	Писательница. 14 книг на английском и бенгальском языках, различ- ные литератур- ные премии в ББ и Бангладеш

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
4	Азхар, Али М. (Azhar Ali M)	<70	м	Сираджгандж, Бангладеш (Sirajganj, Bangladesh)	Мус.	женат	Образование в Бангладеш	2ж	Юриспруденция, Адвокат	Первый в ВБ защитник прав британских бангладешцев
5	Акбар, Али (Akbar Ali)	<50	м	Не ук.	Мус.	женат	Образование в ВБ (GCSE education in Scunthorpe)	4	Бизнес (инвестиции) и связи с общественностью Business (property), член партии лейбористов	Поддержка национальных и религиозных интересов, консультационный сервис для иммигрантов
6	Алам, Миа Монирул (Alam Meah Monirul)	<60	м	Моули-базар	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш, затем курсы логистики и менеджмента в ВБ	4/ 2м/2ж	Бизнес/ Логистика и Связи внутри общины (Community Relations)	Поддержка религиозных интересов, благотворительность
7	Али, Аджмал (Ali Ajmal)	1976	м	Сунамгандж	Не выд.	женат	Образование в ВБ (GCSE's and A-levels in UK, college in UK)	3/ 1м/2ж	Логистика/ Недвижимость	Не ук.

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
8	Али, Азад (Ali Azad)	<50	м	Не ук.	Не выд.	женат	Образование в ВБ (Специаль- ность: бизнес- менеджмент, Колледж Хэмпстэд, Лондон)	4/ 1м/3ж	Логистика/ Ресторанный бизнес	Директор Бритаско-Банг- ладешской Коммерческой Палаты (British Bangladesh Chamber of Commerce), все его дети изучают эконо- мику
9	Али, Алхаз Шукур (Ali Alhaz Sukur)	1955	м	Вишванатх, Силхет	Мус.	женат	Не ук.	4м	Логистика	Продвижение бенгальской культуры, основатель Бангладешской Мечети в Карлайле
10	Али, Амин (Ali Amin)	<40	м	Набигандж, Силхет	Мус.	женат	Образование в ВБ	4ж	Логистика/ Ресторанный бизнес и благотвори- тельность	Поддержка религиозных традиций, продвижение бенгальской еды и культуры, путешествия, и футбол.

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
11	Али, Афзал (Ali Afzal)	1979	м	Дер. Камра Кхаи, Джаган- натхпур Бангладеш	Мус.	Не ук.	Среднее образование в ВБ	Не ук.	Бизнес и деятельность внутри общины (Community Activity)	Член Совета по развитию Силхета (the Greater Syhet Develop- ment Council), благотворитель- ность в поддержа- ние религиозных организаций в ВБ и др.
12	Али Джунаб (Ali Junab)	<40	м	Родился в ВБ	Мус.	Не ук.	Образование в ВБ (колледж Свиндон — Swindon College)	Не ук.	Ресторанный бизнес и Политика — Советник — партии лейбо- ристов округа Свиндон (Labour Party — Swindon Borough Councillor)	Деятельность по вопросам общины, благотвори- тельность, изучение истории и путешествия

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
13	Али, Камру (Ali Kamru)	<40	м	Не ук.	Не выд.	женат	Образование в ВБ	3	Финансы/ Инвестиции в собственность	Главные ценности – забота о семье и благотвори- тельность. Помошник главного управляющего района Тауэр Хэмлетс, Лондон
14	Али, Лутфур Р. (Ali Lutfur R.)	<50	м	Не ук.	Не выд.	Не ук.	Не ук.	Не ук.	Политика, местные органы управления район Тауэр Хэмлетс, Лондон	Chief Executive of the London Borough of Tower Hamlets) / забота о нацио- нальных интересах
15	Али, Майя (Ali Maya)	<40	ж	Вишванатх, Силхет, Бангладеш	Не выд.	заму- жем	Образование в ВБ, Университет г. Варвик	3	Юриспруден- ция/ Юрист	Интерес к политической деятельности в Бангладеш и ВБ, защита прав женщин

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
16	Али, Мохаммед Мончаб (Ali Mohammed Monschab)	1953	м	Чхаттак, Сунам- гандж, Бангладеш)	Мус.	женат	Образование в Бангладеш	5	Логистика / Ресторанный бизнес, связи внутри общины	Председатель организации Greater Sylhet Development and Welfare Council for community organizations, благотвори- тельность
17	Али, Мохаммед Шахид (Ali Mohammed Shahid)	1956	м	Чхаттак, Сунам- гандж, Бангладеш)	Мус.	женат	Образование в Бангладеш, бакалавр коммерции, Университет Читтагонга	3	Политика – Советник по делам общины (Councillor in community organizations)	Политическая деятельность, изучение языков: хинди, бенгальский, арабский, урду;
18	Али, Мубарок (Ali Mubarak)	<50	м	Кадипур, Вишванатх, Силхет	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	Не ук.	Ресторанный бизнес / Политика	Политическая деятельность, инвестиции в собственность, благотворитель- ность

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
19	Али, Раджиб (Ali Ragib)	1938	м	Вичванатх, Силхет, Бангладеш	Мус.	женат	Не ук.	2/ 1м/1ж	Ресторанный бизнес/ Благоворитель- ность	Развитие социальной сферы: образова- ние, здравоохра- нение, спорт, культура, религиозные организации
20	Али, Роис (Ali Rois)	<40	м	Бангладеш	Мус.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Логистика/ Ресторан. бизнес, связи внутри общины	«Лучший Карри Шеф в ВБ» в медиа новостях
21	Али, Рушанара (Ali Rushanara)	<30	ж	Бангладеш	Мусуль- манка	Не ук.	Образование в ВБ (Оксфорд, специаль- ность: политика, философия и экономика)	Не ук.	Политика – кандидат от р-нов Бетнал Гин и Боу	Защита политических интересов общины
22	Али, Сирадж (Ali Siraj)	<40	м	Не ук.	Мус.	женат	Не ук.	4/ 1м/3д	Логистика/ Ресторанный бизнес в ВБ и Бангладеш	Поддержка национальных интересов, сбор средств на благотвори- тельные цели

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
23	Али, Сунахвар (Ali Sunahwar)	<40	м	Не ук.	Не выд.	Не ук.	Не ук.	Не ук.	Политика, поддержка партии лейбо- ристов и связи с обществен- ностью по Бангладшу (Ист. Энд)	Политик- активист по защите прав человека
24	Али, Шахед (Ali Shahed)	1970	м	Родился в ВБ, родите- ли – Бала- гандж,	Не выд.	Не ук.	Образование в ВБ, Университет Гилдхолл, Лондон)	Не ук.	Политика (советник по организации мероприятий, консультант по этническому искусству)	Бизнес – частная собственность
25	Али, Шукур (Ali Shukur)	<50	м	Чхаттак, Сунам- гандж, Бангладеш	Мус.	женат	Не ук.	5/ 3м/2ж	Логистика/ Ресторанный бизнес	Помощь членам общины в ВБ и в Бангладеш – улучшение качества образования в школах

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
26	Али, Энам (Ali Enam)	<50	м	Не ук.	Не выд.	женат	Не ук.	3/ 2м/1ж	Логистика/ Ресторанный бизнес, связи внутри общины	Распространение среди британ- ских бангла- дешцев инден- тичности и глубокого уважения к ВБ (giving British Bangladeshis a much stronger identity and a far greater respect within the UK)
27	Анас, Маулана Шах Мухаммад (Anas Maulana Shah Muham- mad)	1965	м	Хабигандж, Бангладеш	Мус.	женат	Образование в ВБ, теолог ислама	5	Вопросы по делам религии (Ислам) и связи внутри общины	Поддержка религиозных интересов

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
28	Анвар, Чаухари Мохаммед (Anwar Chaudhary Moham- med)	1937	м	Бангладеш	Не выд.	Не укр.	Образование в Бангладеш, степень магистра политиче- ских наук образование в ВБ	Не укр.	Политика и связи с обществен- ностью	Поддержка интересов общины и социального обеспечения
29	Ахад, Абдул (Ahad Abdul)	<50	м	Силхет, Бангладеш	Мус.	Не выд.	Не укр.	Не укр.	Логистика/ Ресторан. бизнес/ Благотвори- тельность	Поддержка национальных интересов общины, благотвори- тельность
30	Ахмал, Хафиз Моулана Сьед Наем (Ahmad Hafiz Moulana Syed Naem)	1978	м	Дер. Сьедпур (Syedpur), обл. Джаганнаг- хпур Сунам- гандж, Бангладеш	Мус.	Не выд.	Высший Институт Ислама (Higher Institute of Islamic Studies)	Не укр.	Научная деятельность/ Религиозное преподавание	Поддержка религиозных интересов общины (British Council of Muslim Scholars)

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
31	Ахмед, Аиша (Ahmed Ayesha)	<50	ж	Силхет	Не выд.	заму- жем	Колледж Мохолла (Moholla College), Силхет	5/ 4м/1ж	Медиа/ Редактор газеты Сурма (Surma Newspaper)	Поддержка национальных интересов, журнализм, благотвори- тельность
32	Ахмед, Али (Ahmed Ali)	<50	м	Дер. Сахоб Бари Чандаи, обл. Сурма, Силхет	Не выд.	Не выд.	Не укр.	Не укр.	Логистика, инвестиции в собствен- ность/ Поддержка связей внутри общины (Community Relations)/ Политика	Участие в политической деятельности, поддержка национальных интересов
33	Ахмед, Башир (Ahmed Bashir)	1953	м	Восточная Бенгалия	Не выд.	Не выд.	Образование в Бангладеш	Не укр.	Логистика/ Ресторанный бизнес/ Голландия и Великобритания	Поддержка национальных интересов, благотворитель- ность – спорт, футбол, бадминтон, игра на гитаре

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
34	Ахмед, Гулам Мортуза (Ahmed Gulam Mortuza)	<40	м	Вившанатх, Силхет, Бангладеш	Не выд.	женат	Степень по торговому праву, Университет Бирмингема (Master Degree in Commercial Law)	3/ 2м/1ж	Юриспруден- ция/ Адвокат	Поддержка национальных интересов, адвокатская деятельность в области защиты
35	Ахмед, Дорос (Ahmed Doros)	<50	м	Балагандж, Силхет	Не выд.	женат	Среднее образование в ВБ	5/ 2м/3ж	Логистика/ Ресторанный бизнес	Политика, участие в деятельности партии Авами Лиг (West London Awami League) в Восточном Лондоне, путешествия
36	Ахмед, Месба (Ahmed Mesba)	<50	м	окр. Бини Базар Силхет	Мус.	женат	Образование в ВБ	4	Спорт (London Tigers)/ Связи внутри общины/ благотвори- тельность	Поддержка спорта – команда «London Tigers»

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
37	Ахмед, Мефруз (Ahmed Mehfuz)	<40	м	Вестмин- стер, ВБ (отец и дед родом из Нидон Пул, окр. Беани Базар (Nidon Pul, Beani Bazaar), Силхет	Не выд.	женат	Не ук.	2	Политика/ Советник партии Консер- ваторов в городском совете Вестмин- стера (Conser- vative Councillor in Westminster City Council)	Поддержка национальных интересов (в политике), спорт – член попечительского совета команды «London Tigers»
38	Ахмед, Мослех Уддин (Ahmed Mosleh Uddin)	1970	м	Голап- гандж, Силхет,	Не выд.	женат	Степень магистра, Колледж Джаганнатх, г. Дакка	2м	Медиа – Журналист газеты Джана- мот (Janamat Newspaper)	Не ук.
39	Ахмед, Мохаммед Салех (Ahmed Mohammed Saleh)	<50	м	Дер. Пашчим Бхаж, Лалба- зар, Сурма, Силхет (Paschim Bhag, Lalabazar, Dokkin Surma)	Не выд.	женат	Степень бакалавра, Университет г. Читтагонг	4/ 3м/1ж	Собственность, финансы и инвестиции	Не ук.

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
40	Ахмед, Муким (Ahmed Muqim)	<40	м	Бангладеш	Не выд.	Не указан	Образование в ВБ	Не ук.	Бизнес и Политика – первый бангладеш. миллионер «Король Брик Лейн» по данным газеты Estate Gazette Oct/2007, Asian Foods Ltd.	Председатель бангладешско- британской палаты коммер- ции (Bangladesh British Chamber of Commerce)
41	Ахмед, Охид А.М. (Ahmed Ohid A.M.)	<40	м	Не ук.	Мус.	Не выд.	Образование в ВБ	Не ук.	Политика/ Советник и член кабинета по ресурсам и производству района Тауэр Хэмлетс	Поддержка национальных интересов, благотвори- тельность, политическая деятельность (внешняя политика), крикет, шахма- ты, компьютер- ные технологии

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
42	Ахмед, Парвез (Ahmed Parvez)	<50	м	Бангладеш	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	2м	Бизнес, лондонская северо-западная Палата Коммерции (North-West Chamber of Commerce in London), член партии лейбористов	Поддержка национальных интересов, благоотво- рительность в Бангладеш
43	Ахмед, Рофик Уддин (Ahmed Rofique Uddin)	<50	м	Лондон, ВВ	Не выд.	женат	Образование в ВВ (Лондон)	3/ 1м/2ж	Политика/ Советник партии лейбо- ристов в округе Майл Энд и города Гоуб (Councillor for Mile End and Globe Town LBTH)	Поддержка национальных интересов; улучшение в сфере жилья, здравоохра- нения, окружаю- щей среды, мотивация детей к успешной карьере

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
44	Ахмед, Сьед (Ahmed Syed)	<40	м	Не ук.	Не выд.	Не указан	Образование в ВБ (GCSE's and VTEC and National Diploma in Business and Finance)	Не ук.	Предприниматель/ Информационные технологии и международные патенты	Спонсорство различных благотворительных организаций (Islamic Relief, Bangladeshi Fern. Academy)
45	Ахмед, Шафи (Ahmed Shafi)	<40	м	Силхет, Бангладеш	Не выд.	женат	Образование в ВБ, Медицинская школа при Кингс Колледж Хоспитал (Kings College Hospital Medical School (FRCS Gen. Surg.)	2/ 1м/1ж	Медицина – Хирург и преподаватель медицины (Барнс)	Поддержка национальных интересов, сфера здравоохранения

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
46	Ахмед, Шофи (Ahmed Shofi)	<40	м	Не ук.	Не выд.	женат	Образование в ВБ (Оксфорд)	3/ 1м/2ж	Медиа и Литература – Редактор и журналист газеты Бангла Миррор (Bangla Mirror Newspaper)	Интерес к национальной литературе и научной публицистике
47	Бадар, Шахин (Badar Shahin)	<30	ж	Не ук.	Не выд.	Не ук.	Не ук.	Не ук.	Искусство и Развлече- ния — певица	Певица британ- ско-азиатского происхождения, исполнительни- ца вокальных партий в фильмах Голливуда и Болливуда, композитор
48	Бадша, Аминул Хак (Badsha Aminul Haq)	<60	м	Бангладеш	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш и ВБ	2/ 1м/ж	Медиа — Журналист	Корреспондент различных ежедневн. печатн. изданий в Индии, Бангладеш и ВБ

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
49	Бакш, Хафиз Алам (Baksh Hafiz Alam)	<40	м	Не укр.	Не выд.	Не укр.	Не укр.	Не укр.	Медиа – Ком- муникации	Продюсер канала ATN Bangla UK, цель – увеличить бангладешское социальное, культурное и экономическое влияние в ВВ посредством телевидения
50	Бари, Мухаммад Абдул (Bari Muhammad Abdul)	<50	м	Не укр.	Мус.	Не укр.	Образование в ВВ	Не укр.	Вопросы по делам религии (Ислам) и связи внутри общины	Политическая и социальная деятельность, писатель по теме идентич- ности среди молодежи
51	Бегум, Шофна (Begum Shofna)	<30	ж	Сунам- гандж, Бангладеш	Не выд.	Не укр.	Образование в ВВ (Лидс)	Не укр.	Юриспруден- ция/ Юрист по криминаль- ным делам следователь	Интерес к бенгальскому языку и разви- тию профессио- нальных навыков, волейбол

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
52	Джаббар, Абдул (Jabbar Abdul)	<40	м	Не ук.	Не выд.	женат	Образование в ВБ	2/ 1м/1ж	Политика/ Депутат партии лейбористов от района Колдхарст	Поддержка интересов общины
53	Джалил, Абдул (Jalil Abdul)	1973	м	Родился в ВБ (Олджэм)	Мус.	женат	Образование в ВБ	2/ 1м/1ж	Логистика/ Ресторанный бизнес/ Инвестиции в собственность/ Благотворительность	Поддержка интересов общины, путешествия по Ближнему Востоку
54	Джамал, Мисбахул (Jamal Misbahul)	1962	м	Голап-гондж, Силхет	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	6/ 1м/5ж	Медиа	Поддержка интересов общины, журналистская деятельность
55	Джиту, Шейх Нурул Ислам (Jeetu Sheikh Nurul Islam)	1974	м	Балагондж, Силхет, Бангладеш	Не выд.	женат	Не ук.	1ж	Инвестиции в собственность	Не ук.

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
56	Ислам, Ифти (Islam Ifty)	<40	м	Не ук.	Не выд.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Финансы	Не ук.
57	Ислам, М. Нирул (Islam M. Nirul)	1963	м	Хабигондж	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	5/ 4м/1ж	Образование/ Связи внутри общины	Не ук.
58	Ислам Муджиб (Islam Mujib)	<40	м	Не ук.	Не выд.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Медиа/Бизнес	Поддержка интересов общины, дизайн, производство ТВ продукции и сетевых ресурсов
59	Ислам, Сираджул (Islam Sirajul)	1967	м	Силхет	Не выд.	женат	Образование в ВБ	4м	Политика/ Депутат партии лейбористов от районов Бетнал Грин и Саут Вард	Поддержка интересов общины
60	Кабир, Махмуда (Kabir Mahmuda)	<50	ж	Не ук.	Не выд.	За- мужем	Образование в Бангладеш и ВБ, докторская степень	2м	Связи внутри общины/ Депутат партии лейбористов	Литература, поэзия, музыка, публичные выступления, участие в дебатах

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
61	Каджал, Ишхак (Kajal Ishaque)	1948	м	Моулибазар, Бангладеш	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	4/1м/3ж	Медиа / Журналист	Журналист и писатель
62	Калам, Мухаммед Абдул (Kalam Muhammed Abdul)	1966	м	Дер. Садипур, Османи нагар, Силхет (village Sadipur, Osmani Nagar upazilla)	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	3	Юриспруденция /Адвокат в Верховном Суде Англии и Уэльса	Поддержка интересов общины
63	Кибриа, Минхадж (Kibriyah Minhaj)	<40	м	Не укр.	Не выд.	Не укр.	Не укр.	Не укр.	Бизнес	Руководство компанией Medialink Co.
64	Кибриа, Мохаммед Гулам (Kibria Mohammed Gulam)	<60	м	Ноорпур, Османи нагар, Садипур, Силхет (Noorpur Osmani-nagar, Sadipur)	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	3м	Строительство/Благотворительность	Благотворительность

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
65	Кхан, Азом (Khan Azom)	1962	м	Джаган- натпур, Сунам- гондж, Силхет	Не выд.	женат	Не ук.	3/ 1м/2ж	Логистика	Благотвори- тельность
66	Кхан, Джахангир (Khan Jahangir)	1966	м	Бинибазар, Силхет (Beanibazar)	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш и в ВБ	3/ 1м/2ж	Связи внутри общины, инвестиции в собственность	Бизнес и благотвори- тельность
67	Кхан Закир (Khan Zakir)	<40	м	Бангладеш	Не выд.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Связи внутри общины/ Спорт/ Футбол	Занятия спортом, футбол
68	Кхан, М.А. Маннан (Khan M.A Mannan)	1953	м	Кхан Бари, Голап- гандж, Силхет (Khan Bari)	Мус.	Не ук.	Образование в Бангладеш	Не ук.	Образование/ Связи внутри общины	Поддержка социального обеспечения общины, автор стихов для газет и журналов

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
69	Кхан, Машук, Ахмед (Khan Mashuk Ahmed)	<50	м	Силхет	Мус.	женат	Образование в ВБ (Оксфорд)	3/ 1м/2ж	Академическая деятельность	Идентифицирует себя как «британский мусульманин» (British Muslim) сохраняя свои религиозные убеждения и национальные ценности, но разделяя интересы других представителей британского общества
70	Кхан, Мд. Шамсуддин (Khan Md Shamsud- din)	1935	м	Матиура, Бинибазар, Силхет (Matiura, Beanibazar)	Не выд.	женат	Не ук.	3	Ресторанный бизнес/ Связи внутри общины	Политическая активность, сбор средств в поддержку Войны за независимость Бангладеш 1971 г.

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
71	Кхан, Тасмин, Лючия (Khan Tasmin Lucia)	<40	ж	Не ук.	Не выд.	Не ук.	Образование в ВБ (Оксфорд)	Не ук.	Медиа/ Журналист/	Ведущая BBS News, благотвори- тельность
72	Кхан, Хелал уддин (Khan Helal Uddin)	<40	м	Не ук.	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	4/ 2м/2ж	Туристический бизнес	Поддержка бангладешской культуры, сбор средств на благотвори- тельные цели
73	Кхан, Хусейн, Ахмед (Khan Hussain Ahmed)	1956	м	Голлап- гандж, Силхет	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	2м	Логистика/ Ресторанный бизнес	Не ук.

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
74	Кхан, Шафи (Khan Shafi)	<60	м	Окр. Комилла	Не выд.	женат (жена рус- ская)	Образование в Бангладеш, России (Москва), и в ВБ	1ж	Академическая деятельность/ Политика	Первый мэр азиатского происхождения г. Кройдона, помощь в организации погребальной зоны для мусульман на кладбище Green Lawn Memorial Park (Stoundon)
75	Кхан, Шахид- Улла (Khan Shahid- Ullah)	<60	м	Ноакхали, Бангладеш	Мус.	женат	Не ук.	3/ 1м/2ж	Ресторанный бизнес/связи внутри общины	Благотвори- тельность
76	Кханум, Тарин (Khanum Tarun)	<40	ж	Не ук.	Не выд.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Государствен- ная служба	Путешествия и искусство

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
77	Кхатун, Сайда Амина (Khatun Syeda Amina)	<40	ж	Бангладеш	Не выд.	Не ук.	Не ук.	Не ук.	Политика/ Связи внутри общины/ Депутат партии лейбористов	Поддержка интересов общины
78	Кхилик, Шейх Мохаммед Абдул (Khlique Sheikh Mohammed Abdul)	1951	м	Балагондж	Мус.	женат	Образование в Бангладеш	7	Логистика/ Ресторанный бизнес	Поддержка интересов общины, социальное обеспечение и благотвори- тельность
79	Литон, Энамул Хак (Liton Enamul Haque)	<40	м	Силхет, Бангладеш	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш и в ВБ	1м	Инвестиции в собственность, бизнес	Проекты социального обеспечения, поддержка интересов общины

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
80	Лудхи, Энамул Муним, Шамим (Ludhi Enamul Munim Shamim)	1967	м	Бинибазар, Силхет, Бангладеш	Мус.	женат	Образование в Бангладеш и в ВБ	3	Ресторанный бизнес	Член Бангладешско-Британской Палаты Коммерции (Bangladesh British Chamber of Commerce)
81	Малик, Ахмед Абдул (Malik Ahmed Abdul)	<50	м	Дер. Муфтир Гаон, Вишванатх, Силхет (village Mufdir Gaon)	Мус.	женат	Образование в ВБ	3ж	Юриспруден- ция/ Адвокат	Журналистская деятельность и благотвори- тельность
82	Матин, Делвар (Matin Delwar)	<40	м	Родился в ВБ, родители из Бини Базар, Силхет	Не выд.	женат	Не ук.	1	Ресторанный бизнес / Частная собственность	Развитие бизнеса

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
83	Махмуд, Тайсир (Mahmud Taysir)	1974	м	Дер. Вобанипур, Моули- базар, Бангладеш (village Vobani Pur)	Мус.	женат	Образование в Бангладеш	2	Медиа/ Журналист	Редактор газеты «Nuton Din» («Новый День»)
84	Миа, Джусна Бегум (Miah Jusnas Begum)	<50	ж	Дер. Паткура, Мондоли Бхаг, Джаганат- хпур (village Patkura, Mondoli Bhug)	Не выд.	заму- жесм	Образование в Бангладеш и ВБ	Не ук.	Юриспруденция	Член партии лейбористов, выступления в ТВ передачах на тему юриспру- денции
85	Миа, Мохаммед Шофик (Miah Mohammed Shofique)	1954	м	Силхет	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	5/ 2м/3ж	Связи внутри общины	Помощь членам общины в области соц. обеспечения, развития образования, участник Войны (1971 г.) за независимость Бангладеш

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
86	Момтаз, Хасина (Momtaz Hasina)	<40	ж	Бини Базар, Силхет	Не выд.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Связи с общественной	Пресс-атташе мэра Лондона, развитие навыков
87	Мони, Роушанара (Moni Row-shanara)	<40	ж	Моулибазар, Бангладеш	Не выд.	За-мужем	Образование в Бангладеш и ВБ	1м	Искусство / Пеннсе/ Театр	Певица, актриса театра, политика, выступления на радио, благотворительность,
88	Моргуза, Гхулам (Mortuza Ghulam)	<60	м	Джаганнат-хпурСунам-гандж,	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш и ВБ	6/5ж/1м	Политика	Политическая активность, член партии лейбористов, развитие образования для членов общины
89	Мохаммед, Шах Джахан (Mohammed Shah Jahan)	<40	м	Джаганнат-хпурБангладеш	Мус.	женат	Не ук.	4/2м/2ж	Бизнес/ Логистика	Поддержка интересов общины, руководство компаний Star Group Co.

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
90	Мохаммед, Абул Муним, Джахеди (Moham- med Abdul Munim Jahedi)	<50	м	Силхет, Бангладеш	Мус.	женат	Образование в ВБ	2/ 1м/2ж	Медиа/ Благотвори- тельность	Поддержка религиозного образования, благотвори- тельность
91	Фарук, Голам Мостафа (Faruk Golam Mostafa)	<40	м	Не ук.	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	2	Медиа/ Журналист	Обучение детей в школах бенгальскому языку
92	Фарук, Шахангир Бакт (Faruk Shahangir Bakht)	<60	м	Сунам- гандж, Бангладеш	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	4	Политика/ Бизнес/ Связи внутри общины	Президент Бангладешско- Британской Палаты Коммер- ции (Bangladesh British Chamber of Commerce), поддержка экономических интересов общины

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
93	Хак, Абдул (Haque Abdul)	1976	м	Моули- базар, Бангладеш	Не выд.	женат	Образование в ВБ	Не ук.	Информаци- онные техноло- гии/ Медиа	Путешествия, бадминтон, фитнес, кинематограф
94	Хак, Ахмадул (Haque Ahmadul)	<60	м	Не ук.	Мус.	Не ук.	Не ук.	Не ук.	Политика/ Советник от г. Милланд	Поддержка интересов общины
95	Хак, Шафикул (Haque Shafiqul)	1960	м	Силхет, Бангладеш	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	3/ 2м/1ж	Юриспруден- ция/ Политика/ кандидат партии лейбористов	Не ук.
96	Хак, Эхсан (Haque Ehsan)	<40	м	Моули- базар, Бангладеш	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш и ВБ	2м	Юриспруден- ция/ Юрист	Не ук.
97	Хайдер, Рафик (Hayder Rafique)	<50	м	Хайдерпур, Чхаттак, Сунам- гондж, Бангладеш (Hayder Pur)	Мус.	женат	Образование в Бангладеш	3	Бизнес	Поддержка интересов общины, путешествия

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
98	Харид, М.А. (Harid M. A.)	<40	м	Камал Базар, Силхет, Бангладеш (Kamal Bazar)	Мус.	женат	Не ук.	3	Политика/ Логистика/ Советник от г. Кумбрия	Поддержка религиозных интересов общины, помощь в строительстве мечети в Олдхэме
99	Хасан, Тахирул (Hasan Tahirul)	<50	м	Не ук.	Мус.	женат	Не ук.	3	Связи внутри общины/ Благотвори- тельность	Не ук.
100	Хок, Атикул (Hoque Atiquil)	<40	м	Джаган- натхпур Бангладеш	Мус.	женат	Образование в ВБ	3/ 2м/1ж	Логистика/ Ресторанный бизнес	Поддержка религиозных интересов общины
101	Хоссейн, Алжмаул (Hossain Ajmaul)	<60	м	Не ук.	Не выд.	Не ук.	Не ук.	Не ук.	Юриспруден- ция	Трансацио- нальное банков- ское дело, развитие торговли и финансовые связи

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
102	Хоссейн, Мазаммел (Hossain Mazammel)	<40	м	Бангладеш	Не выд.	Не ук.	Образование в Бангладеш и ВБ	Не ук.	Юриспруден- ция/ Адвокат по криминаль- ному праву	Поддержка интересов общины, благотворитель- ность поэзия, театр, русская литература и бенгальская кухня
103	Хоссейн, Шейх Моззамел (Hossain Shiekh Mozzamel)	1957	м	Дер. Мотхура- пур, рег. Кхулна, Бангладеш (vill. Mothura- pur, Khulna distr., Bangladesh)	Мус.	женат	Образование в Бангладеш	1м	Медиа/ Журналист	Поддержка интересов общины
104	Хуссейн, Ахмед (Hussain Ahmed)	<50	м	Не ук.	Не выд.	женат	Образование в ВБ	3	Политика/ Депутат Советник от округа Майл и Ист Вард	Не ук.

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
105	Хуссейн, Дидхар (Hussain Didhar)	1975	м	Голап-гандж, Силхет, Бангладеш	Не выд.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Гостиничный бизнес / менеджер сети McDonald's	Поддержка интересов общины и развитие бизнеса
106	Хуссейн, М.Д. Мотифул (Hussain MD. Motfil)	1956	м	Силхет	Мус.	женат	Образование в Бангладеш	2м	Логистика/ Ресторанный бизнес	Поддержка религиозных интересов общины
107	Хуссейн, Ризван (Hussain Rizwan)	<50	м	Хабигандж, Силхет Бангладеш	Мус.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Медиа/ Исламское телевидение/ Благотворительность/ Композитор	Адвокатская практика, благотворительность, выступления на тему религии на телевидении
108	Хуссейн, Хасанат М. (Hussain Hasanat M.)	1949	м	Сунам-гандж, Силхет	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш и ВБ	3/ 1м/2ж	Академическая деятельность/ Специализация на образовании этнич. меньшинств.	Поддержка интересов общины, вклад в образование этнических меньшинств

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
109	Хусейн, Шелим (Hussain Shelim)	1973	м	Не ук.	Не выд.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Предприниматель/ Логистика	Управление компанией Eutofoods Co,
110	Чоудхари, Абдул Мукиг (Choudhary Abdul Mukit)	<50	м	Не ук.	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	2м	Логистика/ Ресторанный бизнес	Благотворительность в ВБ и Бангладеш, написание статей в печатные издания
111	Чоудхури, Абдул Кадир (Chowdhury Abdul Kadir)	1926	м	Джаганнагхпур, Силхет, Бангладеш	Мус.	женат	Не ук.	2м	Ресторанный бизнес	Развитие связей внутри общины
112	Чоудхури, Азиз (Chowdhury Aziz)	<60	м	Не ук.	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш и ВБ	2м	Связи внутри общины	Поддержка национальных интересов, поддержка больниц для бедных в Дакке и округе Силхет

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
113	Чоудхури, Аль-Хадж Гойасур Рахман (Chowdhury Al-Hajj Goyasur Rahman)	<60	м	Джаган- натхпур Сунам- гандж, Бангладеш	Мус.	женат	Не ук.	6/ 3м/3ж	Транспорт/ Благотвори- тельность	Благотвори- тельность на религиозные и другие нужды общины в Бангладеш и ВБ
114	Чоудхури, Акил (Choudhury Akil)	1951	м	Голап- гандж, Силхет	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	2/ 1м/1ж	Бизнес менеджмент в Бангладеш – отели и авиалинии	Борец за независимость Бангладеш в 1971, благо- творительность в Бангладеш
115	Чоудхури, Амирул (Choudhury Amirul)	<40	м	Джаган- натхпур, Бангладеш	Не выд.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Телекоммуни- кации – Chyatel/ media – Janomot Bengali Newspaper – first Beng. N. in Britain/ Инвестиции в собственность	Благотвори- тельность на нужды общины

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
116	Чоудхури, Анвар (Choudhury Anwar)	<50	м	Не укр.	Не выд.	женат	Не укр.	3/ 1м/2ж	Гражданская служба/ Посланник Ее Величества в Бангладеш в 2004–2008 г. (Her Majesty's High Commis- sioner to Bangladesh 2004–2008)	Политические интересы, крикет, бридж, бенгальская народная музыка, бангла- дешская кухня
117	Чоудхури, Атик Ислам (Choudhury Atique Islam)	1963	м	Родился в ВБ	Не выд.	Не укр.	Не укр.	Не укр.	Ресторанный бизнес / Индивидуаль- ный предпри- ниматель	Благотворитель- ность в ВБ и Бангладеш, поддержка трудоустройства молодежи, бадминтон, спонсор фут- больного клуба «Арсенал» (Arsenal Football Club)

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
118	Чоудхури, Ахмед Ус Самад (Chowdhury Ahmed Us Samad)	<50	м	Не ук.	Мус.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Медиа/ Благотворитель- ность/ Бизнес – собственность в Бангладеш и ВБ	Создание многочисленных благотворитель- ных фондов для нужд общины
119	Чоудхури, Гоури (Chowdhury Gouri)	1964	ж	Силхет, Бангладеш	Не выд.	заму- жем	Образование в Бангладеш	Не ук.	Искусство — Певца	Обучение молодежи национальной музыке
120	Чоудхури, Гулам Ахмед (Chowdhury Ghulam Ahmed)	<50	м	Дер. Ранкле, Силхет (village Rankle, Sylhet)	Мус.	женат	Образование в Бангладеш и в ВБ	3/ 1м/2ж	Связи внутри общины	Не ук.
121	Чоудхури, К. М. Абу Тахер (Chowdhury K M Abu Taher)	<50	м	Ита Синкапон, Моули- базар, Силхет (Ita Sinkapon, Moulvi- bazar, Sylhet)	Мус.	Не ук.	Образование в Бангладеш	Не ук.	Медиа/ журналист/ связи внутри общины	Активный участник борьбы за независимость Бангладеш 1971 г.

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
122	Чоудхури, Маруф Ахмед (Chowdhury Maruf Ahmed)	<50	м	Бангладеш	Мус.	женат	Образование в Бангладеш	2м	Бизнес/Связи внутри общины	Поддержка интересов общины и социальное обеспечение
123	Чоудхури, Матиар Рахман (Chowdhury Matiar Rahman)	<40	м	Силхет, Бангладеш	Мус.	женат	Образование в Бангладеш	4м	Медиа/ Журналист	Социальный активист, продвигает изучение силхетского языка в разных странах, пишет грамма- тики по изуче- нию языка
124	Чоудхури, Матиур Рахман (Chowdhury Matieur Rahman)	<40	м	Кулаура, Моули- базар, Бангладеш (Kulaura, Mouli- bazar, Bangladesh)	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	1м	Медиа/ Журналист	Помощь в улучшении уровня образования в Бангладеш

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
125	Чоудхури, Мамун Рашид (Chowdhury Mamun Rashid)	<50	м	Не укр.	Не выд.	Не укр.	Не укр.	Не укр.	Связи внутри общины	Не укр.
126	Чоудхури, Мохибуд- дин (Chowdhury Mohibud- din)	1969	м	Не укр.	Не выд.	женат	Не укр.	6	Медиа/ Печать	Поддержка интересов общины и социальное обеспечение
127	Чоудхури, Мутахар (Chowdhury Mutahear)	<50	м	Бангладеш	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш	2м	Логистика/ Ресторанный бизнес	Поддержка национальных интересов и социального обеспечения, спорт, чтение автобиографий, садоводство
128	Чоудхури, Насим Ахмед (Chowdhury Nasim Ahmed)	<40	м	Бангладеш	Не выд.	Не укр.	Образование в Бангладеш	Не укр.	Бизнес	Инвестиции в Экономике Бангладеш

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
129	Чоудхури, Принц Салик (Choudhury Prince Sadik)	<40	м	Не ук.	Мус.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Политика / Northampton- shire Muslim Council (Liberal Democrat)	Политические интересы и дела общины
130	Чоудхури, Сайд (Chowdhury Sayed)	<50	м	Дер Ноагон, Силхет, Бангладеш	Мус.	женат	Не ук.	2м	Медиа/ Издательство	Не ук.
131	Чоудхури, Салим (Chowdhury Salim)	<40	м	Ногрихха- пон, Гоалабазар, Силхет (Nogrik- haron, Goala bazar, Sylhet) — родители	Мус.	женат	Образование в ВБ	2	Политика и бизнес/ Советник от г. Харроу (Harrow Council) в 2006—2008	Сбор средств для поддержки родной деревни в Бангладеш
132	Чоудхури, Санавар (Choudhury Sanawar)	1964	м	Не ук.	Не выд.	женат	Образование в ВБ	4/ 3м/1ж	Финансы и связи внутри общины	Развитие бизнеса между Бангладеш и странами Европы

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
133	Чоудхури, Таз (Choudhury Taz)	<50	м	Не укр.	Не выд.	Не укр.	Не укр.	Не укр.	Медиа	Не укр.
134	Чоудхури, Тарек (Chowdhury Tareq)	<30	м	Хабигондж, Силхет, Бангладеш	Не выд.	женат	Образование в ВБ	Не укр.	Юриспруден- ция/ Медиа/ Журналист	Не укр.
135	Чоудхури, Файзур Рахман (Choudhury Faizur Rahman)	1954	м	Хабигондж, Бангладеш	Мус.	женат	Образование в ВБ	6/ 4м/2ж	Связи внутри общины	Поддержка национальных и религиозных интересов
136	Чоудхури, Фойзул Хусейн (Choudhury Foyzul Hussain)	<50	м	Хабигондж, Бангладеш	Не выд.	Не укр.	Образование в ВБ	Не укр.	Логистика, Активист по делам общины	Благотворитель- ность на нужды общины, бадминтон
137	Чоудхури, Чина (Chowdhury China)	<40	ж	Не укр.	Не выд.	Не укр.	Не укр.	Не укр.	Искусство и Развлече- ния — Артистка	Продвижение национальной культуры и языка на телевидении

Продолжение таблицы 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
138	Чоудхури, Шамим (Chowdhury Shamim)	<40	ж	Не ук.	Не выд.	Не ук.	Образование в ВБ	Не ук.	Медиа/ Журналист	Шокоган, каратэ, кулинария, увле- чение литерату- рой и искусством, путешествия, гордость за при- надлежность Бангладеш (proud of Bangladeshi her- itage)
139	Чоудхури, Шерван (Chowdhury Sherwan)	<60	м	Не ук.	Мус.	женат	Не ук.	3/ 2м/1ж	Сфера жилья/ Политика/ Партия лейбористов (Labour Party)	Благотворитель- ность на нужды общины
140	Чоудхури, Шету (Choudhury Shetu)	<40	м	Не ук.	Не выд.	женат	Образование в Бангладеш и в ВБ	Не ук.	Искусство — Актер	Поддержка инте- ресов общины, вклад в поддерж- ку бенгальской культуры в ВБ, продвижение идей мультикуль- турализма

Сокращения к Таблице 3:

ВБ — Великобритания;
не ук. — не указано;

не выд. — не выделен;
мус. — мусульманин;

м — мужчина;
ж — женщина.

Научное издание

О.Н. Меренкова, И.Ю. Котин

**БАНГЛАДЕШЦЫ В ЛОНДОНЕ:
Этноконфессиональная группа в мультикуль-турном
мегаполисе**

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор *М. А. Ильина*

Корректор *Е. З. Чикадзе*

Компьютерный макет *Н. И. Пашковской*

Подписано в печать 00.00.2016.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура NewtonPS. Усл. печ. л. 00. Уч.-изд. л. 00.

Тираж 000 экз. Заказ № 000.

МАЭ РАН

190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в

ISBN 978-5-

